

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БОГОСЛОВСКИЙ
СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМНАРИИ**

№ 2(11) 2020

Тамбов

УДК 23/28
ББК 86.372я5
Б74

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви

ИС Р20-011-0313

Б74 **Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии:**
научн. журн. / Тамб. духов. семинария. – Тамбов : ООО «ТПС»,
2020. – № 2 (11). – 208 с.

В выпуск № 2 (11) научного журнала «Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии» вошли статьи, в которых изложены результаты научных исследований преподавателей и магистрантов семинарии, а также светских учебных заведений. Публикации охватывают широкий круг вопросов, связанных с историей Церкви, развитием церковно-государственных отношений, актуальные темы богословия и философии, православной антропологии и педагогики, филологии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам духовных и светских вузов, а также всем интересующимся историей Церкви и богословскими науками.

УДК 23/28
ББК 86.372я5

ISSN 2687-072X

© Тамбовская духовная семинария, 2020
© ООО «ТПС», 2020

SCIENTIFIC JOURNAL

**THEOLOGICAL
COLLECTION
OF TAMBOV
THEOLOGICAL
SEMINARY**

No. 2(11) 2020

Tambov

Recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Theological Collection of Tambov Theological Seminary:
Scientific Journal / Tambov Theological Seminary. – Tambov :
OOO «TPU», 2020. – No. 2 (11). – 208 p.

Issue 2 (11) of the Scientific Journal «Theological Collection of the Tambov Theological Seminary» includes articles representing results of scientific studies carried out by professors and master degree students of seminaries and secular educational institutions. The articles cover a wide range of issues related to history of the Church, the development of relations between the Church and the state, highly topical issues of theology and philosophy, Orthodox anthropology and pedagogy, and philology.

The issue is addressed to scientists, professors, graduate students, students of theological and secular universities, as well as all those interested in history of the Church and theological sciences.

ISSN 2687-072X

© Tambov Theological Seminary, 2020
© OOO «TPU», 2020

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии
Заместитель главного редактора	Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе Тамбовской духовной семинарии
Секретарь	Филиппова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором заочного обучения, заведующая кафедрой филологии Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Священник Виталий Щербаков, магистр религиоведения, первый проректор Тамбовской духовной семинарии

Аленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Тамбовской духовной семинарии

Евтихий Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий церковно-практической кафедрой Тамбовской духовной семинарии

Ряховская Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

Зусман Юрий Андреевич, кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологии Тамбовской духовной семинарии

Булгыгина Светлана Викторовна, заведующая библиотекой Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), доктор исторических наук, кандидат богословия, Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Ильин Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Налетова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Безукладова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, начальник Управления международных связей по работе с иностранными студентами ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат богословия, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Диакон Антоний Дик, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Орлова Вера Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Игумен Пимен (Семилетов), кандидат богословия, старший преподаватель кафедры богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

EDITORS OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief	Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, Rector of Tambov Theological Seminary
Deputy Editor-in-Chief	Elena V. Grudinina, PhD in Philology, Vice-rector for Research Tambov Theological Seminary
Editorial Assistant (Secretary)	Svetlana V. Filippova, PhD in Philology, Head of the Extramural Studies Division, Head of the Philology Department Tambov Theological Seminary

EDITORIAL BOARD

Vitaly Shcherbakov, Priest, Master of Religion Studis, First Vice-Rector, Tambov Theological Seminary

Inna V. Allenova, PhD in History, Vice-Rector for Academic Affairs, Tambov Theological Seminary

Petr N. Evtikhiev, PhD in Pedagogy Associate Professor, Head of the Church and Practical Department, Tambov Theological Seminary

Tatiana V. Ryakhovskaya, PhD in Philosophy, Head of the Theology Department, Tambov Theological Seminary

Yuri A. Zusman, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tambov Theological Seminary

Svetlana V. Bulygina, Head of the Library Tambov Theological Seminary

EDITORIAL COUNCIL

Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, Rector of Tambov Theological Seminary

Kliment (Kapalin), Metropolitan of Kaluga and Borovsk, Doctor of History, PhD in Theology, Chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary

Nikolai V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University

Aleksei Yu. Ilin, Doctor of History, Professor, Director of Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Derzhavin Tambov State University

Irina Yu. Bezukladova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the International Relations Department, Derzhavin Tambov State University

Lyudmila Ye. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Natalia V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and World Literature, Journalism; Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Viktor Lisyunin, Archpriest, PhD in Theology, PhD in History Head of the History Department, Tambov Theological Seminary

Antony Dik, Deacon, PhD in History, Associate Professor, Head of the Theological Department, Derzhavin Tambov State University

Vera D. Orlova, PhD in History, Associate Professor, Church History Department, Tambov Theological Seminary

Pimen (Semiletov), Hegumen, PhD in Theology, Associate Professor, Department of Theology Tambov Theological Seminary

СОДЕРЖАНИЕ*Богословие и философия***Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий
(Васнев Сергей Иванович)**

Евангельский закон любви, благодати и истины 14

Дианова Галина АльбертовнаИсторическое значение образа преподобного Иоанна Дамаскина
и его творчества для русского православия и русской культуры 23**Священник Виталий Юрьевич Щербаков,
Свиридов Юлиан Александрович**«Вопрошание Кириково» и «Известие учительное»:
сравнительный анализ литургических аспектов 41**Иеромонах Паисий (Буй Сергей Игоревич)**

Влияние музыки на нравственную жизнь человека 53

*История Церкви***Священник Антоний Геннадьевич Лозовский**Деятельность Тамбовского Казанско-Богородичного
миссионерского братства во второй половине XIX века 64**Священник Александр Сергеевич Быканов**Церковно-приходские школы в системе начального
духовного образования Российской империи в последней
четверти XIX – начале XX века. Историография советского
и современного периодов 75**Рубан Наталья Борисовна**История новой Покровской церкви г. Тамбова (по документам
государственного архива Тамбовской области) 95**Левин Олег Юрьевич**

Из переписки А.Н. Норцова с В.В. Лемешевским 104

*Православная педагогика и антропология***Епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген
(Серый Владимир Иванович)**

Священномученик Владимир (Богоявленский)
о религиозно-нравственном воспитании детей 112

Колесников Сергей Александрович

Традиции православной педагогики в богословском
наследии протоиерея Василия Зеньковского 119

Диакон Павел Иоаннович Каледа

Антропология СПбДА конца XIX – начала XX века:
преодоление замкнутости «я» 129

Никитин Сергей Викторович

Педагогические аспекты социальной адаптации младших
школьников средствами театрализованной деятельности
в условиях воскресной школы 148

*Филология***Игумен Пимен (Семилетов Игорь Александрович)**

Духовная литература России XVIII–XIX веков 160

Священник Николай Николаевич Киреев

Лингвокультурологические аспекты миссионерской
деятельности святителя Николая Японского..... 171

Священник Дмитрий Николаевич Рожнов

Христианские мотивы в стихотворении Н.А. Некрасова «Детство»:
догматический и индивидуально-авторский аспекты 182

Алленова Инна Викторовна

Литературное наследие педагога и оратора ранней
Византии – Либания..... 194

Список сокращений 207

 CONTENTS
*Theology and Philosophy***Feodosy (Vasnev Sergey I.), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo**

The gospel law of love, grace and truth 14

Galina A. DianovaHistorical significance of the image of Reverend John of Damascus
and his creative work for Russian Orthodoxy and Russian culture 23**Vitaly Yu. Shcherbakov, Priest, Yulian A. Sviridov**«Kirikovo inquiry» and «Educational news»: a comparative
analysis of liturgical aspects 41**Paisy (Bui Sergei I.), Hieromonk**

Influence of music on a person's moral life 53

*History of the Church***Anthony G. Lozovsky, Priest**The activities of the Tambov Kazan-Theotokos missionary
brotherhood in the second half of the 19th century 64**Alexander S. Bykanov, Priest**Parochial schools in the system of primary spiritual education
of the Russian Empire in the last quarter of the 19th – early 20th
centuries. Historiography of the soviet and modern periods 75**Natalia B. Ruban**History of the new Intercession Church in Tambov (based
on the documents of the State Archive of the Tambov Region) 95**Oleg Yu. Levin**From correspondence between spiritualist and occultist. A.N. Nortsov
and V.V. Lemeshevsky 104

Orthodox Pedagogy and Anthropology

Hermogenes (Sery Vladimir I.), Bishop of Michurinsk and Morshansk
 Hieromartyr Vladimir (Bogoyavlensky) on religious and moral
 education of children 112

Sergey A. Kolesnikov
 Traditions of Orthodox pedagogy in the theological legacy
 of Archpriest Vasily Zenkovsky 119

Pavel I. Kaleda, Deacon
 Anthropology of Saint Petersburg Theological Academy of the late
 19th – early 20th centuries: overcoming the «I» asociality 129

Sergey V. Nikitin
 Pedagogical aspects of social adaptation of younger schoolchildren
 by means of theatrical activities in the conditions of a Sunday
 school 148

Philology

Pimen (Semiletov Igor A.), Hegumen
 Russian spiritual literature in the 18th – 19th centuries 160

Nikolai N. Kireev, Priest
 Linguistic and cultural aspects of the missionary activities
 of Saint Nicholas of Japan 171

Dmitry N. Rozhnov, Priest
 Christian motives in N. A. Nekrasov's poem «Childhood»:
 dogmatic and individual author's aspects..... 182

Inna V. Allenova
 Literary heritage of Libanius, the teacher and orator
 of Early Byzantium 194

List of abbreviations 207

**БОГОСЛОВИЕ
И ФИЛОСОФИЯ**

УДК 2-44; 2-475

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ЗАКОН ЛЮБВИ, БЛАГОДАТИ И ИСТИНЫ

**Митрополит Тамбовский и Рассказовский
ФЕОДОСИЙ**

(Васнев Сергей Иванович)

доктор теологии, кандидат богословия,
ректор Тамбовской духовной семинарии
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митр.* Евангельский закон любви, благодати и истины // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 14–22.

Аннотация

В статье рассматриваются фундаментальные основы православного вероучения сквозь призму современной социальной и нравственной проблематики. Автор обосновывает непреходящую ценность евангельских заповедей и раскрывает их духовный смысл, акцентируя внимание на феномене исповедничества и мученичества, а также на необходимости избрания каждым человеком своего пути ко Христу, поскольку только в этом случае он имеет убедительную мотивацию жить согласно евангельскому закону. В заключение подчеркивается, что для достижения спасения души необходимы совместные действия Бога и человека, чему способствуют церковные таинства, прежде всего, Евхаристия. Поэтому христианская нравственность не реализуема вне Церкви.

Ключевые слова: евангельский закон; любовь; истина; благодать; заповеди блаженства; христианская нравственность; спасение души; церковные таинства.

Одним из распространенных явлений начала XXI века является отсутствие у современных людей подлинной высокой цели в жизни. Иногда человек избирает для себя такие жизненные приоритеты, следование которым наполняет его жизнь абсолютно бессмысленными поступками. В массовом сознании утверждается культ наслаждений, приобретающий все более гипертрофирован-

ные формы. Привыкший жить среди роскоши, удовольствий и безудержных страстей человек превращается в чувственное материальное существо. Христианская традиция, равно как и весь положительный духовный опыт, накопленный от создания мира, свидетельствует о том, что человек обладает «живой душой» (Быт. 2, 7) и, как существо духовное, не должен руководствоваться животными инстинктами. Подавление духовного начала разрушает в нем гармоничное сочетание духовного и материального, приводит к внутреннему опустошению, утрате подлинного смысла жизни, а порой и к физической гибели.

Духовный кризис в российском обществе связан главным образом с процессом разрушения традиционного уклада жизни, с отказом от евангельского закона «благодати и истины» (Ин. 1, 17), от данных Христом нравственных норм устройства личной, семейной, общественной и государственной жизни, в соответствии с которыми наш народ жил веками, передавая их из поколения в поколение. В современной тревожной ситуации можно увидеть аналогию с той духовной катастрофой, которая произошла на заре человеческой истории, когда люди попробовали жить без Бога, своим непослушанием нарушив Божественный закон. Наступила духовная и нравственная деградация человечества, которую поразительно точно охарактеризовал апостол Павел в Послании к Римлянам: «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1, 28–30).

В Новом Завете Иисус Христос принципиально изменил представление о духовности и нравственности. Он лично указал человечеству Путь, Истину и Жизнь, родившись в Вифлееме от Девы Марии. Для достижения вечного спасения Христос призвал человека следовать за Ним, не только внешне ограничивая темные стороны своей натуры, но достигая богоподобной святости и совершенства, через самоконтроль, каждодневное внутреннее делание, сопряженное с огромными усилиями над собой. Новозаветная

нравственность требует от человека победить зло в своем сердце и стать носителем добра. Святитель Василий Великий так пишет о высоте нравственного учения Христа: «Как Закон запрещает худые поступки, так Евангелие запрещает самые сокровенные страстные движения в душе» [1, с. 50].

Для современного секулярного сознания не понятна и не приятна христианская идея о том, что согрешающий человек находится в рабстве у своих греховных желаний. Людям свойственно стремиться к свободе. Однако, не имея в своем сердце евангельского закона, этого выверенного вектора движения, они начинают понимать свободу как вседозволенность и легко сбиваются с пути, оказываясь в плену своих греховных страстей. Истинную свободу человеку приносит только победа над низменными сторонами его натуры. По словам отца Древней Церкви святителя Климента Александрийского, «последняя степень рабства – подчинение силе страстей, тогда как победа над ними есть единственно верная свобода» [3, с. 284].

Главнейшей евангельской заповедью является заповедь о любви. Накануне Своих страданий Господь завещал апостолам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34–35). О любви как новой заповеди Иисус Христос говорит потому, что Он Сам есть Любовь, и узнать Бога иначе чем через любовь невозможно. Вот почему апостол убедительно свидетельствует: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1 Кор. 13, 2). Любовь, естественно, была знакома человечеству и до Христа, но в Новом Завете она получила совершенно иной характер и наполнение, простираясь даже до любви к врагам, о которой в Нагорной проповеди Спаситель учит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два ... Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, бла-

готовите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5; 38–41; 43–44). Непревзойденный по ясности изложения и проникновенности в суть христианской любви гимн составил апостол Павел: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 4–8).

Замечательные плоды принесло евангельское благовестие в Русской земле. Летописцы повествуют о коренных изменениях, произошедших с князем Владимиром – святым равноапостольным крестителем Руси. Современники князя не смогли скрыть удивления, когда увидели его, еще недавно не пощадившим в гражданской войне родного брата, кротким, смиренным и милостивым государем. Знаменитые пиры князя, красочно описанные в русских былинах, на которые мог прийти любой нуждающийся, по сути были началом христианской благотворительности на Руси. Вслед за своим князем менялись его подданные. Русь постепенно отказывалась от языческих норм жизни. Сыновья князя Владимира, Борис и Глеб, следуя христианской заповеди о любви к врагам, отказались от братоубийственной войны с братом Святополком, заплатив за это своей жизнью. В течение столетий христианская культура преображала в нашей стране общественную жизнь, постепенно искореняя пережитки язычества в сознании людей. Многочисленные исторические свидетельства, памятники литературы и искусства неопровержимо говорят о том, что русские люди действительно стремились воплотить евангельский закон «благодати и истины» в своей жизни, взирая на Личность Иисуса Христа как на образец для подражания и следуя примеру святых и подвижников благочестия. В православной христианской вере наши предки обрели прочную внутреннюю опору, которая помогала им противостоять неприятелям и созидать Великую Русь.

Средоточием евангельской этики являются заповеди блаженств, в которых предъявляемые Богом нравственные требования к человеку неразрывно связаны с понятием блаженства, то есть награды, которую человек получит от Бога за их выполнение.

За верность евангельским заповедям Бог обещает человеку не материальные блага; Он дарует ему нечто неизмеримо большее – Самого Себя. Заповеди блаженств даются Христом в соответствии с определенной внутренней логикой. Они, как ступени незримой духовной лестницы, поднимают человека все выше и выше, но не к отвлеченному духовному совершенству, а к конкретной богочеловеческой Личности Христа. В Нагорной проповеди Бог показывает человеку беспредельную перспективу нравственного развития: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Таким образом, целью выполнения евангельских заповедей является уподобление человека Богу, достижение блаженства, Царства Небесного. Все это он может обрести не только в будущей жизни, но еще живя на земле. Христос говорит: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21), то есть ощутить присутствие Царства Небесного человеку дано уже в этой временной жизни. Согласно христианской антропологии человеческое естество после грехопадения находится в поврежденном состоянии, в котором человек уже практически не может не творить зла. «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю ... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек!» – пишет апостол Павел (Рим. 7; 19, 22–24). Это заставляет по-иному оценивать процесс духовно-нравственного совершенствования человека. Самостоятельно, лишь одними своими усилиями он не сможет бороться со злом, которое находится внутри него. Вот почему без благодатной помощи, которую человек может получить только в Церкви, евангельские заповеди становятся заведомо невыполнимыми. Нашим современникам порой очень трудно объяснить необходимость таких евангельских норм, как кротость, смирение и любовь к врагам, поскольку их эмпирический опыт заключается совсем в другом: не теряйся, будь активным, проявляй агрессию, извлекай выгоду из всего. Не воцерковленное сознание человека воспринимает христианство вообще и христианскую нравственность в частности в основном как систему запретов. Только воцерковленный способен в полной мере воспринять евангельские истины, только тот, кто открыл для себя богатый

духовный мир христианства, кто пережил личную встречу с Богом, кто ощутил внутреннюю пасхальную радость общения с Воскресшим Христом, имеет собственную убедительную мотивацию жить согласно евангельскому закону.

Одна из заповедей блаженств звучит для светского человека особенно парадоксально: «Блаженны вы, когда возненавидят вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь; ибо велика вам награда на небесах» (Лк. 6, 22–23). Может ли вообще быть такая истина, ради которой человек готов стать изгоем среди людей, терпеть мучения или даже расстаться с самым дорогим и ценным для него – со своею собственной жизнью? Христианство отвечает на этот вопрос утвердительно. Этой совершенной Истиной является Иисус Христос. Человека, ощутившего в своем сердце Бога и познавшего Истину и Любовь, невозможно отлучить от Бога, как об этом свидетельствует апостол: «Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучит нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38–39). Миллионы христиан в разные эпохи своими яркими подвигами мученичества и исповедничества показали всему миру внутреннюю правду Божественного Евангелия. Общеизвестны многочисленные свидетельства того, что люди шли на смерть и на муки в спокойном и даже радостном состоянии духа, без тени страха и экзальтации, ибо обладали чем-то таким, что неизвестно было их мучителям и что приводило их в бессильную ярость. Верные последователи Христа бесстрашно свидетельствовали о Нем, поскольку видели Господа духовными очами и вдохновлялись Им на новые подвиги.

Христианство является богооткровенным учением. Боговоплощение, искупительный подвиг и крестная смерть Спасителя были необходимы для того, чтобы Евангелие стало для каждого человека дорогой ко Христу. Следуя этой дорогой, человек нуждается в реальном общении с Богом, достигаемом в Таинствах Церкви и, прежде всего, в Таинстве Евхаристии. Христианская нравственность не реализуема вне Церкви. Православная этика неотделима от учения о вечном спасении человека, по которому его нравственный рост в соответствии с евангельскими заповедями требует

совместных действий Бога и человека, о чем говорит святитель Григорий Богослов: «Добродетель – не дар только великого Бога, почтившего Свой образ; потому что нужно и твое стремление. Она не произведение только твоего сердца; потому что потребна превосходнейшая сила ... И к преуспеванию моему нужны две доли от великого Бога: именно первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне силу, а в середине я – текущий на поприще» [2, с. 92–93].

Христианство, несмотря на жестокие гонения в прошлом, не смотря на скрытое, но мощное противодействие разных сил в настоящем, продолжает оказывать огромное благотворное воздействие на современное общество. Божественное Евангелие было и остается уникальным сводом духовных и нравственных правил, в которых содержатся ответы на все духовные запросы человека, в какую бы эпоху он ни жил. Прекрасно сказал об этом святитель Николай Сербский: «Люди рождаются и умирают... На земле одно уступает место другому, то есть постоянно обновляется. Приходят новые поколения людей, а вместе с ними и новые идеи. Нет такой теории, которая не претерпевала бы тех или иных корректировок, а потому кто ведает участь тех, кого ныне считают праведным и совершенным? Есть только одни идеи, чья древность и неизменность, естественность и ясность, а главным образом – Божественная высота свидетельствует об их вечности. Существует только один сборник, страницы которого не обветшают и слова не изгладятся в веках; нет, с веками эти слова становятся все более очевидными и доступными для понимания. Свод этих вечных идей – Евангелие» [4, с. 435].

Список литературы

1. *Василий Великий, свт.* Творения. В 2 т. Т. 2. Аскетические творения. Письма / святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской. – Москва : Сиб. Благовонница, 2009. – 1230 с. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе ; т. 4).

2. *Григорий Богослов, свт.* Творения. В 2 т. Т. 2. Стихотворения. Письма. Завещание / святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. – Москва : Сиб. Благовонница,

2011. – 943 с. – (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе ; т. 2).

3. *Климент Александрийский*. Строматы. В [2 т.], 7 кн. [Т. 1], кн. 2 / Климент Александрийский ; пер. с древнегреч., предисл., ком. и библиогр. Е.В. Афонасина. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Обышко, 2014. – 351 с. – (Библиотека христианской мысли. Источники).

4. *Николай Сербский (Велимирович), свт.* Творения святителя Николая Сербского (Велимировича). Библейские темы / святитель Николай Сербский (Велимирович) ; пер. с серб. Сергея Фонова. – Москва : Паломник, 2005. – 478 с.

UDC 2-44; 2-475

THE GOSPEL LAW OF LOVE, GRACE AND TRUTH

**FEODOSY (Sergey I. Vasnev),
Metropolitan
of Tambov and Rasskazovo**
Doctor of Theology,
PhD in Theology,
Rector of Tambov Theological Seminary
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

For citation: *Feodosy (Vasnev), Metropolitan*. The gospel law of love, grace and truth // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 14–22. (in Russian)

Abstract

The article examines the basic foundations of the Orthodox faith through the prism of modern social and moral issues. The author substantiates the eternal value of the gospel commandments and reveals their spiritual meaning, focusing on the phenomenon of confessionalism and martyrdom, as well as the need for each person to choose their own path to Christ, since only in this case they have a convincing motivation to live according to the gospel law. In conclusion, it is emphasized that in order to achieve salvation of the soul, joint actions of God and man are necessary, which is facilitated by the Church's

sacraments, first of all, the Eucharist. Therefore, Christian morality is not realized outside the Church.

Keywords: gospel law; love; truth; grace; Beatitudes; Christian morality; salvation of the soul; Church sacraments.

References

1. *Saint Basil the Great Tvoreniya*. V 2 t. T. 2. Asketicheskie tvoreniya. Pis'ma [Writings. In 2 vols. Vol. 2. Ascetic writings. Letters]. / Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea of Cappadocia. – Moscow: Sib. Blagozvonitsa, 2009. – 1230 p. – (Complete collection of works of the Holy fathers and Church writers in Russian translation ; vol. 4). (in Russian)

2. *Saint Gregory the Theologian Tvoreniya*. V 2 t. T. 2. Stikhotvoreniya. Pis'ma. Zaveshchanie [Writings. In 2 vols. Vol. 2. Poems. Letters. Testament]. / Saint Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople. – Moscow: Sib. Blagozvonitsa, 2011. – 943 p. – (Complete collection of works of the Holy fathers and Church writers in Russian translation ; vol. 2). (in Russian)

3. *Clement of Alexandria Stromaty [Stromateis]*. In [2 vol.], 7 books. [Vol. 1], book 2 / Clement of Alexandria; translation from ancient Greek, preface, comments and references by E. V. AFONASIN. 2nd edition revised. Saint Petersburg: Oleg Obyshko Publishing house, 2014. – 351 p. – (Library of Christian thought. Sources). (in Russian)

4. *Saint Nicholas of Serbia (Velimirovich)*. Tvoreniya svyatitelya Nikolaya Serbskogo (Velimirovicha). Bibleiskie temy [The works by St. Nikolas of Serbia (Velimirovic). Biblical themes]. / Saint Nicholas of Serbia (Velimirovich); translated from Serbian by Sergei Fonov. Moscow: Pilgrim, 2005, 478 p. (in Russian)

УДК 245

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ДАМАСКИНА И ЕГО ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Дианова Галина Альбертовна
доктор филологических наук,
профессор, искусствовед, переводчик,
магистрант направления
«Теология» Российского православного
университета святого
Иоанна Богослова, Москва
E-mail: gdianova@mail.ru

Для цитирования: Дианова, Г.А. Историческое значение образа преподобного Иоанна Дамаскина и его творчества для русского православия и русской культуры // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 23–40.

Аннотация.

Творчество преподобного Иоанна Дамаскина имеет не только историческую ценность, но и огромное значение для современного Православия: на протяжении веков оно служило образцом и в нем черпали вдохновение многие авторы лучших произведений церковного пения, иконописи, литературы и искусства; в этих произведениях нашла свое воплощение уникальная характеристика русского народа, главная ценность русской православной веры – соборность. В статье рассматриваются иконописные, литературные и музыкальные произведения, в которых представлен образ преподобного Иоанна Дамаскина и основные идеи его сочинений.

Ключевые слова: гимнография; иконы «О Тебе радуется...», «Собор Пресвятой Богородицы»; кантата; русский реквием; соборность.

Преподобный Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753) известен как крупнейший систематизатор христианского вероучения, представленного им в «Точном изложении православной веры», кото-

рое, как указывает П.Ю. Малков, является «первым обширным и удачным плодом догматического творчества» и «это не учебник по догматическому богословию. Это учебник христианской жизни, в которой догматы должны стать основой аскетического делания, аскетического подвига, восхождения христианина к спасению» [10]. Сочинения преподобного Иоанна Дамаскина активно использовались славянскими и русскими церковными писателями, начиная с XI века. Так, «Богословие» (в переводе IX в. Иоанна Экзарха) цитируется под названием «Книга Уверие» в предисловии к «Сказанию о чудесах святых мучеников Бориса и Глеба» (XI в.). Позднее, в XIII–XV веках, творения преподобного Иоанна Дамаскина послужили источником при составлении энциклопедического сборника-компиляции «Златая цепь», своего рода нравственной хрестоматии, включающей наставления о христианских добродетелях. Активно использовал сочинения преподобного Иоанна Дамаскина преподобный Иосиф Волоцкий при написании «Просветителя» [15, с. 204–205].

Другой современный исследователь, М.В. Антонова, отмечает, что в середине XIX века «Житие Иоанна Дамаскина» было доступно не только на греческом языке (который в то время преподавался в гимназиях), но и на церковнославянском. Существовало «Житие» в составе Макарьевских Миней (собранных в XVI веке митрополитом Новгородским Макарием). Это было 12-томное творение, которое получило название «Великие Минеи Четии» и включало агиографические, риторические, дидактические, гомилетические и исторические памятники. Труд был рукописный, но в конце XVII–начале XVIII века в старопечатном варианте вышел труд «Четьи Минеи», принадлежащий перу святого Димитрия Ростовского [2, с. 95].

Преподобный Иоанн Дамаскин прославился не только своими богословскими трудами, но и молитвенными песнопениями, употребляемыми в храмах до сих пор. Великий песнотворец особо подчеркивал важность словесного начала в богослужении: «Вечернюю песнь, / и словесную службу, / Тебе, Христе, приносим» (воскресная служба 8-го гласа, стихира на «Господи, воззвах»). Его гимнографические пения переводились на славянский язык в составе богослужебных книг со второй половины IX века. Прежде всего сюда относится Октоих– богослужебный

сборник, который содержит тексты изменяемых песнопений на восемь гласов для богослужения в течение всего года. Преподобный Иоанн Дамаскин не только составил песнопения на воскресные дни, но и создал для них музыку, установив определенный способ их пения. Позднее этот принцип организации церковных текстов и распевов был заимствован для богослужения в Древней Руси [16, с. 2]. Один из исследователей гимнологии преподобного Иоанна Дамаскина П. Петрос указывает, что преподобный упразднил в Церкви всякое пение, не отвечающее молитвенному духу, ... и «изложил осмогласие церковного пения в строгой музыкальной системе». П. Петрос считает Иоанна Дамаскина «организатором<...> литургического музыкального осмогласного пения» [12].

Введение Октоиха произвело значительную перемену в составе богослужения; это поставило автора перед необходимостью пересмотреть Иерусалимский Устав преподобного Саввы. С этой целью Иоанн Дамаскин и его друг Косма Маюмский составили правила о канонах, по которым гласы распеваются и в современной богослужебной практике. Этот великий труд преподобного Иоанна Дамаскина высоко оценивается в литературе. В связи с повышенным интересом и углубленным изучением Октоиха авторы намечают большую работу в будущем по изучению размеров (*precedesmetriques*) и музыкальных соотношений между ирмосами и тропарями воскресных канонов, относимых к имени преподобного, в целях их идентификации [5, с. 60, 65].

Особое значение имеют песнопения, составленные к Святой Пасхе; каноны на двенадцатые Господские праздники, из которых особо выделяются каноны на Рождество Христово, Богоявление, Вознесение Господне. Преподобный Иоанн Дамаскин является песнотворцем чинов Богородицы, Иоанна Предтечи, апостолов, пророков, богомудрых учителей, праведников и мучеников. До настоящего времени в последний путь человека провожают под пение написанных им надгробных стихир.

Наиболее замечательное и прославленное литургическое произведение преподобного Иоанна Дамаскина – канон на Святую Пасху. Пасхальный канон является основной, главной частью богослужения пасхальной утрени, во все дни Светлой седмицы и последующих воскресных дней, вплоть до Вознесения Господня.

Достойную оценку этому канону дает преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, указывающий, что Иоанну Дамаскину принадлежит и создание всей службы Святой Пасхи, включая пасхальные часы, а также службы на всю седмицу Пасхи: «После пасхальной службы в образцах творчества человеческого нельзя найти песни более полной чувствованиями, столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Пасхальная служба – торжество неба и земли... Пасха – торжество торжеств, и песнь Пасхе – из праздников праздник душе» [5, с. 68].

Высоко оценивал пасхальный канон заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, русский богослов Е.И. Ловягин (1822–1909), которому принадлежит перевод этого канона на русский язык: «Святой Иоанн Дамаскин, златоточивый составитель этого канона, совершеннейшим образом выразил в нем чувство высокого духовного восторга, наполняющего душу при воспоминании о преславном событии в земной жизни нашего Господа... При изображении обширных и спасительных действий Воскресения Господня чувство, господствующее в душе песнописца, изливается в каноне обильными потоками истинного красноречия». Е.И. Ловягин считает, что «сильные и величественные выражения, искусные и разительные обороты и сочетания слов, живые и быстрые переходы речи при необыкновенной силе и возвышенности мыслей и чувствований делают пасхальный канон поистине превосходным произведением церковной словесности» [8, с. 52].

В канонах на двенадцатые праздники, большая часть которых написана стихами, преподобный говорит о том, что воспевать песни Господу он ставит выше всего другого и что восхвалять и прославлять Божию Матерь можно только согласно, устами всех поющих и молящихся. В этих канонах, равно как и в других произведениях, относящихся к воскресному богослужению, преподобный Иоанн Дамаскин встает перед нами «как инок, пустыжник, рассматривающий и постигающий глубочайшие тайны веры Христовой» [5, с. 68].

Именно в русском Православии принцип распева преподобного Иоанна Дамаскина получил широкое распространение. Например, стих «Благодатный дом» принадлежит к разряду богослужебных песнопений, происходящих из Оптиной пустыни. Впоследствии

он получил распространение почти на всей территории южной и центральной России. Стихира Русским Святым «Земле русская» является образцом пения на подобен. По своему стилю она принадлежит к разряду Киево-Печерских напевов, видоизмененных в Оптины подобны. Основой для этой стихиры послужил подобен «Доме Евфрафов», глас второй, на праздник Знамения Пресвятой Богородицы. Некоторые церковные песнопения переходят в разряд своеобразных патриотических символов. Например, тропарь праздника Воздвижения Креста Господня «Спаси, Господи, люди Твоя...» стал называться молитвой за Отечество [16, с. 5, 6].

Первое песнопение Иоанна Дамаскина относят к началу иконоборческого движения в период правления византийского императора Льва III Исавра (717–741), который обвинил Иоанна Дамаскина, своего идейного противника, в государственной измене, за что ему отрубили кисть правой руки и повесили ее на городской площади. К вечеру того же дня Иоанн, испросив у халифа отрубленную кисть, приложил ее к суставу и преклонился перед иконой Божией Матери. Преподобный молил Владычицу исцелить руку, писавшую в защиту иконописи. После долгой молитвы Иоанн задремал. Во сне ему явилась Богородица со словами: «Ты исцелен. Трудись же прилежно твоею рукою». Когда преподобный проснулся, рука его была невредима. В 1-й песне 1-го гласа воскресного канона преподобный отражает это событие. В благодарность за совершившееся чудо он приложил к иконе сделанную из серебра руку, отчего икона и стала называться «Троеручицей» (Трихейруса). Во время этого события проявляется талант преподобного Иоанна как поэта и песнотворца: он пишет благодарственную песнь «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь» [12, с. 389–392]. Распространение этого сюжета связано с важностью данного песнопения в богословской практике Древней Руси, входившего в состав литургии святителя Василия Великого, совершающейся, главным образом, во время Великого Поста. Слова гимна были переложены в иконописный образ Богородицы «О Тебе радуется ...».

В XV–XVII веках, наряду с традиционными изображениями, русские иконописцы стали работать над сложными гимнографическими композициями, раскрывающими богословское содержание песнопений и молитв в честь Богоматери. К таким композициям

относится и икона «О Тебе радуется...». Это известный на Руси тип изображений Пресвятой Богородицы. Создание данной иконографии принадлежит русским мастерам московских и новгородско-псковских земель. Такие образы впервые появились в XIV веке. Сохранилось более двадцати больших и несколько мелких икон «О Тебе радуется...» XVII века. Мастерами московской школы иконописи были созданы иконы для соборов Московского Кремля, Кирилло-Белозерского монастыря, Дмитрова и Переславля-Залесского. Все иконы строго следуют канону и очень похожи: белый круг рая с деревьями и травами, многоглавый горный храм, пророки, святые и преподобный Иоанн Дамаскин, поющий гимн. Самая известная из них руки Дионисия хранится в Государственной Третьяковской галерее (происходит из Успенского собора в г. Дмитрове).

«О Тебе радуется...» – один из сравнительно редких случаев, когда икона не изображает какое-либо событие, описанное в Библии или связанное со святыми. На иконе представлена масштабная многофигурная композиция. Пресвятая Богородица изображена в райском саду на фоне многоглавого храма – символа Небесного Иерусалима («раю словесный» и «освященная церковь»). Внизу – сонм православных святых, славящих Богородицу. В центре – Богоматерь, заключенная в голубую славу, сидящая на подушках обращенного вправо широкого деревянного трона с полукруглой спинкой. На ее коленях восседает Младенец с белым свитком. За славой на горках стоит «ангельский собор», с архангелами Михаилом и Гавриилом, блистающими своими нимбами, на фоне грандиозной пятикупольной церкви с зеленоватыми главами и лещадными кровлями. Церковь обрамлена белой, разделенной на четыре пояса сферой с растущими деревьями с плодами и цветами. У нижней части сферы слева, у подножия трона, на котором восседает Божия Матерь с Младенцем, изображен автор гимна – преподобный Иоанн Дамаскин, в руках которого свиток с текстом, рядом – праотцы с Иоанном Предтечей во главе, справа – праведные жены-инокини. Ниже расположен разделенный на две группы человеческий род. Слева – пророки, святители и преподобные, справа – апостолы, мученики и мученицы. Во втором ряду слева изображены первые московские митрополиты Петр и Алексей в белых клобуках. Обязательно присутствуют русские святые, в каждой иконе свои, связанные с местом ее создания.

Новгородская и московские иконы стали образцами, которым в дальнейшем следовали художники, так или иначе варьируя их. Менялась форма храма, рисунок райских цветов, подбор святых, отсутствие или наличие атрибутов у архангелов, месторасположение псалмопевца Давида, благоразумного разбойника, образов праведных душ умерших, Иоанна Предтечи с чашей с Жертвенным Агнцем и самого создателя гимна, но неизменным оставалось гармоническое равновесие между земным и небесным.

Для верующих значение иконы «О Тебе радуется...» отличается от других образов Богоматери, перед которыми они обычно возносят молитвы со своими горестями и просьбами. Перед этой иконой верующие прославляют и восхваляют Пресвятую Деву как символ всеобъемлющей Любви, как Царицу Небесную, объединяющую мир земной и Царствие Небесное. Именно в этом прославлении заключается глубокий смысл данной иконы – объединение всего живого, всего мира вокруг Пресвятой Богородицы. Помогает в этом гимн преподобного Иоанна, исполненный искреннего чувства: не просьба о помощи, не мольба о защите, а благодарность и радость возносятся к Богоматери, дарующей каждому надежду на Спасение [7].

Православные люди возносят благодарственные слова перед ликом Богоматери «О Тебе радуется...», отдавая ей почести, восхваляя святыню и прославляя имя Ее. В Октоихе перед текстом седальна во втором стихословии, восьмого гласа в воскресенье на утрене, сделано специальное указание: «Не сидяще поем, но стояще, и со страхом и благоговением». Кроме того, этот текст в православном богослужении используется как задостойник в литургии Василия Великого (вместо песнопения «Достойно есть...» в литургии Иоанна Златоуста).

В настоящее время иконописцы также обращаются к данному сюжету (например, икона Юрия Кузнецова, написанная на липовой доске темперой в технике пуантилизма).

Празднование в честь иконы «О Тебе радуется...» приурочено к празднику Собора Пресвятой Богородицы, который отмечают 8 января, на следующий день после праздника Рождества Христова. В этот день Православная Церковь с хвалебными и благодарственными песнями обращается к Богоматери, родившей Спасителя. Именно поэтому и установлен праздник ее чествования сразу

после Его Рождества. Собором этот день называется потому, что в отличие от отдельных праздников в честь Пресвятой Богородицы в данный день совершается общее, соборное, празднование и других лиц, близких Пресвятой Деве Марии и Господу Иисусу Христу. Так, вместе с Богородицей, в празднование Собора совершается память тех, кто по плоти был близок к Спасителю: святого Иосифа Обручника, царя Давида (предка по плоти Господа Иисуса Христа) и святого Иакова (брата Господня, сына от первого брака святого Иосифа Обручника).

Иконография «Собора Пресвятой Богородицы» иллюстрирует текст рождественской стихир преподобного Иоанна Дамаскина. Обычно в композициях иконы «Собор Богородицы» внизу изображается торжественное рождественское богослужение: хор певцов, гимнографы Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский, священники, монахи; могут также изображаться патриархи и цари. Эта группа, с одной стороны, олицетворяет весь человеческий род. С другой стороны, изображаемое богослужение прославление Богородицы совершается прямо на наших глазах. Это усиливает литургическую, богослужебную функцию образа. Стилистический анализ указывает на большое сходство данных икон, празднование которых символично приходится на один день.

Творения преподобного Иоанна Дамаскина привлекают внимание композиторов и регентов и вдохновляют их на новые сочинения в честь великого песнотворца или на переложения его творений. Список авторов, которые выбрали седален «О Тебе радуется...» для переложения и гармонизации, бесконечно велик. Приведем имена только некоторых из них: Д. Бортнянский, П. Турчанинов, С. Трубочев, О. Король, И. Валяев, Н. Данилин, А. Шишкин, В. Казьмин, К. Постернак, Е. Кустовский, И. Денисова, Д. Ильин и др.

К непревзойденным творениям и личности преподобного Иоанна Дамаскина обращались и в русском светском искусстве. В поэме А.Н. Апухтина (1840–1893) «Год в монастыре» есть такие строки: «Восторженный канон Дамаскина /У всеобщей сегодня пели, /И умилением душа была полна, /И чудные слова мне душу разогрели. / «Владыка в древности чудесно спас народ...» /О верю, верю! /Он и в наши дни придет/И чудеса свершит другие./О Боже! не народ – последний из людей/Зовет Тебя, тоскою смертной полный.../В моей душе бушуют также волны/Воспоминаний и стра-

стей./Он волны осушил морские. /О, осуши же их своей могучей дланью! /Как солнцем освети греховных мыслей тьму.../О, снизойди к ничтожному созданию! /О, помоги неверью моему!» [3, с. 317].

Цитируемый отрывок был написан 26 декабря (по юлианскому календарю, на следующий день после праздника Рождества Христова), когда проводилось празднование в честь иконы «О Тебе радуется...». Поэма была любимым произведением поэта: им открывались три его прижизненных издания. В одном из писем он писал: «...с каким особенным чувством начал я перелистывать рукопись этой квазипоэмы, которую я не могу разлюбить, несмотря на то, что она обещана типографским станком. Не только каждая глава ее пережита мною, но и писание каждой главы имеет свою историю» [3, с. 418].

Преподобному Иоанну Дамаскину в 1859 году посвятил одноименную поэму А.К. Толстой (1817–1875), вдохновленный канонами поэта-гимнолога. «Иоанн Дамаскин» – произведение, исполненное внутреннего убеждения, посвященное осмыслению места и значения песнотворца в обществе. По мнению М.В. Антоновой, А.К. Толстым при написании поэмы был использован труд святого Димитрия Ростовского «Четьи Минеи». Поэт без отступлений воспроизводит канонизированную биографию знаменитого христианского поэта-гимнолога, подчеркивая: «...если бы я написал иначе, я бы отступил от предания» [2, с. 95]. Автор использовал для своего сочинения эпизод, рассказывающий об уроке творческого молчания, наложенного на святого в монастыре во время послушничества. В послании к И.С. Аксакову (1859) А.К. Толстой признавался «в любви к родной земле и к самым простым явлениям русской жизни, позволяющим прозревать в них высшее духовное содержание» и вместе с тем отмечал: «Вообще эпическая сторона мне не дается, все тянет меня в лиризм, а иногда в драматизм» [14, с. 126].

Т.В. Федосеева отмечает: «В.С. Соловьев писал о поэме Толстого как о «первом значительном произведении», выразившем «идеал поэта». Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) обращал внимание на автобиографический характер образа Иоанна Дамаскина в поэме, находил в ней выражение «жизненного исповедания А.К. Толстого». Герой проходит свой путь к Истине, и этот путь представлен таким, каким его увидел автор поэмы» (14, с. 121).

Отрывок из поэмы А.К. Толстого послужил основой для известного романса «Благославляю вас, леса...» (1881) великого русского композитора П.И. Чайковского (1840–1893). Романс звучит как слава высшей любви человека ко всему живому и стал выражением собственных мыслей композитора о природе и мироздании. Это произведение – гимн Творцу красоты, которую Он даровал роду человеческому. Хроматический ход в пределах кварты, используемый в романсе, – один из часто встречающихся в музыке и называется *passusdiuriusculus*, что в переводе с латинского означает «жестковатый ход». Но такое значение термин имел в средние века, а во времена П.И. Чайковского олицетворял самую сильную степень экспрессии (этот же мотив присутствует и в симфонии № 6 си минор, которую композитор назвал «Патетическая»): «Благословляю вас, леса,/Долины, нивы, горы, воды!/Благословляю я свободу/И голубые небеса!/И посох мой благословляю,/И эту бедную суму,/И степь от края и до края,/И солнца свет, и ночи тьму!/И одинокую тропинку,/По коей нищий я иду,/И в поле каждую былинку,/И в небе каждую звезду!/О, если б мог всю жизнь смешать я,/Всю душу вместе с вами слить;/О, если б мог в мои объятья/Я вас, враги, друзья и братья,/И всю природу, и всю природу/В мои объятья заключить!» [13, с. 340].

В восьмидесятых годах XIX века вся Москва с нетерпением ждала освящения величественного храма Христа Спасителя. С.И. Танеев (1856–1915) задумал написать к этому событию православную кантату. Он заказал поэту Якову Полонскому текст с обобщенно-философским содержанием, на основе православных церковных песнопений. Текст не принес композитору удовлетворения, по определенным обстоятельствам это произведение он так и не написал, но замысел был воплощен в другом сочинении, которое С.И. Танеев посвятил памяти своего педагога Н.Г. Рубинштейна, безвременно ушедшего и глубоко им почитаемого.

Для кантаты композитор решил взять небольшой отрывок из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин», который наиболее соответствовал замыслу, а именно пятую строфу восьмой главы. Отрывок представляет собой тропарь, сложенный Иоанном Дамаскиным в утешение для брата умершего монаха. Это заупокойное песнопение, в котором автор размышляет о том, что будет после жизни. Именно этот отрывок, по мнению С.И. Танеева, как нель-

зя лучше подходил к печальному событию, по поводу которого композитор задумал написать свое произведение: «Иду в неведомый мне путь, /Иду меж страха и надежды;/Мой взор угас, остыла грудь,/Не внемлет слух, сомкнуты вежды;/Лежу безгласен, недвижим,/Не слышу братского рыданья,/И от кадила синий дым/ Не мне струит благоуханье./Но вечным сном пока я сплю,/Моя любовь не умирает./И ею, братья, вас молю,/Да каждый к Господу взывает:/Господь! Господь! Господь!/В тот день, когда труба/Вострубит мира преставленья,/Прими усопшего раба/В Твои небесные селенья» [13, с. 351].

Поскольку С.И. Танеев создавал православную кантату, его главным художественным стремлением было использовать древнерусские песнопения. После премьерного успеха произведение стали называть «Русским реквиемом». Сам композитор обозначил кантату как *Opus 1*, хотя это было далеко не первое его произведение. «С созданием этого произведения в отечественной музыке появился новый тип лирико-философской кантаты – подлинный «русский реквием». После кантаты «Иоанн Дамаскин» последовали другие произведения С.И. Танеева – хоры *asarpela*, кантата «По прочтении псалма» с ее возвышенно-философской проблематикой [11]. Последняя была создана на стихи А.С. Хомякова (1804–1860), поэта, публициста, богослова, основоположника раннего славянофильства, писавшего на философско-религиозные темы. А.С. Хомяков ввел понятие «соборность» в русскую религиозную философию, считал, что оно «выражает идею единства во множестве», и смело утверждал, «что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры» [17, с. 242, 243].

Г.У. Лукина, анализируя обе кантаты с позиции музыкального воплощения идей созвучных русской религиозной философии, пишет: «Осмысление Танеевым творчества как духовно преобразующей, просветляющей деятельности, способной соединять людей любовью, предопределяет христианскую трактовку жанра кантаты». Исследователь обращает внимание на то, что музыка С.И. Танеева имеет большое значение в истории русской духовной культуры и неотделима от Православия. Идеальное средство выражения ключевой идеи христианства – идеи соборного молитвенного делания – С.И. Танеев нашел в хоровом звучании. В своем понимании этой идеи композитор-мыслитель близок русским философам.

Он убежден, что «прочно только то, что корнями гнездится в народе», который «бессознательно копит материал для созданий, удовлетворяющих высшим потребностям человеческого духа» (из письма к П.И. Чайковскому). Поэтому своей главной задачей С.И. Танеев полагал укоренение профессионального творчества на национальной основе путем создания «православной кантаты», избирая строфу тропаря из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин», где душа молитвенно взывает к Богу [9, с. 300].

Музыкальная драматургия кантат С.И. Танеева строится на взаимодействии двух интонационных сфер – мира горнего и мира дольного. Логика интонационной организации «Иоанна Дамаскина» и «По прочтении псалма» подчинена идее согласия воли человеческой и воли Творца (синергии) или «созвучию энергии, соцветию сил, сливающихся в истине, красоте и любви». Воплотив эту идею в хоровом звучании, символизирующем соборное «мы», С.И. Танеев тем самым переосмыслил жанр кантаты в православном ключе [9, с. 304].

В 1915 году в журнале «Русская мысль» была напечатана статья религиозного философа Сергея Булгакова (1873–1944), посвященная картинам Пабло Пикассо из коллекции С.И. Щукина и называвшаяся «Труп красоты. По поводу картин Пикассо». Эпиграфом к статье были взяты строки из погребальных песнопений Иоанна Дамаскина: «Вижду в гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразну, бесславу, не имущую вида». С. Булгаков так описывает свои ощущения от картин Пикассо (созвучные содержанию песнопения): «Когда же вы входите в комнату, где собраны творения Пабло Пикассо, вас охватывает атмосфера мистической жути, доходящей до ужаса. Покрывало дня, с его успокоительной пестротой и красочностью, отлетает, вас объемлет ночь, страшная, безлика, в которой обступают немые и злые призраки, какие-то тени. Это – удушье могилы. Творчество Пикассо и есть эта ночь, безлунная и беззвездная, оно столь же мистично, как и она». И далее, очевидно отойдя от первого впечатления, произведенного на него картинами, уточняет: «Притом это мистика не содержания, не сюжета (совсем наоборот, – сюжеты эти весьма обычны, даже тривиальны, преимущественно это женское тело, одетое или обнаженное, и разные naturemorte), но самой кисти, красок, мазка, мистична насквозь самая природа его

творчества. Это есть если не религиозная, то уж, во всяком случае, мистериальная живопись, нечто иконографическое, хотя и в совершенно особенном смысле» [4, 527–529].

Николай Агафонов (1955–2019), протоиерей Русской Православной Церкви, автор исторического романа «Иоанн Дамаскин», считал, что «образ святого в художественной литературе так же отличается от житийного образа в Четвях Минеях, как живописное полотно на церковную или библейскую тему от канонической иконы на эту же тему. У каждого своё предназначение» [1, с. 341]. Свою главную задачу протоиерей Николай видел «в сохранении целостности идейного образа святости как внутренней установки личности на идеал христианского совершенствования» [1, с. 341]. Действие романа разворачивается на фоне драматического противостояния двух империй: христианской и мусульманской. Яркие и выразительные подробности переносят читателя в центр событий, в которых оказался автор вдохновенных песнопений.

Преподобный Иоанн Дамаскин, которому современники дали определение «златоструйный», оставил всему христианскому миру огромное наследие, значение которого вряд ли можно переоценить. Тема спасения христианина и его общественного служения актуальна как никогда и в настоящее время. В своих трудах преподобный свел к единству и совершенству творчество многих поколений разных народов, указав тем самым путь на соборное творчество как главную ценность для православной веры.

Список литературы

1. *Агафонов, Н.В.* Иоанн Дамаскин / Н.В. Агафонов. – Москва : Вече, 2015. – 352 с.

2. *Антонова, М.В.* Житие Иоанна Дамаскина как основа сюжета поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» / М.В. Антонова // Вестник Брянского государственного университета. Сер. Литературоведение. – 2017. – Вып. 3. – С. 94–101.

3. *Апухтин, А.Н.* Год в монастыре / А.Н. Апухтин // Полн. собр. стихотворений / А.Н. Апухтин. – Ленинград : Совет. писатель, 1991. – 448 с.

4. *Булгаков, С.Н.* Труп красоты. По поводу картин Пикассо / С.Н. Булгаков // Собр. соч.: в 2 т. / С.Н. Булгаков. – Москва : Наука, 1993. – Т. 2. – С. 527–545.

5. *Игнатия (Пузик, Петровская), мон.* Преподобный Иоанн Дамаскин в его церковно-гимнографическом творчестве / монахиня Игнатия // Богословские труды. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1982. – Сб. 23. – С. 59–93.

6. *Игнатия (Петровская), мон.* Церковные песнотворцы / монахиня Игнатия (Петровская) // Предание.ru : православ. портал. – URL: <https://predanie.ru/book/82398-cerkovnyepesnotvocy/> (дата обращения: 28.06.2020).

7. Икона Божией Матери «Всеблаженная» // Православный портал : сайт. – URL: <https://omolitvah.ru/ikony/ikona-bozhiey-materi-o-tebe-raduetsya/> (дата обращения: 29.05.2020).

8. *Ловягин, Е.И.* Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках, переведенные на русский язык ординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии Евграфом Ловягиным / Е.И. Ловягин. – Санкт-Петербург : В Синод. тип., 1875. – 242 с.

9. *Лукина, Г.У.* Замысел С.И. Танеева православной кантаты и его реализация : «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма» / Г.У. Лукина // Вестник МГУКИ. Сер. Искусствознание. – 2014. – Вып. Ноябрь-дек. (6 (62)). – С. 299–304.

10. *Малков, П.Ю.* «Догматы – основание жизни христианина» / беседу с заведующим кафедрой теологии факультета дополнительного образования ПСТГУ Петром Малковым о преподобном Иоанне Дамаскине и его трудах вел Никита Попов // Православие. Ru : сайт. – URL: <https://www.pravoslavie.ru/88888.html> (дата обращения: 28.06.2020).

11. *Михеева, Л.* Танеев. Кантата «Иоанн Дамаскин» / Л. Михеева, Л. Корабельникова // Belcanto.ru : классическая музыка, опера, балет : сайт. – URL: <https://www.belcanto.ru/or-taneev-damaskin.html> (дата обращения: 28.06.2020).

12. *Поселянин, Е.Н.* Богоматерь : полн. ил. описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. В 2 т. Т. 1 / Е.Н. Поселянин. – Репр. воспр. изд. 1914 г. – Москва : АНО «Православ. журн. «Отдых христианина», 2002. – 801 с.

13. Толстой, А.К. Иоанн Дамаскин / А.К. Толстой // Собр. соч. : в 4 т. / А.К. Толстой. – Москва : Правда, 1969. – Т. 1. – С. 337–357.

14. Федосеева, Т.В. Автор и герой в поэме А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» / Т.В. Федосеева // Проблемы исторической поэтики : сб. науч. работ. – Москва : Журн. клуб Интелрос, 2018. – Вып. 16, т. 1. – С. 119–139.

15. Филарет (Гумилевский), архиеп. Иоанн Дамаскин / архиепископ Филарет (Гумилевский) // Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви / архиепископ Филарет (Гумилевский). – Репр. изд. – Сергиев Посад : Св. Троиц. Сергиева Лавра, 1995. – С. 204–237.

16. Хорошилова, Е.Л. Творчество преподобного Иоанна Дамаскина в церковно-певческой практике / Е.Л. Хорошилова, С.П. Коноваленко // CYBERLENINKA: сайт. – URL: (<https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-prepodobnogo-ioanna-damaskina-v-tserkovnoy-praktike>) (дата обращения: 28.06.2020).

17. Хомяков, А.С. Письмо к редактору «L'UnionChretienne» о значении слов: «Кафолический» и «Соборный» по поводу речи иезуита отца Гагарина / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч. : в 2 т. / А.С. Хомяков – Москва : Медиум, 1994. – Т. 2. – С. 237–243.

UDC 245

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF REVEREND JOHN OF DAMASCUS AND HIS CREATIVE WORK FOR RUSSIAN ORTHODOXY AND RUSSIAN CULTURE

Galina A. Dianova

Master's degree student in Theology
At Russian Orthodox University
of St. Joan the Divine,
Professor of Philology,
Art Historian, Translator
E-mail: gdianova@mail.ru

For citation: *Dianova, G.A.* Historical significance of the image of Reverend John of Damascus and his creative work for Russian Orthodoxy and Russian culture // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 23–40. (in Russian)

Abstract

The life and works of St. John of Damascus have not only historical value but they are also of significant importance to Russian Orthodoxy and Russian culture: for centuries, they have been an impulse for the development of Russian liturgical singing, iconography, literature and art. Moreover, their contribution to the Russian phenomenon of sobornost' as the main value of the Orthodox Faith can hardly be overestimated. The article discusses the works of Russian iconography, literature, and music presenting the image of St. John of Damascus, his life and ideas.

Keywords: hymnography; icons «In Thee Rejoice...», «Synaxis of the Theotokos»; cantata; Russian requiem; sobornost'; N.V. Agafonov; A.N. Apukhtin; S. Bulgakov; S.I. Taneyev; P.I. Tchaikovsky.

References

1. *Agaphonov, N.V.* Ioann Damaskin [John of Damascus]. Moscow: Veche, 2015. 352 p. (in Russian)
2. *Antonova, M.V.* Zhitie Ioanna Damaskina kak osnova syuzheta poemy A.K. Tolstogo «Ioann Damaskin» [The Life of Saint John of

Damascus as the Basis for the Plot of the Poem by A.K. Tolstoy «John of Damascus». // Bulletin of Briansk State University. Section of Literary Studies. 2017, issue 3, pp. 94–101. (in Russian)

3. *Apukhtin, A.N.* God v monastyre [A Year in the Monastery]. // Complete Works of Poems. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1991. – 448 p. (in Russian)

4. *Bulgakov, S.N.* Trup krasoty. Po povodu kartin Pikasso [The Corpse of Beauty. On the Paintings by Picasso]. // Collected Works: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1993, vol. 2, pp. 527–545. (in Russian)

5. *Ignatiya (Puzik, Petrovskaya), nun.* Prepodobnyi Ioann Damaskin v ego tserkovno-gimnographicheskom tvorchestve [Saint John of Damascus in his Religious Hymnographic Works]. // Theological works – Moscow: Moscow Patriarchate Publishing House, 1982, vol. 23, pp. 59–93. (in Russian)

6. *Ignatiya (Petrovskaya), nun.* Tserkovnye pesnotvortsy [Church songwriters]. / Nun Ignatiya (Petrovskaya) // predanie.ru: Orthodox portal. (in Russian). Available at: <https://predanie.ru/book/82398-cerkovnye-pesnotvortcy/> (Accessed: 28.06.2020).

7. Ikona Bozhiei Materi «Vseblazhennaya» [The Icon of the Mother of God «All-Blessed»]. // Orthodox portal: website. (in Russian). Available at: <https://omolitvah.ru/ikony/ikona-bozhiey-materi-otebe-raduetsya/> (Accessed: 29.05.2020).

8. *Lovyagin, E.I.* Bogosluzhebnye kanony na grecheskom, slavyanskom i russkom yazykakh, perevedennykh na russkii yazyk ordinarnym professorom S. Peterburgskoi Dukhovnoi Akadmii Evgrafom Lovyaginym [Liturgical Canons in the Greek, Slavic, and Russian Languages Translated into Russian by Full Professor of St. Petersburg Theological Academy Evgraf Lovyagin]. St. Petersburg: The Synodal Printing House, 1875. – 242 p. (in Russian)

9. *Lukina, G.U.* Zamysel S.I. Taneeva pravoslavnoi kantaty i ego realizatsiya: «Ioann Damaskin» i «Po prochtenii psalma» [S.I. Taneev's Idea of the Orthodox Cantata and its Implementation: “John of Damascus” and «Upon Reading the Psalm»]. // Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (MGUKI). Section of Art Studies, 2014, issue 6 (62) November-December, pp. 299–304. (in Russian)

10. *Malkov, P.Yu.* «Dogmaty – osnovanie zhizni khristianina» [Dogmas as the Basis of the Christian's Life]. // A conversation with the Head of the Theology Department of the Faculty of Continuing

Education of PSTU Peter Malkov about reverend John of Damascus and his writings was conducted by Nikita Popov // Pravoslavie.ru : website. (in Russian). Available at: <https://www.pravoslavie.ru/88888html>. (Accessed: 28.06.2020).

11. *Mikheeva, L.* Taneev. Kantata «Ioann Damaskin» [Taneev. Cantata «John of Damascus»]. / L. Mikheeva, L. Korabel'nikova // Belcanto.ru : classical music, opera, ballet : website. (in Russian). Available at: <https://www.belcanto.ru/or-taneev-damaskin.html> (Accessed: 28.06.2020).

12. *Poselyanin, E.N.* Polnoe il. Opisanie Eya zemnoi zhizni i posvyashchennykh Eya imeni chedotvornykh ikon. V 2 t. T. 1 [Holy Mother of God. A Complete Illustrated Description of Her Life and the Icons Dedicated to Her. In 2 vols. Vol. 1]. E.N. Poselyanin. – Reproduced edition of 1914. – Moscow: ANO Orthodox magazine «Christian's Rest», 2002. – 801 p. (in Russian)

13. *Tolstoy, A.K.* Ioann Damaskin [John of Damascus]. // Collected Works: in 4 vols. – Moscow: Pravda, 1969, vol. 1, pp. 337–357. (in Russian)

14. *Fedoseyeva, T.V.* Avtor i geroi v poeme A.K. Tolstogo «Ioann Damaskin» [The Author and the Hero in A.K. Tolstoy's Poem «John of Damascus»]. // Issues of Historical Poetics: collected works. – Moscow: Intelros, 2018, issue 16, vol. 1, pp. 119–139. (in Russian)

15. *Philaret (Gumilevsky), archpriest.* Ioann Damaskin [John of Damascus]. // Historical Review of the Hymnwriters and Hymns of the Greek Church. Reproduced edition. – Sergiev Posad : The Trinity Lavra of St. Sergius, 1995, pp. 204–237. (in Russian)

15. *Khoroshilova, E.L.* Tvorchestvo prepodobnogo Ioanna Damaskina v tserkovno-pevcheskoi praktike [Works of St. John of Damascus in the Church Singing Practice]. // E.L. Khoroshilova, S.P. Konovalenko // CYBERLENINKA: website. (in Russian). Available at: (<https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-prepodobnogo-ioanna-damaskina-v-tserkovnoy-praktike>) (Accessed: 28.06.2020).

16. *Homyakov, A.S.* Pis'mo redaktoru «L'Union Chretienne» o znchenii slov: «Kafolicheski» i «Sobornyi» po povodu rechi iezuita ottsa Gagarina [A Letter to the Editor of L'Union Chretienne concerning the meaning of the words «Catholic» and «Soborniy» by the Jesuit Father Gagarin]. // Complete Works: in 2 vols. – Moscow: Medium, 1994, vol. 2, pp. 237–243. (in Russian)

УДК 245; 264

**«ВОПРОШАНИЕ КИРИКОВО»
И «ИЗВЕСТИЕ УЧИТЕЛЬНОЕ»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЛИТУРГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ**

Священник Виталий Юрьевич Щербаков
магистр религиоведения, первый
проректор Тамбовской духовной
семинарии, доцент кафедры теологии,
аспирант кафедры философии
и методологии науки ТГУ
им. Г.Р. Державина
E-mail: vitl.78@mail.ru

Свиридов Юлиан Александрович
студент 3-го курса Тамбовской духовной
семинарии
E-mail: sviribovstar@yandex.ru

Для цитирования: *Щербаков, В.Ю., свящ., Свиридов Ю.А.* «Вопрошание Кириково» и «Известие учительное»: сравнительный анализ литургических аспектов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 41–52.

Аннотация

В данной статье проводится сравнительный анализ двух литургических источников: «Вопрошания Кирикова», относящегося ко времени становления Русского государства, и «Известия учительного», созданного в период возникновения Российской империи. Авторы проводят аналогии и выявляют различия в рекомендациях священнослужителям как при совершении Божественной литургии, так и в случаях возникновения нестандартных ситуаций. В заключение сделан вывод о том, что за пятьсот лет, разделяющие изучаемые документы, произошли изменения лишь в технической стороне совершения богослужений, но остался неизменным смысл Евхаристии и отношение к ней христианина.

Ключевые слова: богослужение; Божественная литургия; Евхаристия обряд; священнодействие; Православие; Патриарх; архиепископ; монах; проскомидия; просфора.

Развитие православного богослужения продолжается от апостольских времен до нашего времени. Службы суточных, седмичных, годовых кругов изменялись, объединялись, дополнялись. Одновременно с этим происходил процесс их уставной регламентации.

Сегодняшнее богослужение Русской Православной Церкви, получившее свое завершение при патриархе Никоне, воспринимается нами как существующее издревле и не подлежащее никакому изменению. Вместе с тем, несмотря на строгий уставный порядок священнодействий, православное богослужение порой требовало разъяснений в случае возникновения нестандартной ситуации, в которой мог оказаться любой священнослужитель. Такие указания давались, как правило, либо правящими архиереями, либо, с согласия последних, опытными священнослужителями.

В Русской Православной Церкви каждому священнослужителю известен исторический документ под названием «Известие учительное». Расположенное в служебниках сразу после чина заупокойной литии, оно содержит разъяснение действий священника при возникновении нестандартных ситуаций во время совершения богослужений и особенно Божественной литургии. Однако не многим известно, что прежде «Известия учительного», изданного в 1699 году, в XII веке существовал аналогичный свод правил, именуемый «Вопрошанием Кириковым». В нем архиепископом Новгородским Нифонтом давались ответы на вопросы монаха Кирика в связи с различными обстоятельствами, касающимися литургической жизни Православной Церкви того периода.

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа указанных исторических документов для выявления как общих элементов, так и различий в богослужебной традиции за пятисотлетний период.

Предполагаемым автором «Вопрошания Кирикова» является иеромонах Кирик Новгородец, живший в период с 1110 по 1156/1158 г., получивший в схиме имя Кирилл. Он оставил заметный след в новгородской истории как церковный писатель, музыкант, летописец, математик. В частности, ему принадлежит «Учение о числах». Также известно, что он был насельником новгородского Антониева монастыря, в котором прошел путь от монаха до domestика, то есть известно, что иеромонах Кирик занимал

высокое положение при архиепископе Новгородском Нифонте. Свидетельством этого является то, что во время посещения архиепископом Нифонтом Киева Кирик находился в числе его свиты и лично беседовал с митрополитом Киевским Климентом. Часть этого разговора записана в рассматриваемом нами историческом документе. Следует отметить, что иеромонах Кирик исповедовал не только мирян, но и монахов и священников, что говорит о его несомненном духовном авторитете в православной среде. Адресатом Кирика являлся человек также высокой духовной жизни, а именно, архиепископ Нифонт Новгородский, канонизированный Русской Православной Церковью в 1549 году.

Переходя к анализу текста «Вопрошания Кирикова», следует отметить, что в свое время оно было включено в так называемые «Кормчие книги», что говорит о его значимости. В заданных вопросах Кирик пытался отождествить реалии русской жизни XII века с церковно-правовыми нормами, которые не всегда с ними сочетались. В произведении правдиво рассказано об общественной жизни Великого Новгорода того времени. В нем отображена картина незавершенной христианизации народа, и приходилось поэтому терпеть пережитки язычества. Автор, умело показывая личные предпочтения, одновременно грамотно формулирует вопросы, изначально закладывая в возможные ответы компромисс между реалиями жизни и требованиями веры. Многие вопросы поставлены довольно остро, а часть из них осталась без ответа.

В Русской Церкви XII века, которая находилась только в начале своего развития, возникало много проблем, связанных с церковной жизнью. В «Вопрошании» имеются вопросы как общего, так и частного характера. Они касаются норм христианской жизни, правил соблюдения постов, порядка причащения детей и взрослых, совершения таинств. Именно в силу своей актуальности и практической направленности «Вопрошание Кирикова» пользовалось популярностью и у духовенства, и у мирян.

Первый вопрос, заданный владыке Нифонту, был о том, что делать, «если человек, причастившись, изблует?» [1]. Последовавший ответ был многогранен и предписывал конкретные действия в конкретной ситуации. Так, если казус происходил из-за объедения и пьянства, то полагалась епитимья на 40 дней; если из-за брезгливости – на 20 дней. Если это происходило со священником,

то последнему также полагалась епитимья сроком в 40 дней с отстранением от священнослужения. В случае же, если он на приходе был один и служить больше некому, то ему полагалось недельное воздержание с запретом вкушения мяса, молока и меда. В случае, если произошедшее случилось из-за болезни, то получал епитимью на 3 дня, а что «изблевал сожжет на огне, если же произойдет осквернение животными, то петь 100 псалмов и поститься 100 дней». Установленные сроки очищения были не случайными и восходили к библейской нумерологии, означавшей сроки очищения и приготовления к новой жизни [2, с. 32].

Следующий вопрос касался приготовления Святых Даров, хранимых в течение года для причащения больных. В полученном ответе разъяснялось, что Святые Дары готовятся один раз в год в Великий Четверг и должны храниться в сосуде. Запасать их в другие дни нельзя, это является грехом.

На вопрос о допустимости добавления воды в вино при причащении запасными Святыми Дарами в Великий пост ответ был таким – «надлежит использовать только вино без воды»¹.

Про причащение людей, страдающих «падучей болезнью», вопрошаемый отвечал, что стоит им давать причастие, только если они находятся при смерти. В случае, если «какая будет другая болезнь, или при покойнике станет ему плохо, или он бесноватый или болит голова, или тошнит – если в этих болезнях он в сознании, ни хулит ни иконы, ни на людей ничего не молвит – дать ему причастие. А если хулу молвят – то запечатать в нем это» [1]. Слово «запечатать» означало плотно закрыть, закупорить, наложить печать [5, с. 262]. Вероятно, здесь подразумевалось усмирение злого духа, действующего в человеке.

Из этого вопроса видно, что народ еще находился под действием суеверий. Так, например, практиковалось обвязывание «одержимых» колокольным канатом, накрывание их пасхальной скатертью или навешивание замка. В этом вопросе Кирик отражал общий взгляд на такого человека как на нечистого и предлагал варианты защиты. Так, например, среди суеверных вариантов

¹ Вопрос, видимо, был связан с тем, что употребление вина великим постом запрещено. Не исключается также, что вопрос Кирика был следствием имевшихся у него познаний об употреблении отдельными еретиками III века так называемого «водного причастия».

изгнания беса было «бичевание» для достижения результата по принципу «хлещу, хлещу – беса выхлещу» [4, с. 165]. Ответ архиепископа Нифонта, видимо, прилагавшего немало усилий для преодоления суеверий, был прост: «Посмеялся и весьма укорял за это владыка. Это, сказал, не бывает без Божиего повеления» [1]. Слово «посмеялся» в данном случае может означать, что владыка, увидев наивность вопроса, не решается даже на осуждение, а смех в этой ситуации является лишь здоровым разрешением бытовой суеверной ситуации. Он понимал проблему «бесноватости» согласно учению Церкви и святых отцов, которое заключалось в необходимости их исцеления «молитвой и постом», как заповедовал Христос (Мф. 4, 24). Однако, возможно, что смех владыки означал и презрение к дьявольским силам с целью предотвращения почитания бесов и возвращения части его паствы к язычеству.

Отвечая на вопрос о причащении детей на Пасху, когда в храмы приносили яйца для освящения, архиепископ сказал: «А о тех, кто яйцами в зубы стучит до обедни...? Если маленькие, то нет беды и можно причаститься, а если совершеннолетние – то если только один раз постучит. А если многократно, после напоминания, то таковым возбраняй» [1]. Здесь речь идет о нарушении евхаристического поста. Яйцо, разбитое о зубы, понималось как вкушение пищи перед причащением. Если это было простительно ребенку, то для взрослого человека являлось причиной недопущения к причащению Святыми Тайнами.

Милость к падшему человеку архипастырь проявлял и в ответе о возможности причащения смертельно больного, прожившего жизнь во грехе, но искренне раскаявшегося на смертном одре.

Подготовка к Божественной литургии регламентируется следующим образом: если священник служит Литургию, а утрению и вечерню не служил, то если не прочтет молитвы вечерней и утрени, то греха нет в этом, но лучше, чтобы прочел.

При совершении проскомидии необходимо было учитывать, что:

1. На одной просфоре можно служить только в тех случаях, если храм находится в отделенной местности и негде взять других просфор.

2. В Великий пост, если приготовленный антидор на неделю не пригодится, то его можно оставить и на вторую, и на третью неде-

лю, и также неосвященные просфоры, на них совершается проскомидия на второй неделе.

3. Из той просфоры, из которой вынимали в субботу, не следует вынимать в воскресенье, но только из другой.

4. На надломленной просфоре служить нельзя; она может быть преломлена, только на службе. Если кто дерзнет такое сотворить, то будет в этом великий грех.

5. Священник, согрешив тем, что уронил просфору на пол, на ней все равно служить может.

Из сказанного следует, что «Вопрошание Кириково» являлось универсальным богослужебным пособием XII века, разъяснявшим священнослужителем порядок их действий в случаях как выходявших за пределы богослужебного устава, так и в повседневной пастырской работе по окормлению своей паствы, все еще придерживающейся отдельных языческих традиций.

«Вопрошание» долгое время пользовалось авторитетом у христиан, но с течением времени, в связи с переходом Русской Церкви в XV веке со Студийского устава на Иерусалимский, а также вследствие развития практики совершения богослужений, возникла потребность в составлении нового свода правил, четко регулирующих литургическую жизнь Церкви. Это произошло в XVII веке.

«Известие учительное» (полное наименование «Известие учительное, како долженствует иерею и диакону служение в церкви святых совершати и приуготовлятися к священнодействию, наипаче же к Божественной Литургии, и каковыи бывают бедственнии и недоумении в скорости случаи, како в том исправлятися») было написано иноком Евфимием и впервые было опубликовано в служебнике московского издания 1699 года. «Известие учительное» является сводом правил, своеобразной инструкцией, которой должен руководствоваться священник во время совершения Божественной Литургии.

Объем сведений, представленных в документе, весьма обширен. Начиная с того, как приготовить все необходимое к служению литургии, до заметки о преподании и хранении Святых Даров. При сравнительно небольшом объеме значение «Известия...» весьма велико и имеет свою интересную историю.

Как уже было сказано, «Известие учительное» было написано во второй половине XVII века иноком Чудова монастыря в Москве

Ефимием по желанию патриарха Иоакима. Но по различным причинам патриарх Иоаким так и не смог прочитать подготовленный документ до своей смерти в 1690 году. Воспешдший на первосвятительскую кафедру патриарх Адриан не смог ознакомиться с трактатом из-за своей болезни. Впервые документ напечатали в служебнике 1699 года. Он находился в служебниках до 1723 года. В июне 1723 года заведующий синодальной типографией архимандрит Гавриил сделал запрос в Святейший Правительствующий Синод о возможности напечатать «Известия...» в новоиздаваемых служебниках, откуда получил ответ, что «того о недоумеваемых случаях Известия при оных служебниках до времени не печатать, понеже обретаются в нем в неких, при тайне Евхаристии бывающих случаях, многая тождесловия и сумнительства, некая же и положена весьма неудобная, чего для, онаго Известия, до опасного разсмотрения, ныне к служебникам и не приобщать» [3, с. 93]. Поэтому в изданиях служебников после 1723 года «Известие учительное» отсутствует. В 1730 году вновь появилась необходимость в служебниках, и снова директор Московской типографии Федор Поликарпов¹ сделал запрос в Синод о напечатании «Известия учительного». Ответа он не получил, в связи с чем самостоятельно решился на включение его в состав служебника, каковые печатались уже после его смерти в 1734, 1739, 1747 и последующие годы.

Документ состоит из десяти пунктов, каждый из которых имеет определенное название и разъясняет, как должен вести себя священнослужитель в той или иной ситуации.

Первый пункт называется «Како подобает служителю предуготовляти себе к достойному служению Божественных Литургии и причащению Божественных Христовых Таин» [6] и предписывает священнослужителю перед Евхаристией сохранять себя от вещей, препятствующих достойному ее служению. Если же его обличает какой-либо смертный грех, то он не должен приступать к служению. Из этого следует, что совершитель Божественной литургии должен обладать высокими моральными и духовными качествами, являя себя примером своей пастве.

¹ Федор Поликарпов (ум. 1731) – видный деятель русской культуры XVIII века, писатель и переводчик, автор учебных книг по грамматике и русской истории, директор Московской типографии.

Аналогия с «Вопрошанием» видится в требованиях к антиминсу, который должен бережно храниться, не быть затертым или дырявым. Однако «Известие учительное», развивая требования к совершению литургии, далее подробно касается поведения священника в алтаре при осквернении святого места вследствие смуты или «окропления человеческой кровью». Также священнику прямо указывается на необходимость совершать службу только по «Служебнику», избегая полагания на собственную память. При этом в алтаре для помощи должен быть прислужник мужского пола, который будет помогать священнику. Если же священник будет выполнять все сам, то смертно согрешит.

В следующих пунктах говорится о том, из чего и как должны быть приготовлены хлеб и вино для Евхаристии. Для приготовления просфор используется чистая пшеничная мука, замешанная на простой воде. Не допускается служить на хлебе, смазанном маслом или молоком или чем-то другим или имеющим испорченный вид.

Вино для Таинства должно быть изготовлено только из виноградных плодов, без примесей, только на проскомидии в вино можно вливать воду. Служить на вине из других плодов или ягод категорически запрещается.

В пункте «О прилучаях недостаточества служащаго священника» даются практические советы, как себя вести в нестандартных ситуациях при совершении Божественной литургии [6].

Заключительные два пункта «Известия...» касаются вопросов хранения Святых Даров и подаяния Их больным, и имеют они названия: «Како хранить Божественныя Тайны больных ради» и «О подаянии, приятии, хранении же и поклонении Божественных Таин» [6].

Переходя к сравнению двух исторических документов, снова отметим, что «Вопрошание...» было написано в период становления христианства на Руси. Пережитки язычества отображаются в вопросах Кирика владыке, в них прослеживается сильное влияние на народ различных суеверий. Многие вопросы, на наш взгляд, звучат довольно странно. «Известие...» написано пять веков спустя, при устоявшейся и развитых христианских традициях и церковной практике.

Заданный архиепископу Нифонту вопрос о том, как вести себя человеку «изблевавшему» после Причастия, имеется также и в «Известии учительном». Но ответы на один и тот же вопрос разные. Если по «Вопрошанию...» виновному положена епитимья, то «Известие...» говорит лишь о действиях священника в этом случае.

И в том, и в другом документе говорится о приготовлении и хранении Святых Даров для причащения болящих на дому. Отличием является лишь время приготовления. «Вопрошание» его ограничивает только Великим Четвергом, а «Известие», говоря о Великом Четверге, допускает и любые другие дни, только с соблюдением чина Великого Четверга. Между двумя приведенными мнениями нет противоречия. Согласно Византийской практике Святые Дары заготавливаются в Великий Четверг, но допускается их приготовление и в другой день. Конкретное каноническое регулирование здесь отдано на усмотрение сложившейся в каждой Поместной Церкви практике. Кроме того, «Известие учительное» определяет и порядок хранения Святых Даров в случаях, если Они «истлеют или будут влажными», о чем в «Вопрошании» не говорится. Из этого можно сделать вывод, что Церковь в XVII веке была уже более ориентирована в различных практических вопросах богослужебной жизни.

В «Вопрошании» Кирик получает ответ о том, что Святими Дарами можно причастить человека с падучей болезнью. В «Известии» сказано, что причащать людей, лишенных рассудка и обмерших, запрещается, или причащать таковых только в случае нахождения их в полном сознании для принесения искреннего покаяния.

При рассмотрении положений о веществе Тела и Крови Христовых, следует отметить, что в документе XII века нет четкого указания на то, из чего должна быть сделана просфора. Есть лишь запрет на служение на надломленной и испорченной просфоре. В «Известии...» вопросу о веществе отводятся два пункта, в которых сказано, из чего должны быть сделаны просфора и вино, и в каких случаях нельзя служить на них.

Сравнительный анализ двух документов, регламентирующих богослужебную деятельность Русской Православной Церкви, позволяет сделать вывод о том, что в течение пятисот лет, разделяю-

щих данные тексты, жизнь внесла свои коррективы во внешнюю сторону богослужения, отразившись на порядке его совершения, но оставила неизменным смысл Евхаристии и отношение христианина к богослужению.

Список литературы

1. *Кирик Новгородский, иером.* Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту / иеромонах Кирик Новгородский // *Азбука веры : православ. б-ка.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/voproshanii-kirika/ (дата обращения: 17.04.2020).

2. *Кириллин, В.М.* Символика чисел в литературе Древней Руси // *Древнерусская литература : изображение природы и человека / А.С. Демин, А.С. Елеонская, В.М. Кириллин [и др.] ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН ; отв. ред. А.С. Демин.* – Москва : Наследие, 1995. – 336 с.

3. № 1057 // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. – Санкт-Петербург : В Синод. тип., 1872. – Т. 3. – С. 93.

4. *Славянские древности : этнолингв. слов. В 5 т. Т. 1 / Ин-т славяноведения и балканистики РАН ; под ред. Н.И. Толстого.* – Москва : Междунар. отношения, 1995. – 575 с.

5. *Словарь Русского Языка XI–XVII вв. В 30 вып. Вып. 5 / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]*. – Москва : Наука, 1978. – 392 с.

6. *Служебник.* – Москва : Изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2006. – 392 с.

UDC 245; 264

**«KIRIKOVO INQUIRY»
AND «EDUCATIONAL NEWS»:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF
LITURGICAL ASPECTS**

Vitaly Yu. Shcherbakov, Priest
Master of Religious Studies,
First Vice-rector
Tambov Theological Seminary,
Associate Professor of Theology,
PhD Student at the Department of
Philosophy and
Methodology of Science
Derzhavin Tambov State University
E-mail: vitl.78@mail.ru

Yulian A. Sviridov
3rd year student
Tambov Theological Seminary
E-mail: sviribovstar@yandex.ru

For citation: *Shcherbakov, V.Yu., priest., Sviridov Yu.A.* «Kirikovo inquiry» and «Educational news»: a comparative analysis of liturgical aspects // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 41–52. (in Russian)

Abstract

This article provides a comparative analysis of two liturgical sources: The «Krikovo inquiry» («Voproshanie Kirikovo»), which dates back to the time of the formation of the Russian state, and the «Educational news» («Izvestie uchitelnoe»), which was created during the rise of the Russian Empire. The authors draw analogies and identify differences in recommendations to the clergy both when performing the Divine Liturgy and in cases of non-standard situations. In conclusion, it is claimed that for five hundred years separating the documents under study, a change has occurred only in the technical side of worship, but the meaning of the Eucharist and the attitude of the Christian has been unchanged.

Keyword: Worship; Divine Liturgy; rite; rite of worship; Orthodoxy; Patriarch; Archbishop; monk; proskomidia; prosphora.

References

1. *Kirik of Novgorod, hieromonk* Voproskanie Kirikovo arkhiepiskopu Nifontu [Kirikovo inquiry to Archbishop Nifont]. / Hieromonk Kirik of Novgorod // Alphabet of Faith: Orthodoxy library. (in Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/voproskani-kirika/ (Accessed: 17.04.2020).

2. *Kirillin, V.M.* Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi [Symbolism of numbers in the literature of Ancient Russia]. // Old Russian literature: an image of nature and man / A.S. Demin, A.S. Eleonskaya, V.M. Kirillin [et al.]; Institute of World Literature named after A.M. Gorky, RAS; edited by A.S. Demin. – Moscow: Heritage, 1995. – 336 p. (in Russian)

3. № 1057 [No 1057]. // Complete collection of decrees and orders for the Department of Orthodox Confession of the Russian Empire. – St. Petersburg: Synodal printing house, 1872, vol. 3, p. 93. (in Russian)

4. *Slavyanskije drevnosti: etnolingv. slov.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. In 5 vols. Vol. 1 / Institute of Slavic Studies and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences; under the editorship of N.I. Tolstoy. – Moscow: International Relations, 1995. – 575 p. (in Russian)

5. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. In 30 vols. Vol. 5 / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; Editorial: S. G. Barkhudarov (editor) [et al.]. – Moscow: Nauka, 1978. – 392 p. (in Russian)

6. *Sluzhebnyk* [Prayer-book]. – Moscow: Publishing House of the Sisterhood in the name of St. Ignatius of Stavropol, 2006. – 392 p. (in Russian)

УДК 248.152

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ПРАВСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Иеромонах Паисий

(Буй Сергей Игоревич)

магистр богословия, проректор

по воспитательной работе

Тамбовской духовной семинарии

E-mail: ppaisios@mail.ru

Для цитирования: *Паисий (Буй), иером.* Влияние музыки на нравственную жизнь человека // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 53–62.

Аннотация

В статье рассматривается влияние музыки на нравственное состояние человека. Вначале в свете психологических данных определяются результаты воздействия музыки на психофизиологию человека. Далее в свете антропологических данных православного богословия выявляются общие причины безнравственного поведения личности, проистекающие из нарушений в области человеческой души.

Ключевые слова: антропология; душа; личность; нравственность; совесть; психика; эмоции; воля; ум; долг; ответственность; музыка.

О важности музыки в жизни человека говорил еще античный философ Платон. Он считал, что могущественность и сила государства напрямую зависят от того, какая музыка в нем звучит, в каких ладах и каких ритмах. Для государства, как был убежден мыслитель, нет худшего разрушения нравов, чем отход от скромной и стыдливой музыки. Через распущенные ритмы и лады, утверждал Платон, в души людей проникает такое же постыдное и распущенное начало, ибо музыкальные ритмы и лады обладают способностью делать души людей подобными им самим. Платон и его последователи считали, что в государстве допустима только

такая музыка, которая помогает индивиду возвыситься до уровня общественных требований и осознать свой собственный мир как единство с полисной (городской) общиной.

С православной точки зрения, человек – это существо, жизнь которого одновременно протекает в трех измерениях: телесном, душевном (психическом) и духовном. Особенностью существования человека является то, что воздействие в одном плане бытия ведет за собой изменения и в двух других.

Музыка, как воздействие чисто материальной природы, в первую очередь оказывает влияние на тело и душу человека. Поэтому рассмотрение влияния на нравственное состояние человека нужно начать с телесного и психического планов его бытия.

Основной принцип воздействия музыки на физическую составляющую человека таков: «При активном восприятии музыки между физиологическими ритмами человека и музыкальным ритмом, частотами, динамикой возникает резонанс. Способность нервной системы и мускулатуры человека к усвоению ритма являются одной из физиологических основ музыкального воздействия. <...> Восприятие музыки вызывает в сознании человека моторную активность. <...> В результате слухового и вибро-тактильного восприятия музыки, а также биорезонансного музыкального эффекта в организме человека возникают многочисленные ответные реакции» [3]. То есть воздействие музыки на человека непременно происходит в силу того, что человек физически находится в зоне действия звуковых волн. При этом личная позиция самого человека по отношению к данной музыке практически не имеет значения. Независимо от того, нравится человеку звучащая рядом с ним музыка или нет, – на физическом уровне она все равно оказывает на него влияние. При этом примечательно то, что сам человек считает, что музыка не вызывает в нем никаких изменений и никак не влияет на его взгляды и убеждения.

Современные научные исследования говорят о весьма глубоком воздействии звуковых волн на человека на уровне клеток: «На современном этапе наука близко подошла к пониманию процесса вибрации клеточных структур организма человека. Согласно предположениям ученых, вибрация клеточных структур осуществляется с частотой сотни тысяч колебаний в секунду» [3].

Посредством музыки удается оказывать целенаправленное воздействие на организм человека: «Настройка гармоничной работы органов и систем организма возможна с помощью звучания определенных звуковых рядов и специальных мелодий» [3]. Сегодня существует специальный вид психотерапии – музыкальная терапия, которая, соответственно, призвана лечить человека с помощью музыкального воздействия. «Само явление резонанса является основой музыкотерапевтического целительного воздействия. Разбалансированный вследствие болезни колебательный контур клеток различных органов и систем организма восстанавливается в результате резонанса нормальный режим жизнедеятельности: блоки на пути течения энергии срываются, и жизненная энергия восстанавливает свой свободный ток в организме, уже не встречая никаких препятствий. Включаются саморегулирующиеся функции организма. Музыка способна помочь настроить человека на нужную частоту, подобно настройке музыкального инструмента» [3].

Е.А. Серебрякова, кандидат педагогических наук, доцент, говорит о результатах экспериментального исследования влияния музыки и пения на психофизическое состояние человека, проведенного на базе Пензенского государственного университета: «Анализ результатов экспериментального исследования показал статистически значимые сдвиги психологического состояния испытуемых до и после музыкально-терапевтического лечения, т.е. музыкально-вокальное воздействие явилось фактором, положительно влияющим на изменение психологических показателей испытуемых. Однако выяснилось, что вокальное воздействие дает более эффективные результаты при лечении негативных психических состояний, чем музыкальная психотерапия». То есть петь и слушать пение гораздо полезнее, чем просто слушать музыку.

Результаты музыкального воздействия в области психофизиологии вызывают и определенные нравственные изменения. «Под влиянием музыкально-вокального воздействия достигнуто существенное повышение основных ситуативных показателей самооценки (общее самочувствие, общее настроение, сон, активность, общительность). Изменения также произошли в сторону снижения самокритичности, повышения независимости и уверенности

в себе» [3]. Самооценка в нравственной жизни человека играет значимую роль. Этот термин, хотя и не встречается в творениях святых отцов и богословов, сегодня приобретает важное значение в контексте рассуждения о духовном здоровье человека. В общем смысле, самооценка – это оценка личностью самого себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. Для здорового бытия личности, несомненно, важно иметь адекватную самооценку. Такие качества, как самокритичность, независимость и уверенность в себе, также требуют духовного наполнения. Самокритичность является необходимым условием для духовной работы над собой. Независимость от тех или иных вредных воздействий является важным качеством личности, выражающим его свободу. Уверенность в себе – качество, позволяющее человеку активно совершать положительные поступки. Напротив, неуверенность часто является признаком духовной незрелости личности.

Теперь необходимо определить, какие структуры психики человека подвергаются непосредственному воздействию музыки. Научные данные говорят: «Музыка и пение не содержат прямого информационного воздействия и адресованы структурам личности, остающимся интактными при «информационных» видах психотерапии. Музыкальное и певческое воздействие пробуждает фантазию у людей и затрагивает эмоционально-образные слои личности...» [3]. То есть музыка воздействует на эмоциональную сферу человека, а рациональная сфера при этом остается не затронутой. В терминологии святых отцов эмоциональная сфера человеческой личности называется раздражительной или гневной силой души, а рациональная – познавательной или разумной.

Раздражительная сила души выполняет важную функцию. Она «обеспечивает восприятие впечатлений, переживаний и первичный эмоциональный ответ на них, формирует вкусы и страсти. Она определяет внутреннее состояние всего душевно-телесного состава человека и дает силы для всех процессов жизнедеятельности. <...> Раздражительная сила укоренена в сердце человека и реализуется через него» [1, с. 62–63]. Эмоции выполняют ряд важнейших функций внутренней жизни человека. «Благодаря возникающим эмоциям, человек узнает о жиз-

ненной значимости происходящего <...> Благодаря действию эмоции, та или иная потребность всегда эмоционально окрашена и воспринимается как ценность, на достижение которой направляется конкретная деятельность <...> В зависимости от ситуации эмоции могут внушить человеку определенное поведение, в котором эмоции находят свое проявление или определенную степень выражения <...> Наконец, важная функция эмоций в нравственной жизни состоит в том, что с помощью эмоций человек способен воспринимать и различать явления добра и зла, улавливать внутреннее состояние другого человека, давать интуитивную оценку происходящим событиям, отдельным лицам и их поступкам и действиям» [2, с. 85–86].

Таким образом, сфера эмоций непосредственно участвует в формировании ценностей личности, а ценности являются принадлежностью сердца человека. Поэтому формирование «настроений» сердца, то есть вкусов, предпочтений, происходит через эмоциональную сферу жизни личности.

Из этого не следует, что музыка может сподвигнуть человека к каким-то конкретным действиям, но она, имея непосредственное влияние на энергичные структуры психики, может «дать силу», ускорить то, что человек при обычных условиях, может быть, и не сделал бы. Музыка оказывает раздражающее воздействие, и если это воздействие будет чрезмерно сильным, то человек может потерять контроль над своими эмоциями и совершать нравственно неприемлемые действия в состоянии аффекта.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что непосредственное действие музыки распространяется только на телесную и душевную составляющие человеческой природы. Воздействие музыки на дух человека опосредовано его душой. Дух же человека представляет собой ту сферу бытия, которую формирует слово, то есть все те явления, в центре которых заключен некий идейный посыл. В контексте рассуждения о музыке таким воздействием обладает песня, то есть определенные слова в звуковом сопровождении. Именно слова оказывают воздействие на духовную сферу человека, музыка же выполняет роль проводника этих слов к духу через телесные и душевные слои личности (см. рис. 1).

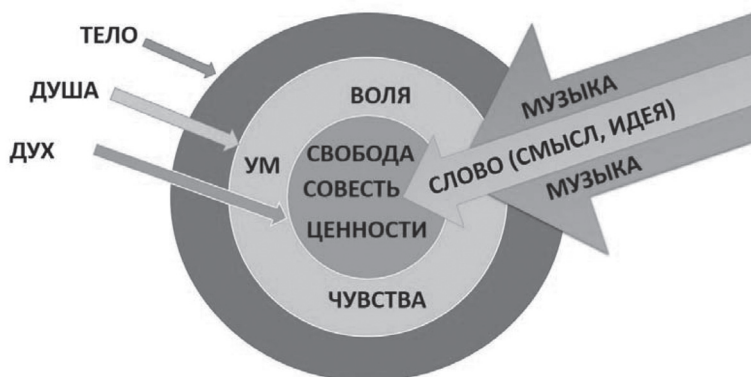

Рис. 1

В современном мире существует огромное количество видов музыки. Они имеют разный темп, ритм, гармонию, время возникновения.

Доказано, что *классическая музыка* благотворно влияет на организм человека, активизируя работу мозга и укрепляя иммунную систему. *Этническая (народная) музыка* поднимает настроение и положительно влияет на эмоциональное состояние, а *рэп*, наоборот, может стать причиной плохого настроения и эмоционального упадка. Учеными доказано, что *поп-музыка* негативно влияет на внимательность и память из-за монотонности ритма. *Блюз* благотворно влияет на эмоции, успокаивает, понижает раздражительность. *Джаз* нарушает внутреннюю гармонию, и поэтому считается музыкой, которая оказывает скорее негативное влияние. *Рэгги* считается музыкой хорошего настроения, повышает эмоциональный тонус, не вызывает агрессии и озлобленности. Современная *клубная и электронная музыка* понижает способность к обучению, негативно влияет на интеллект, в некоторых случаях повышает раздражительность, напряженность. *Рок-музыка* способна приводить к «ритмическому токсикозу», а также является причиной выделения стресс-гормонов.

Нравственное состояние человека в антропологическом аспекте зависит от состояния его ума, воли и чувств. Совесть, как главный нравственный «орган» человека, представляет собой взаимосвязанную работу ума, чувства и воли. Ум в состав

ве совести выполняет функции оценки, анализа нравственного достоинства поступков. Чувство радости и умиротворения при совершении нравственного поступка и чувство вины и тревоги при совершении греховного поступка занимают центральное место в проявлениях совести. Наконец, воля, активная и свободная, делает совесть способной осудить безнравственный поступок, тогда как пассивная и обремененная той или иной зависимостью, ослабленная воля препятствует проявлению совести [2, с. 122–123].

Грех, как нарушение нравственных законов богозданного мира, имеет причинами «неправильное устройство ума, недолжное расположение чувств и ложное направление воли» [2, с. 201]. Умственные установки, настроение чувств и расположение воли – все это сфера души. Именно здесь происходят главные события нравственного плана. Душа является тем полем, где происходит формирование основных нравственных качеств личности. Психическое здоровье человека является условием и его духовного здоровья.

Если музыка вызывает угнетенное эмоциональное состояние, ухудшение внимания и памяти, снижение интеллектуальных способностей, то и говорить о здоровом функционировании совести нельзя. У личности в таком состоянии снижается чувство стыда, ответственности, долга, что становится причиной совершения безнравственных и недостойных поступков. Простым примером может быть всем известное поведение людей на рок-концертах и танцплощадках электронной музыки, такой, как транс, электро и т.п. Подобная музыка по своей сути является стрессом для организма, что вызывает раздражительность и нервное истощение человека.

Таким образом, в свете современных психологических исследований результатов воздействия музыки на человека, а также антропологии православного христианства можно сделать определенные выводы. Музыка, независимо от желания человека, оказывает на него то или иное психофизиологическое воздействие. Это воздействие представляет собой резонанс ритмов музыки и биологических ритмов человеческого организма. Музыкальное воздействие затрагивает в первую очередь эмоциональную структуру личности, которая выполняет важную

функцию в формировании ценностей личности. Музыка не формирует сами ценности (как, например, это может делать песня, являясь совокупностью слова и музыки), но энергично обеспечивает процессы формирования ценностей, установок, навыков. Нарушения, вызванные музыкальным воздействием в области психики человека, оказывают непосредственное влияние и на формирование нравственных установок личности. В свою очередь, позитивная музыка благотворно влияет на психику человека, что дает возможность формированию положительных нравственных качеств.

Список литературы

1. *Леонов В., прот.* Основы православной антропологии : учеб. пособие / протоиерей Вадим Леонов. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви. – 2013. – 456 с.
2. *Платон (Игумнов), архим.* Нравственное богословие / архимандрит Платон (Игумнов). – Санкт-Петербург : О-во памяти игум. Таисии, 2008. – 524 с.
3. *Серебрякова, Е.А.* Влияние музыки на психофизическое состояние человека / Е.А. Серебрякова // CYBERLENINKA : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-muzyki-na-psihofizicheskoe-sostoyanie-cheloveka/viewer> (дата обращения: 09.04.2020).

UDC 248.152

INFLUENCE OF MUSIC ON A PERSON'S MORAL LIFE

Paisy (Sergei I. Bui), Hieromonk
Master of Theology,
Vice-rector for Educational Work
Tambov Theological Seminary
E-mail: ppaisios@mail.ru

For citation: *Paisy (Bui), hieromonk*. Influence of music on a person's moral life // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 53–62. (in Russian)

Abstract

The article examines the influence of music on the moral state of a person. First, in the light of psychological data, the results of the influence of music on human psychophysiology are determined. Further, in the light of the anthropological data of Orthodox theology, the general causes of immoral behavior of the individual, resulting from violations in the field of the human soul, are identified.

Keywords: anthropology; soul; personality; morality; conscience; psyche; emotions; will; mind; duty; responsibility; music.

References

1. *Leonov, V., archpriest*. Osnovy pravoslavnoi antropologii : uchebnoe posobie [Fundamentals of Orthodox anthropology: textbook]. / Archpriest Vadim Leonov. – Moscow: The Publishing house of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church. 2013. – 456 p. (in Russian)
2. *Platon (Igumnov), archimandrite*. Nравstvennoe bogoslovie [Moral theology]. / Archimandrite Platon (Igumnov). – Saint Petersburg: in memory of Hegumen Taisiya, 2008. – 524 p. (in Russian)
3. *Serebryakova, E.A.* Vliyanie muzyki na psikhofizicheskoe sostoyanie cheloveka [The Influence of music on the psychophysical

state of a person]. / E. A. Serebryakova // CYBERLENINKA: site. (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-muzyki-na-psihofizicheskoe-sostoyanie-cheloveka/viewer> (Accessed: 09.04.2020).

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

УДК 281.9

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОГО КАЗАНСКО-БОГОРОДИЧНОГО МИССИОНЕРСКОГО БРАТСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Священник Антоний

Геннадьевич Лозовский

магистр религиоведения, старший
преподаватель кафедры церковной
истории Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: Losovsky@yandex.ru

Для цитирования: *Лозовский, А.Г., свящ.* Деятельность Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства во второй половине XIX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 64–74.

Аннотация

Статья посвящена истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на территории Тамбовской епархии. Рассматривается основание Казанско-Богородичного миссионерского братства, а также главные направления его работы. Автор приходит к выводу о недостаточной активности братства в противодействии старообрядчеству и сектантству, вместе с тем именно его открытие создало необходимые условия для последующей плодотворной работы тамбовских миссионеров на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; миссионерское братство; сектантство; старообрядчество.

В течение многих столетий Русская Православная Церковь активно занималась распространением православной веры среди многочисленных представителей так называемого «инородческого» (т. е. нерусского) населения Российской империи. Однако в XIX веке религиозная ситуация в стране сложилась таким образом, что появилась насущная потребность в иной форме миссии,

обращенной на то население, которое формально давно принадлежало к Русской Православной Церкви.

Такая необходимость в возникновении внутренней миссии была обусловлена прежде всего присутствием в Российской империи, помимо членов Русской Православной Церкви, достаточно многочисленных представителей различных направлений или толков старообрядчества, а также сектантов.

В XIX веке духовенству Тамбовской епархии также пришлось столкнуться с серьезной проблемой со стороны старообрядчества и религиозного сектантства, которые в силу ряда причин получили широкое распространение на территории Тамбовской губернии, и палитра религиозных верований была достаточно разнообразна. Как писал известный российский миссионер И.Г. Айвазов, «не подлежит сомнению, что древность расколо-сектантства в пределах Тамбовской епархии измеряется длинной вереницей целых десятков лет. Здесь оно росло и крепло веками, слагаясь под влиянием многочисленных благоприятных условий, в огромный, мощный и более или менее стройный организм, дробно расчленившийся по дебрям православных приходов» [3, с. 3]. С этим утверждением полностью согласуется и мнение выдающегося тамбовского краеведа И.И. Дубасова, написавшего по этому поводу следующее: «С половины XVII века Тамбовский край начинает обращать на себя правительственное и общественное внимание разнообразием и силою местного раскола и сект. С течением времени это мистико-рационалистическое и обрядовое своеволие религиозной мысли все развивалось и усиливалось, и таким образом Тамбовская губерния в настоящее время стала наконец таким краем, в районе которого по преимуществу выразилась рознь национального сознания» [2, с. 153]. Подобное распространение религиозного инакомыслия историк объясняет тем, что «тамбовское народонаселение всегда отличалось чуткостью к религиозным вопросам, хотя понимало их весьма узко и наивно» [2, с. 153]. В Тамбовской епархии миссионеры отмечали наличие хлыстов, скопцов, молокан, субботников, баптистов.

Опасность, проистекавшая со стороны старообрядцев и сектантов, существенно усугублялась тем обстоятельством, что, проявляя свою религиозную активность, они могли оказывать разла-

гающее влияние на православное население Тамбовского края, подвергая острой критике как саму Русскую Православную Церковь, так и представителей духовенства. Для противодействия такой деструктивной деятельности у правящего архиерея Тамбовской епархии епископа Палладия (Раева) возникла идея создания миссионерского братства.

Решение об открытии Казанско-Богородичного миссионерского братства было принято на заседании Тамбовского комитета Миссионерского общества 23 октября 1874 года, когда председатель Комитета епископ Палладий (Раев) уведомил присутствовавшего на одном из его заседаний тамбовского губернатора Н.М. Гартинга о намерении учредить миссионерское братство для борьбы с раскольниками и магометанами [1]. В отчете Тамбовского комитета Миссионерского общества о таком решении сказано следующее: «На одном из бывших в 1874 г. заседаний председателем комитета Его Преосвященством ввиду того, что по Тамбовской епархии насчитывается свыше 20 тысяч магометан и находится немалое количество, до 12 тысяч сектантов разного рода и раскольников, особенно молокан, предложена была мысли комитету об организации местного Братства с целью обращения магометан в христианство, а сектантов и раскольников в православие. Мысль эта принята членами комитета с полным сочувствием, и тут же комитет поручил одному из своих членов протоиерею Г.В. Хитрову составить проект Братства» [4, с. 276].

Открытие братства состоялось в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия 11 мая ст. ст. 1875 г. в помещении Архиерейского дома в Казанском мужском монастыре. Первоначально предполагалось, что оно будет иметь два основных направления своей работы. Это обращение в православие мусульман и борьба с расколом и сектантством. Тем не менее за все годы существования миссионерского учреждения его членами не будет предпринято никаких существенных мер по обращению мусульман.

Согласно Уставу руководство братства состояло из епархиального архиерея, который брал на себя обязанности «покровителя и руководителя братства», и Совета братства во главе с его председателем. Согласно сложившейся традиции в первые годы существ-

ования данного учреждения его возглавлял ректор Тамбовской духовной семинарии, бывший также одновременно председателем Епархиального училищного совета и главным редактором Тамбовских епархиальных ведомостей. Благодаря последнему обстоятельству деятельность миссионеров всегда достаточно подробно освещалась на страницах указанного церковного периодического издания. Первым председателем Совета братства стал ректор семинарии протоиерей Димитрий Самбикин.

Совет братства в основном состоял из представителей видного тамбовского духовенства, преподавателей духовной семинарии и чиновников. Много лет членом этого руководящего органа был видный проповедник, педагог и ученый, составитель «Историко-статистического описания Тамбовской епархии» протоиерей Георгий Васильевич Хитров. Несколько лет в совет братства входил и городской голова, который наряду с губернатором, являвшимся его попечителем, должен был придать братству высокий статус в тамбовском обществе.

Общее собрание миссионерского учреждения проходило один раз в год. Фактически вся работа осуществлялась Советом, заседания которого проводились несколько раз в год. Выбывших по тем или иным причинам представителей этого руководящего органа заменяли кандидаты в члены совета братства, избираемые на годичном собрании.

Годичное собрание первоначально проходило в Архиерейском доме. Проводилось оно весьма торжественно в присутствии входивших в состав братства губернских и городских властей, директоров учебных заведений, тамбовского духовенства и преподавателей семинарии. Помимо заслушивания годового отчета и избрания членов и кандидатов в члены совета братства, на годичном собрании производился сбор пожертвований, являвшихся одним из основных источников доходов миссионерского учреждения.

С первого года своего существования Казанско-Богородичное миссионерское братство организовало свою библиотеку, которая должна была снабжать миссионеров и их помощников литературой, необходимой для ведения полемических бесед. Помимо миссионеров, книги библиотеки могли быть предоставлены и «посторонним лицам, интересующимся делом миссионерства» [5, с. 55].

Иногда книги могли высылать и духовенству «зараженных» расколом или сектантством населенных пунктов.

Первоначально библиотека размещалась в помещении Тамбовской духовной семинарии. Отчасти ее комплектование происходило путем пожертвований. В частности, в течение ряда лет миссионерское учреждение активно снабжал литературой житель города Москвы коллежский асессор М.И. Иванов. Однако главным источником пополнения книжного фонда было приобретение литературы за счет средств братства. Среди книг были и уважаемые старобрядцами старопечатные книги.

Несмотря на все прилагаемые усилия, комплектование происходило достаточно медленно. Только в конце XIX века процесс пополнения существенно ускорился благодаря одному обстоятельству. В 1892 году Святейший Синод издал указ, в котором содержалась рекомендация всем управляющим епархиями Русской Православной Церкви формировать при архиерейских домах епархиальные миссионерские библиотеки. В данной ситуации Совет братства пришел к вполне логичному решению предложить свою миссионерскую библиотеку в качестве основы для будущей епархиальной библиотеки. Эта идея получила одобрение на состоявшемся в январе 1893 года съезде духовенства, который постановил собирать для пополнения книжного фонда по 20 копеек с каждого причта епархии.

Много лет должность библиотекаря братства занимал преподаватель Тамбовской духовной семинарии Н.Н. Чиннов. Его обязанности заключались не только в закупке необходимой литературы и в случае необходимости ее последующей рассылке миссионерам.

Братство занималось распространением православной литературы, в том числе направленной против раскольников и сектантов. В 1885 году на приобретение такой литературы было израсходовано 263 рубля. Старалось помочь братство и церковно-приходским школам. Однако такая помощь была невелика. Так на устройство школьного здания в селе Свиньино было выделено 50 рублей, а на приобретение ученических принадлежностей в церковно-приходских школах сел Успенское, Хомяки, Кобылинское и Ульяновка выделено 60 рублей 75 копеек.

Миссионерская деятельность братства осуществлялась и путем оказания материальной помощи церковно-приходским школам

сел с сектантским населением, в том числе в виде выплат работавшим там учителям.

Первоначальный капитал братства образовался благодаря Тамбовскому комитету православного миссионерского общества, перечислившему ему 2628 рублей 75 копеек [4, с. 278]. Помимо этого, «определением Центрального (Московского) миссионерского общества от 19 августа 1874 г. постановлено ежегодно отчислять из сумм Тамбовского отделения миссионерского общества в пользу Братства половинную часть взносов и пожертвований» [6, с. 30]. Еще одним важным источником доходов были добровольные пожертвования, которые, как правило, делались во время годовичного акта братства. Списки таких жертвователей ежегодно публиковались в епархиальных ведомостях. Как правило, материальную помощь миссионерам оказывали представители местного духовенства. Однако среди «спонсоров» было немало представителей и других сословий: купцов, чиновников, мещан.

Управляющий Тамбовской епархией епископ Палладий (Ганкевич) способствовал увеличению доходов братства, в частности, обратившись с соответствующим воззванием к духовенству епархии. При этом владыка видел важнейшую задачу, стоящую перед данным учреждением, в оказании помощи церковно-приходским школам. Согласно годовому отчету, миссионерское братство действительно в 1885 году смогло оказать помощь церковно-приходским школам в размере 2000 рублей, которые были переданы в Епархиальный училищный совет. Кроме этого, братство ежегодно оплачивало и расходы этого учреждения на делопроизводство, тем более что председатель его Совета одновременно занимал должность и председателя Училищного совета.

Одним из важнейших направлений деятельности миссионерского учреждения стало распространение книг и брошюр религиозно-нравственного и миссионерского характера. Необходимость подобной работы была осознана сотрудниками братства в связи с появлением в Тамбовской губернии значительного количества брошюр и листовок, распространявшихся сектантами. Способствуя изъятию сектантской литературы у населения, миссионеры прекрасно отдавали себе отчет в том, что эти меры окажутся эффективными только в том случае,

если вместо нее народу будет предложена православная литература. С этой целью в ноябре 1888 года братством был открыт книжный склад.

Помещение для склада было предоставлено Тамбовской духовной семинарией. Книжный склад работал ежедневно с 9.00 до 18.00 с перерывом с 14.00 до 16.00, а в праздничные дни работал в сокращенном режиме с 11.00 до 13.00. Продукцию можно было приобрести как непосредственно на складе, так и выписать по почте. К 1890 году существовало уже 9 отделений склада братства, в том числе три при храмах г. Тамбова.

Учитывая то обстоятельство, что одним из направлений деятельности миссионерского учреждения была помощь церковно-приходским школам, мысль об использовании склада для комплектования таких школ учебной литературой и канцелярскими принадлежностями напрашивалась сама собой. При этом в ситуации, когда в соответствии со сложившейся традицией, и миссионерское братство, и Епархиальный училищный совет возглавлял один и тот же человек, ректор семинарии, по сути дела, это не требовало никаких особых соглашений. Уже в очень скором времени братство, как и следовало ожидать, стало главным монополистом по обеспечению церковно-приходских школ всем необходимым.

Несомненно, книжный склад стал одним из наиболее значимых и успешных проектов Казанско-Богородичного миссионерского братства. Заслуга миссионеров по распространению православной, в том числе и антисектантской, литературы среди населения Тамбовской губернии очевидна. При этом следует также признать, что сотрудникам братства в значительной степени удалось воспользоваться преимуществами своего положения, связанными, с одной стороны, с возможностью создать широкую сеть торговли с помощью приходов и монастырей епархии, а с другой – с переплетением институтов миссионерского братства и Епархиального училищного совета, позволившего наладить через книжный склад закупку учебников и канцелярских принадлежностей для церковно-приходских школ.

Казанско-Богородичное миссионерское братство оказывало помощь в проведении внебогослужебных бесед с помощью рассылки по приходам Тамбовской епархии миссионерских брошюр

и листов. Так в 1888 году им было издано 16 наименований таких брошюр и листов общим тиражом 51 800 на сумму 400 рублей. Причем половина этого тиража была бесплатно разослана по приходам для бесплатной раздачи на внебогослужебных собесаждениях.

На общем собрании, состоявшемся 20 января 1891 года, епископ Иероним (Экземплярский) предложил открыть отделения миссионерского братства в каждом уездном городе Тамбовской губернии. Совет братства поручил своим сотрудникам, протоиерею М.Г. Озерову и священнику М.И. Зеленеву, составить проект устава таких отделений. На заседании, прошедшем 20 июня 1891 года, этот проект был рассмотрен, доработан в соответствии с пожеланиями его участников и представлен на утверждение епископа Иеронима и Святейшего Синода. Святейший Синод своим Указом от 3 сентября 1891 года № 4562 утвердил устав и разрешил открыть в епархии уездные отделения Казанско-Богородичного братства. Согласно его отчету, уже в следующем 1892 году было открыто 11 уездных отделений данного учреждения.

В состав уездных отделений вошли священники, диаконы и псаломщики, т.е. представители церковного клира. Кроме того, членом братства мог стать любой, кто сочувствовал его делу и платил членские взносы.

По образцу тамбовского братства его уездные отделения возглавлялись советами. По понятным причинам, они были более малочисленны, как правило, включая 4–5 членов во главе с председателем, из-за чего им приходилось одновременно исполнять обязанности делопроизводителя, библиотекаря и казначея. Как правило, в подавляющем большинстве случаев в составе этих руководящих органов находились представители духовенства уездного города. Лишь изредка в составе уездных отделений встречались представители других сословий, например, купечества.

Несмотря на то что деятельность Казанско-Богородичного миссионерского братства в первые годы его существования не отличалась особенной активностью с точки зрения противодействия старообрядчеству и сектантству, за что впоследствии оно подверглось серьезной критике, именно его открытие во многом

позволило создать необходимые условия для последующей, достаточно плодотворной работы тамбовских миссионеров на рубеже XIX–XX веков.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2372.
2. *Дубасов, И.И.* Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Тамбов : Юлис, 2006. – 786 с.
3. *Мариупольский, И.* [Айвазов И.Г.]. Внутренняя миссия в Тамбовской епархии за последнюю четверть истекшего столетия. – Санкт-Петербург : Тип. В.В. Комарова, 1905. – 102 с.
4. Отчет Тамбовского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1875 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1876. – № 9. – С. 272–281.
5. Отчет о деятельности Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства за 1889 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 3. – С. 19–38.
6. Отчет о деятельности Тамбовского Казанско-Богородичного миссионерского братства за 1901 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9. – С. 112–127 ; № 12. – С. 233–260 ; № 13. – С. 269–295.

UDC 281.9

**THE ACTIVITIES OF THE TAMBOV
KAZAN-THEOTOKOS MISSIONARY
BROTHERHOOD IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY**

Anthony G. Lozovsky, Priest
Master of Religious Studies,
Senior Lecturer
Department of Church History
Tambov Theological Seminary
E-mail: Losovsky@yandex.ru

For citation: *Lozovsky, A.G., priest.* The activities of the Tambov Kazan-Theotokos missionary brotherhood in the second half of the 19th century // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 64–74. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the history of the missionary activities of the Russian Orthodox Church in the Tambov diocese. The article considers the Foundation of the main body of the Orthodox mission – the Kazan-Theotokos missionary brotherhood, as well as the main directions of its work. The author comes to the conclusion that the brotherhood is not active enough in countering old believers and sectarianism, but it was its discovery that created necessary conditions for the subsequent fruitful work of Tambov missionaries at the turn of the 20th century.

Keywords: Tambov diocese; missionary brotherhood; sectarianism; old believers.

References

1. GATO. F. 181. Op. 1. D. 2372. [The State Archives of Tambov Region. Fund 181. Series 1. File 2372.] (in Russian)
2. *Dubasov, I.I.* Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja [Essays about history of the Tambov region]. – Tambov: Yulis Publishing house, 2006. – 786 p. (in Russian)

3. *Mariupolsky, I.* [Aivazov I.G.] Vnutrennyaya missiya v Tambovskoi eparkhii za poslednyuyu chetvert' istekshogo stoletiya [Internal mission in the Tambov diocese for the last quarter of the past century]. – Saint Petersburg: Komarov's Printing House, 1905. – 102 p. (in Russian)

4. Otchet Tambovskogo Eparkhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1875 g. [Report of the Tambov Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1875]. // Tambov Diosece Journal. – 1876, no. 9, pp. 272–281. (in Russian)

5. Otchet Tambovskogo Eparkhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1889 g. [Report of the Tambov Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1889]. // Tambov Diosece Journal. – 1890, no. 3, pp. 19–38. (in Russian)

6. Otchet Tambovskogo Eparkhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1901 g. [Report of the Tambov Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1901]. // Tambov Diosece Journal. – 1902, no. 9, pp. 112–127; no. 12, pp. 233–260; no. 13, pp. 269–295. (in Russian)

УДК 2.26.257

**ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ
В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ДУХОВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.
ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО
И СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДОВ**

**Священник Александр
Сергеевич Быканов**
магистр теологии, старший
преподаватель
кафедры богословия, библеистики
и философии Тамбовской духовной
семинарии
E-mail: a.bykanov@bk.ru

Для цитирования: *Быканов, А.С., священник.* Церковно-приходские школы в системе начального духовного образования Российской Империи в последней четверти XIX – начале XX века. Историография советского и современного периодов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 75–95.

Аннотация

В статье произведен обзор деятельности церковно-приходских школ Российской империи (последней четверти XIX – начала XX века), советского периода и на современном этапе развития исторического знания. В работе даны объективные оценки деятельности церковно-приходских школ, отраженные в трудах церковных историков и исследователей. Современные работы претендуют на более высокий уровень объективности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; церковно-приходские школы; земские школы; духовно-нравственное воспитание; Святейший Синод; Министерство народного просвещения; самодержавие; научное исследование; статистический материал; фактографический материал.

Изучение деятельности церковно-приходских школ Российской империи не прекратилось с их упразднением в конце

1917 года. Несмотря на то что ни одно исследование советского периода не дает церковно-приходским школам положительной оценки, многие труды содержат ценный статистический и фактографический материал. Смена политического строя в начале 90-х годов XX века дала возможность выйти на новый уровень исследования, свободный от недостатков Синодального периода и идеологических ограничений советского строя. Закономерно, что с этого периода возрос научный интерес к образовательной деятельности Русской Православной Церкви в пореформенный период и актуализации накопленного опыта в современных условиях.

В первые два десятилетия после 1917 года большого интереса к вопросам школьного образования у исследователей не наблюдалось. Данное положение связано с тяжелой обстановкой внутри страны, утверждением новой идеологии и прочими событиями [25]. В небольшом количестве работ, изданных в 20–30-е годы XX века, прослеживается резко отрицательное отношение к системе церковно-школьного образования. Среди авторов этого периода следует упомянуть Н.В. Чехова, С.А. Каменева, Н. Лукина, Б.П. Кандидова, Е.Н. Медынского, Ф. Олещука. Отличительными особенностями их публикаций являлись предвзятость в характеристике просветительской деятельности Церкви, субъективная оценка результатов обучения, отсутствие серьезного аналитического подхода. Помимо прочего, вся церковно-школьная деятельность рассматривалась как еще один способ борьбы за удержание самодержавного строя, выражавшийся в противодействии прогрессивной светской системе образования [9].

В вышедшей в 1938 году работе Н.Ф. Платонова «Церковь в борьбе» высказывается мнение, что школы использовались Церковью лишь для того, чтобы удержать трудящихся от революции. Работа эта интересна не только своим содержанием, но и тем, что написана отрекшимся от Церкви бывшим обновленческим митрополитом Ленинградским [15]. К этому времени относятся также монография П.А. Зайончковского и кандидатская диссертация С.Л. Эвенчик. Оба исследования посвящены различным направлениям деятельности К.П. Победоносцева на посту обер-прокурора Святейшего Синода. Авторами использован большой объем архивного материала, что позволило подробно описать различные аспекты политической деятельности К.П. Победоносцева в целях

укрепления самодержавия. Соответственно, именно в таком контексте представлена деятельность церковно-приходских школ, а реформа 1884 года виделась авторам «решительным шагом по пути клерикализации начальной школы» [1].

Исследования, проведенные после 1945 года, отличаются от упомянутых выше большей сдержанностью, однако взгляд на роль Церкви в деле просвещения народа оставался предвзятым. В монографии «Очерки по истории дореволюционной бурятской школы (1804–1917)» В.И. Андреева, книге «Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки» А.Ф. Эфирова отмечены и некоторые достоинства школ: большое количество учащихся и невысокая стоимость обучения [14].

Из положительных аспектов ряда работ, опубликованных в 1950-е гг. необходимо отметить большой объем статистической и фактографической информации. В качестве примера можно привести исследование А.Г. Рашина «Население России за 100 лет». При помощи представленных автором демографических данных можно определить процентное соотношение школ ведомства православного исповедания по отношению к светским школам, а также проследить динамику развития общей системы народного просвещения с учетом статистики грамотного населения. До 80-х годов XX века на объективность претендовала монография Н.А. Константинова и В.П. Струминского «Очерки по истории народного образования в России» (1953). Несмотря на то что процесс развития российского начального образования рассматривался в этой работе как дело борьбы за школу передовой общественности, от идеологической предвзятости авторы уйти все же не смогли. Не претендует на объективность и монография М.М. Персиц «Отделение церкви от государства и школы от церкви» (1958), указывающая лишь на недостатки церковно-приходских школ: низкое качество методического материала и уровня подготовки педагогов, несоответствие объема государственных ассигнований и результатов обучения и прочее [14].

Исследования 60-х годов XX века представлены рядом монографий, посвященных дореволюционной системе российского образования. Символическое значение в контексте исследований советского периода имеет работа Е.Ф. Грекулова «Православная церковь – враг просвещения», изданная в 1962 году. Несмотря на

определенные достоинства в вопросах сравнительного анализа церковной и государственной школьных систем, данное исследование представляет собой набор традиционных историографических штампов советского периода, что существенно снижает его научную ценность [8].

Подобный подход остается неизменным и в последующие два десятилетия. С конца 70-х годов в Академии педагогических наук СССР начинают выходить обобщающие труды по истории народного образования, бывшие, чаще всего, библиографическими справочниками. В них история образования в дореволюционной России рассматривается в контексте обобщения статистических данных. В качестве примеров можно привести работу «Церковь, самодержавие и народная школа во второй половине XIX в. Вопросы истории педагогики» и ряд других трудов Э.Д. Днепровца (министра образования России в 1990–1992 гг.), а также изданное в 1982 году пособие для педагогических институтов А.В. Ососкова «Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917)». Этим и подобным им трудам свойственна односторонняя оценка деятельности государства и духовного ведомства в вопросах становления народного образования, а система церковно-приходских школ представляется исключительно тупиковым направлением [14].

Подводя итог обзору историографии советского периода, следует указать на два положительных момента: 1) исследователи указали на ряд недостатков церковно-приходских школ, которые в дореволюционных исследованиях не упоминались; 2) в научный оборот было введено большое количество статистического и фактографического материала [13]. С другой стороны, идеологические установки государства препятствовали объективному взгляду на роль церковно-приходских школ в системе российского образования. В силу этих обстоятельств наработанный в последней четверти XIX – начале XX века опыт в полной мере остался неисследованным [22].

Изменение в 1991 году государственного строя в России открыло «окно возможностей» для разнообразных исследований, развитие которых в советские годы было невозможно. Это затронуло все, что, так или иначе, связывалось с Русской Православной Церковью, интерес к которой в обществе оказался очень высоким. Получили «зеленый свет» многие научные исследования на цер-

ковную тематику, содержащие совершенно иную постановку вопросов, нежели в советский период.

Объективные оценки деятельности церковно-приходских школ отражены в трудах церковных историков и исследователей. К ним относятся работы по истории Русской Православной Церкви митрополита Макария (Булгакова) и А.В. Карташова. Стоит обратить внимание на исследование И.К. Смолича, в котором положительный акцент делается на развитии просветительской деятельности школ и государственной политике в области начального образования с XVIII до начала XX века [14].

Некоторые исследования последних лет по истории педагогики содержат материал о деятельности церковно-приходских школ. Здесь следует отметить работу И.В. Сучкова «Учительство России в конце XIX–начале XX вв.», в которой автор раскрывает различные стороны профессиональной и общественной деятельности учителей начальных и средних школ. Представленный материал позволяет провести сравнительный анализ профессионального уровня и других аспектов жизни и деятельности педагогов церковно-приходских и светских школ [7]. Положительная роль церковно-приходских школ в деле народного просвещения отмечается в работах: «Русская православная церковь и государство» В.А. Федорова, «Церковно-приходская школа в системе начального образования второй половины XIX века» Т.Г. Леонтьевой и ряда других авторов [8].

Важное значение для разработки исследуемой темы имеет ряд диссертаций, защищенных с 1997 по 2018 год, в которых отражены различные аспекты развития начального духовного образования на региональном уровне и в Российской империи в целом.

Открывает обзор данного периода исследований диссертация В.И. Лаптуна (1997), посвященная комплексному изучению основных этапов народного образования в Мордовии в конце XIX – начале XX века. Помимо выявления главных направлений деятельности в сфере образования и характеристики начальных учебных заведений, автором обозначены основные этапы, тенденции и противоречия развития церковной школы в Мордовии [9].

Работа корейского ученого Бан Ил Квона посвящена деятельности К.П. Победоносцева по распространению церковно-приходских школ. Основное внимание автора сосредоточено на подготовке и

осуществлении обер-прокурором реформы церковно-приходской школы в 1884 году [1].

Внимательно остановиться следует на диссертации Е.В. Крутицкой, поскольку данное исследование является одним из немногих в современной исторической науке попыток обзора становления и развития деятельности церковно-приходских школ в масштабе всей страны, а не только отдельно взятых регионов. Все наиболее значимые аспекты церковно-школьного дела: предпосылки к реформе, взаимодействие Церкви и государства, социальный и духовный облик педагогов, практическая реализация поставленных задач, актуализация накопленного опыта в современных условиях и проч. – тем или иным образом в данной работе получили свое раскрытие. Также в исследовании Е.В. Крутицкой затронут важный вопрос качества в церковно-приходских школах по отношению к школам Министерства народного просвещения и земств [8].

Особенности взаимоотношений Церкви и земств по материалам Ярославской и Костромской губерний рассматриваются в диссертации Е.С. Веденского. Помимо этого, в данном исследовании затронуты вопросы эволюции государственного законодательства в области начального народного образования, определены основные этапы реформы, освещена точка зрения известных политиков, педагогов и духовенства на роль Церкви в деле народного просвещения [3].

Впервые сравнительный анализ начальных школ Ведомства православного исповедания и начальных школ Министерства народного просвещения, по утверждению кандидата исторических наук Л.А. Яцечко, проводится в масштабах Восточного Забайкалья [24]. Ранее изучению истории создания и развития сети школ ведомства православного исповедания Забайкальской области посвятил свой научный труд А.Е. Басалаев. В кандидатской диссертации автор признает, что на современном этапе исследований (2000) о прямых результатах обучения и воспитания учащихся говорить еще рано, а сама тема нуждается в дальнейшей разработке [9].

В работе Р.Г. Прокопенко подтверждается тот факт, что церковно-приходские школы (на территории Ставрополя) долгое время были единственным местом, где можно было изучить основы гра-

мотности. Неотъемлемой частью духовно-нравственного воспитания сельских детей было также распространение и укрепление навыков повседневного быта. В своем исследовании автор обращает внимание на то, что, несмотря на все положительные стороны, церковно-приходская школа не выдержала конкуренции с развивавшимися быстрыми темпами земскими учебными заведениями и государственными училищами. Вопреки резкому сокращению государственного финансирования, церковные школы все же продолжали укрепляться, в чем есть большая заслуга ревностного и бескорыстного служения православного духовенства [17].

Вопросам взаимосвязи нравственного и эстетического воспитания в церковно-приходской школе посвящена диссертация Н.Л. Чупахиной. В своей работе автор дает представление о целостной картине педагогической деятельности церковно-приходских школ по нравственно-эстетическому воспитанию, характеризует различные формы и методы работы с детьми и методическое обеспечение данного процесса [23].

Исследованию различных аспектов педагогической деятельности церковно-приходских школ посвящено несколько диссертаций ряда авторов. Первой в хронологическом порядке стоит работа Р.Р. Исхаковой, изучавшей педагогическое образование в Казанской губернии [6]. Деятельности выдающихся педагогов С.А. Рачинского и С.И. Миропольского, внесших огромный вклад в становление церковно-приходских школ, посвящены исследования Л.В. Милько [13] и Н.П. Рязанцевой [19]. На основе ведущих идей двух педагогов авторами делается попытка определения возможных направлений в развитии современного российского народного образования.

Большой интерес представляет исследование кандидата педагогических наук Р.В. Яценко, посвященное развитию церковно-приходских школ в целом. Автором проведен историко-педагогический анализ становления и эволюции церковно-школьной системы и, в том числе, ее содержательного наполнения [25].

Деятельность церковно-приходских школ в контексте эволюции православного воспитания рассматривается в диссертации М.В. Разиной. В работе отмечается тенденция нарастания интереса к теории и практике религиозного воспитания в дореволюционный период и, как следствие, необходимость его актуализации

в настоящее время [18]. Педагогическому обеспечению процесса обучения в церковно-приходской школе посвящена кандидатская диссертация священника Виталия Симоры (Тверская епархия) [20].

Историко-теоретическому анализу православно-педагогической культуры посвящена докторская диссертация С.Ю. Дивногорцевой. Не изучая отдельно деятельность церковно-приходских школ, автор делает акцент на обобщении опыта взаимодействия Церкви, семьи и образовательных учреждений; проводит анализ различных аспектов и традиций православной педагогической культуры [4].

Интересным представляется исследование С.Е. Горшковой, посвященное изучению русской художественной литературы в церковно-приходских школах. Автором дается характеристика читательской среды, основных хрестоматий и книг для чтения, выявляются наиболее популярные произведения, изучаются материалы для дополнительного чтения [4].

О роли церковно-приходских школ в системе общественного призрения России как важной части благотворительной деятельности говорится в диссертации Я.В. Сунцевой [21].

Общая характеристика различных аспектов деятельности церковно-приходских школ в отдельных регионах Российской империи содержится в кандидатских диссертациях О.В. Осипова [15], Н.Н. Наумовой [14], Т.А. Красницкой [8] и др. Научная новизна перечисленных исследований, по мнению авторов, заключается в комплексном анализе просветительской деятельности Церкви на территории региона, а также во включении в научный оборот неизвестных ранее материалов или не полностью освоенного предшествующими исследователями комплекса источников, а также в специфических региональных особенностях (географическое и финансовое положение, преобладание инославного населения и проч.), что имеет большое значение для продолжения научных исследований в данной области.

Деятельности церковно-приходских школ на территории Тамбовской епархии посвящено несколько статей, опубликованных с большим хронологическим разбросом в последние два десятилетия.

Статья О.В. Клевцовой посвящена анализу ситуации в деле народного образования во второй половине XIX века на примере Усманского и Липецкого уездов Тамбовской губернии. Церковно-

приходские школы упоминаются автором поверхностно, отсутствуют статистические данные и сравнение церковных школ с земскими [7]. Эпизодически церковно-приходские школы упоминаются в двух статьях заведующего кафедрой церковной истории Тамбовской духовной семинарии кандидата исторических наук, кандидата богословия протоиерея Виктора Лисюнина [11,12]. В статье М.Г. Белофост, опубликованной в 1998 году, содержится краткий общий обзор деятельности церковно-приходских школ Тамбовской епархии [2]. Достаточно подробно рассмотрена деятельность самых крупных церковно-приходских школ епархии: Ольгинской при Вознесенском монастыре г. Тамбова и Вышенско-Купленской при Успенской Вышенской пустыни в Шацком уезде в статье кандидата богословия игумена Пимена (Семилетова), однако в сферу научных интересов автора вошли только те школы, которые были основаны и содержались епархиальными монастырями [24].

По мнению кандидата исторических наук Е.Н. Хабалевой, «при весьма частом обращении исследователей к изучению общероссийских тенденций развития российского образования недостаточно востребованной <...> является региональная тематика, при том, что зачастую именно в регионах Российской империи наиболее ярко проявлялись достоинства и недостатки проводимых в сфере начального, среднего и высшего образования реформ, что позволяло учитывать «проблемные точки» и, по совокупности объективных и субъективных факторов, корректировать направления реформирования» [22].

Обзор исследований, посвященных церковно-приходским школам показывает, что вопрос начального духовного образования в пореформенный период недостаточно разработан именно на региональном уровне. Этот пробел представляется возможным восполнить, проведя более глубокое исследование церковно-приходских школ Тамбовской епархии в период с 1884 по 1918 год.

Список литературы

1. *Бан Ил Квон*. К.П. Победоносцев и распространение церковно-приходских школ в 1884–1904 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бан Ил Квон ;

Российская академия наук ; Санкт-Петербургский филиал Института российской истории. – Санкт-Петербург, 2000 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/k-p-pobedonostsev-i-rasprostranenie-tserkovno-prikhodskikh-shkol-v-1884-1904-gg> (дата обращения: 23.02.2020).

2. *Белофост, М.Г.* Церковно-приходские школы Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / М.Г. Белофост // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 1998. – Вып. 1. – С. 45–47.

3. *Веденский, Е.С.* Деятельность Русской Православной Церкви в области начального народного образования во второй половине XIX – начале XX в. : по материалам Ярославской и Костромской губерний : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Веденский Е.С. // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/deyatelnost-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-oblasti-nachalnogo-narodnogo-obrazovaniya-vo-vtor> (дата обращения: 23.02.2020).

4. *Горшкова, С.Е.* Русская художественная литература в церковно-приходских школах конца XIX – начала XX в. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Горшкова С.Е. – Тверь, 2003 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/vzaimosvyaz-nravstvennogo-i-esteticheskogo-vospitaniya-v-tserkovno-prikhodskoi-shkole-rossii> (дата обращения: 23.02.2020).

5. *Дивногорцева, С.Ю.* Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Дивногорцева С.Ю. – Москва, 2011 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/istoriko-teoreticheskii-analiz-pravoslavnoi-pedagogicheskoi-kultury-v-rossii> (дата обращения: 23.02.2020).

6. *Исхакова Р.Р.* Педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

педагогических наук / Исхакова Р.Р. – Казань, 2002 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/pedagogicheskoe-obrazovanie-v-kazanskoi-gubernii-vo-vtoroi-pолоvine-khikh-nachale-khkh-vv> (дата обращения: 23.02.2020).

7. *Клевцова, О.В.* Фомирование образовательного пространства в сельской местности во второй половине XIX в. (на примере Тамбовской губернии) / Клевцова О.В. // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obrazovatelno-go-prostranstva-v-selskoy-mestnosti-vo-vtoroy-pолоvine-xix-v-po-materialam-tambovskoy-gubernii> (дата обращения: 23.02.2020).

8. *Красницкая, Т.А.* Начальное духовное образование в провинциальной России. XIX – начало XX в. : на материалах Владимирской и Костромской губерний : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Красницкая Т.А. – Иваново, 2003 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/nachalnoe-dukhnovnoe-obrazovanie-v-provintsialnoi-rossii-xix-nachalo-xx-vv-na-materialakh-vla> (дата обращения: 23.02.2020).

9. *Крутицкая, Е.В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Крутицкая Е.В. – Волгоград, 2005 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/tserkovno-prihodskie-shkoly-rossii-v-kontse-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 23.02.2020).

10. *Лаптун, В.И.* Развитие народного образования в Мордовии в конце XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Лаптун В.И. – Саранск, 1997 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-narodnogo-obrazovaniya-v-mordovii-v-kontse-xix-nachale-khkh-veka> (дата обращения: 23.02.2020).

11. *Лисюнин, В., иерей.* Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. / иерей Виктор Лисюнин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. – Вып. 2 (94). – С. 335–344.

12. *Лисюнин, В., иерей.* Проект женского образования и проблемы его реализации в конце XIX – начале XX в. (на примере Тамбовской епархии) / иерей Виктор Лисюнин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010. – Вып. 12 (92). – С. 249–254.

13. *Милько, Л.В.* Пути формирования национального самосознания в Татевской школе С.А. Рачинского : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Милько Л.В. – Смоленск, 2002 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/puti-formirovaniya-natsionalnogo-samosoznaniya-v-tatevskoi-shkole-s-rachinskogo> (дата обращения: 23.02.2020).

14. *Наумова, Е.Н.* Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884 – 1917 гг.: на материалах Иркутской и Енисейской епархий : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Наумова Е.Н. – Иркутск, 2002 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/tserkovnoprihodskie-shkoly-i-shkoly-gramoty-vostochnoi-sibiri-v-1884-1917-gg-na-materialakh> (дата обращения: 23.02.2020).

15. *Осипов, О.В.* Церковно-приходские школы Оренбургской епархии, 1864–1917 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Осипов О.В. – Челябинск, 2002 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/tserkovno-prihodskie-shkoly-orenburgskoi-eparkhii-1864-1917-gg> (дата обращения: 23.02.2020).

16. *Пимен (Семилетов, И.А.), игум.* Просветительская деятельность тамбовских монастырей на рубеже XIX и XX в. / игумен Пимен (Семилетов И.А.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – Тамбов, 2018. – № 2 (68). – С. 124–138.

17. *Прокопенко, Р.Г.* Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX в. : на примере Ставропольской губернии : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соиска-

ние ученой степени кандидата исторических наук / Прокопенко Р.Г. – Пятигорск, 2011 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/tserkovno-prikhodskie-shkoly-v-sisteme-nachalnogo-narodnogo-obrazovaniya-v-rossii-v-xix-nach> (дата обращения: 23.02.2020).

18. *Разина, М.В.* Эволюция религиозного (православного) воспитания в России с XVIII века до настоящего времени : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Разина М.В. – Екатеринбург, 2006 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-religioznogo-pravoslavnogo-vospitaniya-v-rossii-s-xviii-veka-do-nastoyashchego-v> (дата обращения: 23.02.2020).

19. *Рязанцева, Н.П.* Педагогические основы построения церковно-приходской школы в религиозно-педагогическом наследии С.И. Миропольского : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Рязанцева Н.П. – Курск, 2002 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskie-osnovy-postroeniya-tserkovno-prikhodskoi-shkoly-v-religiozno-pedagogicheskom> (дата обращения: 23.02.2020).

20. *Симора, В.А.* Педагогическое обеспечение процесса обучения в церковно-приходской школе Тверской губернии второй половины XIX – начала XX в. : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Симора В.А. – Тверь, 2010 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskoe-obespechenie-protssesa-obucheniya-v-tserkovno-prikhodskoi-shkole-tverskoi-gu> (дата обращения: 23.02.2020).

21. *Сунцева, Я.В.* Исторический опыт взаимодействия органов московского городского самоуправления и церковно-православных приходов в деле защиты детей в начале XX века : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сунцева Я.В. –

Москва, 2007 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/istoricheskii-opyt-vzaimodeistviya-organov-moskovskogo-gorodskogo-samoupravleniya-i-tserkovn> (дата обращения: 23.02.2020).

22. *Хабалева, Е.Н.* История народного образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Хабалева Е.Н. – Орел, 2018 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-narodnogo-obrazovaniya-v-orlovskoi-gubernii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 23.02.2020).

23. *Чупахина, Н.Л.* Взаимосвязь нравственного и эстетического воспитания в церковно-приходской школе России второй половины XIX в. : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чупахина Н.Л. – Москва, 1999 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/vzaimosvyaz-nravstvennogo-i-esteticheskogo-vospitaniya-v-tserkovno-prihodskoi-shkole-rossii> (дата обращения: 23.02.2020).

24. *Яцечко, Л.А.* Развитие начального образования в Восточном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Яцечко Л.А. – Улан-Удэ, 2006 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-nachalnogo-obrazovaniya-v-vostochnom-zabaikale-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 23.02.2020).

25. *Яценко, Р.В.* Развитие церковно-приходских школ России: вторая половина XIX – начало XX в. : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Яценко Р.В. – Волгоград, 2005 // disserCat : науч. электрон. б-ка. – URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-tserkovno-prihodskikh-shkol-rossii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-veka> (дата обращения: 23.02.2020).

UDC 2.26.257

PAROCHIAL SCHOOLS IN THE SYSTEM OF PRIMARY SPIRITUAL EDUCATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES. HISTORIOGRAPHY OF THE SOVIET AND MODERN PERIODS

Alexander S. Bykanov, Priest
Master in Theology,
Senior Lecturer
Department of Biblical Studies
Tambov Theological Seminary
E-mail: a.bykanov@bk.ru

For citation: *Bykanov, A.S., priest.* Parochial schools in the system of primary spiritual education of the Russian Empire in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. Historiography of the soviet and modern periods// Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 75–95. (in Russian)

Abstract

The article refers to the historiography of parish schools of the Russian Empire (in the last quarter of the 19th - early 20th centuries), Soviet period and the development of historical knowledge at the present stage. The first period is characterized by a biased attitude in church-school activity in the absence of a serious analytical approach. Modern studies claim a high level of objectivity, and the activities of parish schools themselves need deeper study at the regional level in general and in the Tambov province in particular.

Keywords: Russian Orthodox Church; parochial schools; Zemstvo schools; Holy Synod; Ministry of public education; autocracy; monograph; scientific research; dissertation; statistical material; factual material; spiritual and moral education.

References

1. *Ban Il Kvon.* K.P. Pobedonostsev i rasprostranenie tserkovno-prihodskikh shkol v 1884–1904 gg. [K.P. Pobedonostsev and

the spread of parochial schools in 1884–1904]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Saint-Petersburg, 2000. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/k-p-pobedonostsev-i-rasprostranenie-tserkovno-prihodskikh-shkol-v-1884-1904-gg>. (Accessed: 23.02.2020).

2. *Belofost, M.G.* Tserkovno-prihodskie shkoly Tamboskoi gubernii vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. [Parochial schools of Tambov province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vestnik Tambovskogo universiteta, series the Humanities, 1998, issue 1, pp. 45–47. (in Russian)

3. *Vedenskiy, E.S.* Deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v oblasti nachal'nogo narodnogo obrazovaniya vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. :po materialam Yaroslavskoi i Kostromskoi gubernii [Activity of the Russian Orthodox Church in the field of primary public education in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on the materials of the Yaroslavl and Kostroma provinces]. Extended abstract of the Cand. Sci. (History) Dissertation. Yaroslavl, 2003. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/deyatelnost-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-oblasti-nachalnogo-narodnogo-obrazovaniya-vo-vtor> (Accessed: 23.02.2020).

4. *Gorshkova, S.E.* Russkaya khudozhestvennaya literature v tserkovno-prihodskikh shkolakh kontsa 19 – nachala 20 v. [Russian fiction in parochial schools of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (Russian Literature) Dissertation. Tver, 2003. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/vzaimosvyaz-nravstvennogo-i-esteticheskogo-vospitaniya-v-tserkovno-prihodskoi-shkole-rossii> (Accessed: 23.02.2020).

5. *Divnogortseva, S.Yu.* Istoriko-teoreticheskii analiz pravoslavnoi pedagogicheskoi kul'tury v Rossii [Historical and theoretical analysis of Orthodox pedagogical culture in Russia]. Extended abstract of Doc. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Moscow, 2011. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/istoriko-teoreticheskii-analiz-pravoslavnoi-pedagogicheskoi-kultury-v-rossii> (Accessed: 23.02.2020).

6. *Iskhakova, R.R.* Pedagogicheskoe obrazovanie v Kazanskoi gubernii vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. [Pedagogical education in the Kazan province in the second half of the 19th –

early 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) dissertation. Kazan, 2002. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/pedagogicheskoe-obrazovanie-v-kazanskoi-gubernii-vo-vtoroi-polovine-khikh-nachale-khkh-vv> (Accessed: 23.02.2020).

7. *Klevtsova, O.V.* Formirovanie obrazovatel'nogo prostranstva v sel'skoi mestnosti vo vtoroi polovine 19 v. (na primere Tambovskoi gubernii [Formation of the educational space in rural areas in the second half of the 19th century (based on the example of Tambov province)]. // Scientific electronic library «Cyberleninka». (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-obrazovatel'nogo-prostranstva-v-selskoy-mestnosti-vo-vtoroy-polovine-xix-v-po-materialam-tambovskoy-gubernii> (Accessed: 23.02.2020).

8. *Krasnitskaya, T.A.* Nachal'noe dukhovnoe obrazovanie v provintsial'noi Rossii. 19 – nachalo 20 v. : na materialakh Vladimirskoi i Kostromskoi gubernii [Primary spiritual education in provincial Russia. 19th – early 20th centuries: based on the materials of the Vladimir and Kostroma provinces]. Extended extract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Ivanovo, 2003. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/nachalnoe-dukhovnoe-obrazovanie-v-provintsialnoi-rossii-xix-nachalo-xx-vv-na-materialakh-vla> (Accessed: 23.02.2020).

9. *Krutitskaya, E.V.* Tserkovno-prihodskie shkoly Rossii v kontse 19 – nachale 20 vv. [Parochial schools of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Volgograd, 2005. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/tserkovno-prihodskie-shkoly-rossii-v-kontse-xix-nachale-xx-vv> (Accessed: 23.02.2020).

10. *Laptun, V.I.* Razvitie narodnogo obrazovaniya v Mordovii v kontse 19 – nachale 20 v. [Development of national education in Mordovia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Saransk, 1997. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-narodnogo-obrazovaniya-v-mordovii-v-kontse-xix-nachale-khkh-veka> (Accessed: 23.02.2020).

11. *Lisyunin, V., priest.* Prosvetitel'skaya funktsiya pravoslavnogo dukhovenstva v kontse 19 – nachale 20 v. [The

enlightening function of the Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries]. / Priest Viktor Lisyunin // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – Tambov, 2011, issue 2 (94), pp. 335–344. (in Russian)

12. *Lisyunin, V., priest.* Proekt zhenskogo obrazovaniya i problem ego realizatsii v kontse 19 – nachale 20 v. (na primere Tambovskoi eparkhii) [The project of female education and the problems of its implementation in the late 19th – early 20th centuries (based on the example of the Tambov diocese)]. / Priest Viktor Lisyunin // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – Tambov, 2010, issue 12 (92), pp. 249–254. (in Russian)

13. *Milko, L.V.* Puti formirovaniya national'nogo samosoznaniya v Tatevskoi shkole S.A. Rachinskogo [Ways of forming national identity in the Tatev school of S. A. Rachinsky]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Smolensk, 2002. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/puti-formirovaniya-natsionalnogo-samosoznaniya-v-tatevskoi-shkole-s-rachinskogo> (Accessed: 23.02.2020).

14. *Naumova, E.N.* Tserkovno-prikhodskie shkoly i shkoly gramoty Vostochnoi Sibiri 1884–1917 gg. : na materialakh Irkutskoi i Eniseiskoi eparkhii [Church Parish schools and schools of letters of Eastern Siberia in 1884–1917: based on the materials of the Irkutsk and Yenisei dioceses]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Irkutsk, 2002. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/tserkovnoprikhodskie-shkoly-i-shkoly-gramoty-vostochnoi-sibiri-v-1884-1917-gg-na-materialakh> (Accessed: 23.02.2020).

15. *Osipov, O.V.* Tserkovno-prikhodskie shkoly Orenburgskoi eparkhii, 1864–1917 gg. [Parochial schools of the Orenburg diocese, 1864-1917]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Chelyabinsk, 2002. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/tserkovno-prikhodskie-shkoly-orenburgskoi-eparkhii-1864-1917-gg>. (Accessed: 23.02.2020).

16. *Pimen (Semiletov, I.A.), hegumen.* Prosvetitel'skaya deyatel'nost' tambovskikh monastyrei na rubezhe 19 i 20 vekov [Educational activities of Tambov monasteries at the turn of the 20th century]. Issues of modern science and practice. V. I. Vernadsky University. Tambov, 2018, no. 2 (68), pp. 124–138. (in Russian)

17. *Prokopenko, R.G.* Tserkovno-prihodskie shkoly v sisteme nachal'nogo narodnogo obrazovaniya v Rossii v 19 – nachale 20 v. : na primere Stavropol'skoi gubernii [Parochial schools in the system of primary national education in Russia in the 19th - early 20th centuries: based on the example of the Stavropol province]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Pyatigorsk, 2011(in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/tserkovno-prihodskie-shkoly-v-sisteme-nachalnogo-narodnogo-obrazovaniya-v-rossii-v-xix-nach> (Accessed: 23.02.2020).

18. *Razina, M.V.* Evolyutsiya religioznogo (pravoslavnogo) vospitaniya v Rossii s 18 veka do nastoyashchego vremeni [Evolution of religious (Orthodox) education in Russia from the 18th century to the present time]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Yekaterinburg, 2006. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-religioznogo-pravoslavnogo-vospitaniya-v-rossii-s-xviii-veka-do-nastoyashchego-v> (Accessed: 23.02.2020).

19. *Razantseva, N.P.* Pedagogicheskie osnovy postroeniya tserkovno-prihodskoi shkoly v religiozno-pedagogicheskom nasledii S.I. Miropol'skogo [Pedagogical bases of building a Church-parish school in the religious and pedagogical heritage of S. I. Miropolsky]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Kursk, 2002. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskie-osnovy-postroeniya-tserkovno-prihodskoi-shkoly-v-religiozno-pedagogicheskom> (Accessed: 23.02.2020).

20. *Simora, V.A.* Pedagogicheskoe obespechenie protsessa obucheniya v tserkovno-prihodskoi shole Tverskoi gubernii vtoroi poloviny 19 – nachala 20 v. [Pedagogical support of the learning process in the parish school of the Tver province of the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Tver, 2010. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskoe-obespechenie-protsessa-obucheniya-v-tserkovno-prihodskoi-shkole-tverskoi-gu> (Accessed: 23.02.2020).

21. *Suntseva, Ya.V.* Istoricheski opyt vzaimodeistviya organov moskovskogo gorodskogo samoupravleniya i tserkovno-pravoslavnykh

prikhodov v dele zazhity detei v nachale 20 veka [Historical experience of interaction of Moscow city self-government bodies and Church-Orthodox parishes in the protection of children at the beginning of the 20th century]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Moscow, 2007. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/istoricheskii-opyt-vzaimodeistviya-organov-moskovskogo-gorodskogo-samoupravleniya-i-tserkovn> (Accessed: 23.02.2020).

22. *Khabaleva, E.N.* Istoriya narodnogo obrazovaniya v Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. [History of national education in the Oryol province in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Orel, 2018. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-narodnogo-obrazovaniya-v-orlovskoi-gubernii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (Accessed: 23.02.2020).

23. *Chupakhina, N.L.* Vzaimosvyaz' npravstvennogo i esteticheskogo vospitaniya v tserkovno-prikhodskoi shkole Rossii vtoroi poloviny 19 v. [Interrelation of moral and aesthetic education in the Church-parish school of Russia of the second half of the 19th century]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy) Dissertation. Moscow, 1999. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/vzaimosvyaz-npravstvennogo-i-esteticheskogo-vospitaniya-v-tserkovno-prikhodskoi-shkole-rossii> (Accessed: 23.02.2020).

24. *Yatsechko, L.A.* Razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Vostochnom Zabaikal'e vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. [Development of primary education in Eastern Transbaikalia in the second half of the 19th - beginning of the 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Ulan-Ude, 2006. (in Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-nachalnogo-obrazovaniya-v-vostochnom-zabaikale-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-vv> (Accessed: 23.02.2020).

25. *Yashchenko, R.V.* Razvitie tserkovno-prikhodskikh shkol Rossii: vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v. [Development of parochial schools in Russia: the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Extended abstract of Cand. Sci. (Pedagogy)

Dissertation. Volgograd, 2005. (in Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-tserkovno-prihodskikh-shkol-rossii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-veka> (Accessed: 23.02.2020).

УДК 908

ИСТОРИЯ НОВОЙ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ Г. ТАМБОВА (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рубан Наталья Борисовна
главный архивист отдела использования
и публикации документов
ТОГБУ «Государственный архив
Тамбовской области»
E-mail: rubannb@mail.ru

Для цитирования: *Рубан, Н.Б.* История новой Покровской церкви г. Тамбова (по документам государственного архива Тамбовской области) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 95–104.

Аннотация

В статье представлена история возведения нового Покровского храма в г. Тамбове. К середине XIX столетия здание Покровской церкви, построенное в 1768 г. на месте сгоревшего старого храма, требовало ремонта. Строительство новой Покровской церкви было утверждено указом Святейшего Синода и начато в 1846 г. главным образом на средства потомственного почетного гражданина Ивана Михайловича Байкова. После смерти И.М. Байкова в 1867 г. строительством занималась его жена Любовь Дмитриевна. Здание новой Покровской церкви было разрушено в 1941 году.

Ключевые слова: Покровский собор г. Тамбова; Тамбовское губернское строительное отделение; слободские жители; купцы 2-й гильдии; потомственный почетный гражданин И.М. Байков.

Покровская церковь была для жителей Тамбова особым символом, поскольку именно в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1637 году состоялось освящение города.

Приход Покровской церкви был открыт сразу после основания г. Тамбова, однако первый деревянный храм сгорел в 1763 году, поэтому был выстроен каменный, сохранившийся до наших дней. К середине XIX столетия Покровская церковь, построенная в 1768 году, перестала удовлетворять потребностям прихожан. Указом Святейшего Синода от 18 ноября 1843 года был утвержден проект строительства новой Покровской церкви рядом со зданием старой Покровской церкви [12, с. 44]. Священник Г. Хитров писал о начале строительства новой церкви Покрова Пресвятой Богородицы в 1846 году прихожанами, населявшими Покровскую слободу, их потомками, живущими за городом по Астраханской дороге, «соскучившимися теснотой» старой церкви [15, с. 275]. В 1903 году старая церковь была приписана к военному ведомству как полковая церковь 7-го запасного полка [14, с. 452].

Строительство нового здания Покровской церкви производилось главным образом на средства потомственного почетного гражданина Ивана Михайловича Байкова и его жены Любови Дмитриевны.

В метрических книгах Покровской церкви г. Тамбова имеется запись о погребении «в склепе вновь строящейся города Тамбова Покровской церкви» в январе 1867 года почетного гражданина Ивана Михайловича Байкова в возрасте 72 лет [7, л. 323 об., 324]. Иван Михайлович Байков был погребен в склепе еще неосвященного храма. В ноябре 1873 года от простуды в возрасте 40 лет умер его сын Семен Иванович Байков; в метрической книге той же церкви записано: «Тело перевезено из с. Красивки Кирсановского уезда, погребено и предано земле в склепе Покровской церкви» [8, л. 92 об., 93].

Захоронение в церкви являлось обычной практикой: могилы встречаются у стен храмов и на территории церквей, где, как правило, хоронили особо выдающихся лиц, внесших весомый вклад в созидание храма и прихода. Однако выбор столь почетного места погребения зависел не только от социального статуса, но и от материальных возможностей семьи и самого прихожани-

на. Существовала и такая практика: по просьбе строителей храма внутри могли хоронить его близких родственников. Факт погребения Ивана Михайловича Байкова и его сына Семена Ивановича в склепе Покровской церкви подтверждает, что члены этого семейства были основными меценатами строительства новой Покровской церкви.

Строительство новой церкви продолжалось до 1869 года. Во время строительных работ возникли определенные трудности при сооружении центрального купола, конструкцию которого Синод разрешил сделать из дерева [13, с. 23].

В архивном фонде Строительного отделения Тамбовского губернского правления сохранился акт осмотра Покровской церкви г. Тамбова в декабре 1870 года. В докладной записке потомственная почетная гражданка Любовь Дмитриевна Байкова, ее сын Семен Иванович Байков и коллежский советник Алексей Иванович Гришин еще в январе 1870 года объяснили, что строительство новой каменной Покровской церкви г. Тамбова, начатое покойным мужем Любви Дмитриевны Иваном Михайловичем Байковым, было окончено ими в «надлежащем виде» при содействии негласного художника Г. Снегирева в 1869 году, в том же году церковь была освящена. А.Е. Андриевский в историко-статистическом описании Тамбовской епархии называет другую дату освящения церкви – 2 ноября 1867 года [10, с. 40]. Купол церкви пришлось перестроить «вследствие оказавшихся повреждений в столбах, на которых основываются своды и большой купол», заменив его деревянным «с утончением столбов и понижением арки» [6, с. 141, 141 об., 142]. Сведений о том, перестроен ли купол в деревянный или каменный, в Тамбовской духовной консистории не оказалось. По этой причине была создана комиссия для освидетельствования купола Покровской церкви.

Комиссия под руководством губернского архитектора Садовского, производившая осмотр строящегося здания Покровской церкви еще в мае 1867 года сделала заключение, что строительство производилось «с употреблением материалов должного качества. Доказательством доброкачественности материалов и тщательности работы служит то обстоятельство, что толщина стен фонаря положена в 4 кирпича». Далее давалось следующее пояснение:

«На столбе первоначальной кладки, отделяющей алтари от церкви с северной стороны главного алтаря, имеется вертикальная трещина, начавшаяся ниже пят арки и продолжающаяся книзу. По заявлению прихожан, находящихся при свидетельстве церковнослужителей, трещина до начала нынешних работ находилась в том же самом виде и размере и произошла от неравномерной первоначальной осадки или как следствие нагрузки и распоров. При дальнейшем обследовании трещины вредных последствий не предполагается» [6, с. 143].

Вероятно, по причине появления трещины в новом здании Покровской церкви в январе 1871 года комиссия «всем наличным составом техников Строительного отделения, при участии Тамбовского городского архитектора Карапетова, созданная по просьбе Духовной консистории и «утвержденная господином начальником губернии», одновременно произвела осмотр здания старой Покровской церкви для освидетельствования того, «может ли она остаться навсегда в том виде, в каком теперь находится», пришла к заключению, что «церковь в настоящее время во всех своих частях прочна, при постройке выдержан древний русско-византийский стиль, по давности времени постройки она принадлежит к числу самых древних зданий в г. Тамбове. На основании ст. 181 XII т. Св. законов здание должно поддерживаться в таком виде навсегда» [6, с. 131, 132, 140 об.].

После смерти И.М. Байкова в 1867 году строительством нового Покровского храма занималась его жена Любовь Дмитриевна. Возможно, именно за активное участие в возведении храма указом Святейшего Синода от 17 февраля 1875 года по представлению тамбовского епархиального начальства потомственная почетная гражданка Любовь Байкова награждена грамотой [9, с. 261].

Семья купцов Байковых появляется в списках городских обывателей г. Тамбова за 1837–1839 годы (в списках городских обывателей за 1831–1833 годы они указаны не были). Из данного документа узнаем, что купец 3-й гильдии Иван Михайлович Байков, 43 лет, женат на дочери купца Любви Дмитриевны Суворовой. Двое детей: Семен – 6 лет и дочь Анна – 5 лет. Имеют недвижимость во II части города, в 47-м квартале № 6 и 7. «Дом построен на усадебном месте сердобским купцом Алексе-

ем Ишутиным, здание каменное, а флигель и надворные строения им банковым фасадом (так в документе) по Астраханской улице, достался по купчей. Торг имеет овощными товарами, в 1826 г. был депутатом торговли, а в 1832 г. городским головой» [5, л. 31 об., 32]. В документах Иван Михайлович Байков значится как новохоперский купец. Сохранилось объявление новохоперской купеческой жены 2-й гильдии Любви Дмитриевны Байковой с просьбой о зачислении ее на 1850 год «в тамбовское 2-й гильдии временное купечество» для осуществления собственной торговли [4, л. 5, 5 об.].

Иван Михайлович Байков в декабре 1837 года получил билет на купеческую лавку на 1838 год. В оценочной книге домов г. Тамбова за 1838 год указано владение купца Ивана Байкова с лавкой в 47 квартале под № 6 и 7 с доходной оценочной стоимостью 18 000 и 14 000 рублей. Любопытно, что рядом располагались владения священнической жены, псаломщика, дьячка, звонаря, монастырское подворье, скотный архиерейский двор [1, л. 130]. По оценочной стоимости усадьба купца Байкова была практически самой дорогой в указанном квартале, кроме купеческого владения с доходной оценкой в 36 000 рублей и владения надворной советницы в 11 000 рублей, остальные не превышали стоимостью 300–500 рублей [1, л. 130]. Дом Байковых по улице Астраханской (Большой) выходил фасадом на современную улицу Советскую, а данный квартал всегда входил в приход Покровской церкви. В 1859 году Иван Михайлович введен с семейством в потомственное почетное гражданство [2, л. 4 об., 5]. По данным ведомости Тамбовской городской думы на 1863 год почетный гражданин И.М. Байков объявил капитал – 6000 рублей, наряду с такими тамбовскими купцами, как М.С. Ашурков, В.М. Аносов [3, л. 719].

С семейством Байковых некоторые исследователи связывают историю Серафимовского духовного училища. Статья об истории Второго духовного училища была помещена в Тамбовских епархиальных ведомостях за 1887 год. Из нее узнаем, что в середине XIX века возник вопрос о переводе Лебедянского духовного училища в Тамбов по причине его малолюдности. На его основе с начала 1851/52 учебного года открыто Второе Тамбовское духовное училище [16, с. 212]. В дальнейшем, после от-

крытия в 1904 году при училище храма в честь преподобного Серафима Саровского, оно было переименовано в Серафимовское духовное училище [14, с. 531]. Многие тамбовские краеведы, в частности, В.А. Кученкова, утверждали, что Второе духовное училище в 1851 году временно расположилось на усадьбе купца Байкова. В 70-х годах усадьба была приобретена училищем в собственность, а в 1895 году приступили к постройке новых корпусов [11, с. 152]. Однако подобные сведения не находят фактического подтверждения. Байковы действительно имели собственность, но в 47-м квартале, а будущее Серафимовское духовное училище располагалось в 31-м квартале. Архивных документов, подтверждающих факт покупки усадьбы для Второго духовного училища у купцов Байковых, не обнаружено. При этом необходимо отметить имеющийся временной разрыв в документах от окладной книги 1838 до 1851 года – основания Второго духовного училища в Тамбове. В связи с этим можно лишь предположить, что в указанный период семья могла приобрести другие владения, в том числе и в 31-м квартале города. Но в сохранившихся документах Строительного отделения Тамбовского губернского правления о постройке нового здания для Серафимовского духовного училища нет сведений об усадьбе, на которой строилось здание.

В целом для того времени было нормой жертвовать капиталы и недвижимость на так называемый «вечный покой» или вечное поминовение. Учитывая тот факт, что члены семьи купцов Байковых являлись постоянными прихожанами Покровской церкви г. Тамбова, а также основными строителями нового здания Покровской церкви, из-за нехватки средств они вполне могли продать одну из своих усадеб и вложить деньги в богоугодное дело. Несмотря на основное владение в престижном 47-м квартале г. Тамбова, Байковы занимались овощной торговлей, и получаемая ими прибыль была несоизмерима с вложенными в строительство храма капиталами.

К сожалению, новое здание церкви до наших дней не сохранилось. После 1918 года Покровская церковь, построенная в середине XIX века, была еще действующей, но к 30-м годам ее судьба была решена. В связи с полной необеспеченностью основных городских строек кирпичом здание церкви было передано горстрой-

тресту для разборки к 15 мая 1941 года. До своего столетнего юбилея Покровская церковь не дожила [12, с. 44].

Семья Байковых, вложившая огромные силы и средства в строительство церкви, оказалась забытой на многие десятилетия. Данная публикация призвана содействовать восстановлению исторической справедливости – напомнить нашим современникам имена строителей и благоукрашителей одного из порушенных храмов Тамбовской земли.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 16. Оп. 20. Д. 5. Л. 130.
2. ГАТО. Ф. 16. Оп. 39. Д. 17. Л. 4 об., 5.
3. ГАТО. Ф. 16. Оп. 45. Д. 40. Л. 719.
4. ГАТО. Ф. 16. Оп. 86. Д. 4. Л. 5, 5 об.
5. ГАТО. Ф. 16. Оп. 91. Д. 14. Л. 31 об., 32.
6. ГАТО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 509. Л. 131, 132, 140–142, 143.
7. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 5942. Л. 323 об., 324.
8. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6046. Л. 92 об., 93.
9. Епархиальные известия // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 8, офиц. ч. – С. 261.
10. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. – Тамбов : Типолит. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – 878, XX с.
11. *Кученкова, В.А.* Неизвестный Тамбов / В.А. Кученкова. – Тамбов : Пролетар. светоч, 1993. – 221 с.
12. *Кученкова, В.А.* Святые Тамбовской епархии / В.А. Кученкова. – Москва : Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. – 109 с.
13. *Лисюнин, В.Ф., прот.* Покровский собор г. Тамбова и православные традиции. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 432 с.
14. Тамбовская энциклопедия. – Тамбов : Юлис, 2004. – 707 с.
15. *Хитров, Г., свящ.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / священник Георгий Хитров. – Тамбов : В тип. К.И. Закржевского, 1861. – 340 с.
16. Число учеников в Тамбовском уездно-приходском училище // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 5. – С. 211–214.

UDC 908

HISTORY OF THE NEW INTERCESSION CHURCH IN TAMBOV (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE TAMBOV REGION)

Natalia B. Ruban

Chief Archivist

Department of Use and Publication of Documents

State Archive of the Tambov Region

E-mail: rubannb@mail.ru

For citation: *Ruban, N.B.* History of the new Intercession Church in Tambov (based on the documents of the State Archive of the Tambov Region) // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 95–104. (in Russian)

Abstract

The article presents the history of the construction of the new Intercession Church in Tambov. By the middle of the 19th century, the building of the Intercession Church, built in 1768 on the site of the burned-down old church, required repair. The construction of the new Intercession Church was approved by the decree of St. Synod and started in 1846, mainly at the expense of the hereditary honorary citizen Ivan Mikhailovich Baykov. After the death of I. M. Baykov in 1867, his wife Lyubov Dmitrievna was engaged in the construction. The building of the new Intercession Church was destroyed in 1941.

Keywords: Intercession Cathedral of the city of Tambov; Tambov Provincial Construction Department; Sloboda residents; second-guild merchants; hereditary honorary citizen I. M. Baykov.

References

1. GATO. F. 16. Op. 20.D. 5.L. 130. [The State Archives of Tambov Region. Fund 16. Series 20. File 5. Sheet 130] (in Russian)
2. GATO. F. 16. Op. 39. D. 17. L. 4 ob., 5. [The State Archives of Tambov Region. Fund 16. Series 39. File 17. Sheets 4 reverse side, 5] (in Russian)

3. GATO. F. 16. Op. 45. D. 40. L. 719. [The State Archives of Tambov Region. Fund 16. Series 45. File 40. Sheet 719] (in Russian)

4. GATO. F. 16. Op. 86. D. 4. L. 5, 5 ob. [The State Archives of Tambov Region. Fund 16. Series 86. File 4. Sheets 5, 5 reverse side] (in Russian)

5. GATO. F. 16. Op. 91. D. 14. L. 31 ob., 32. [The State Archives of Tambov Region. Fund 16. Series 91. File 14. Sheets 31 reverse side, 32] (in Russian)

6. GATO. F. 46. Op. 1. D. 509. L. 131, 132, 140–142, 143. [The State Archives of Tambov Region. Fund 46. Series 1. File 509. Sheets 131, 132, 140–142, 143] (in Russian)

7. GATO. F. 1049. Op. 5. D. 5942. L. 323 ob., 324. [The State Archives of Tambov Region. Fund 1049. Series 5. File 5942. Sheets 323 reverse side, 324] (in Russian)

8. GATO. F. 1049. Op. 5. D. 6046. L. 92 ob., 93. [The State Archives of Tambov Region. Fund 1049. Series 5. File 6046. Sheets 92 reverse side, 93] (in Russian)

9. Eparkhial'nye izvestiya [Diocesan news]. // Tambov Diocesan Bulletin. 1875, no. 8, p. 261. (in Russian)

10. Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and statistical description of the Tambov diocese]. / ed. A.E. Andrievsky. – Tambov: Tipolite. N. Berdonosov and F. Prigorin, 1911. 878, XX p. (in Russian)

11. *Kuchenkova, V.A.* Neizvestnyi Tambov [Unknown Tambov]. / V.A. Kuchenkov. – Tambov: Proletar. svetoch, 1993. 221 p. (in Russian)

12. *Kuchenkova, V.A.* Svyatyni Tambovskoi eparkhii [Shrines of the Tambov diocese]. / V.A. Kuchenkov. – Moscow: Publishing Department of the Moscow Patriarchy, 1993. 109 p. (in Russian)

13. *Lisyunin, V.F.* *archpries.* Pokrovski sobor g. Tambova i pravoslavnye traditsii [Pokrovsky Cathedral in Tambov and Orthodox traditions]. – Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. 432 p. (in Russian)

14. Tambovskaya entsiklopediya [Tambov Encyclopedia]. - Tambov: Yulis, 2004. 707 p. (in Russian)

15. *Khitrov, G.* *Priest* Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and statistical description of the Tambov diocese].

/ priest Georgy Khitrov. – Tambov: K.I. Zakrzhevsky Publishing House, 1861. 340 p. (in Russian)

16. Chislo uchenikov v Tambovskom uezdno-prikhodskom uchilishche [The number of students in the Tambov District Parish School]. // Tambov Diocesan Bulletin. – 1887, no. 5, pp. 211–214. (in Russian)

УДК 2-335

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А.Н. НОРЦОВА С В.В. ЛЕМЕШЕВСКИМ

Левин Олег Юрьевич
магистр религиоведения,
старший преподаватель
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: eshten@gmail.com

Для цитирования: *Левин, О.Ю.* Из переписки А.Н. Норцова с В.В. Лемешевским // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 104–110.

Аннотация

Статья посвящена одному из выдающихся деятелей Русской Православной Церкви XX века митрополиту Мануилу (Лемешевскому), автору труда «Русские православные иерархи периода с 1893–1965 гг.» В 6-ти томах, духовному отцу митрополита Ленинградского Иоанна (Снычева). А также второму председателю Тамбовской ученой архивной комиссии Алексею Николаевичу Норцову, одновременно бывшему знаменитым в мире оккультисту.

Ключевые слова: Тамбов; оккультизм; спиритизм; митрополит Мануил (Лемешевский); переписка.

Личность митрополита Мануила (Лемешевского) в последнее время все больше и больше привлекает внимание. Роль его в истории Русской Православной Церкви в XX веке до конца еще не выя-

снена. Многие факты биографии требуют уточнения. Материалы, которые хранятся в фондах Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), позволяют пролить свет на некоторые из них и несколько расширяют взгляды на формирование духовного облика владыки.

В архиве сохранились письма студента Виктора Викторовича Лемешевского (будущего митрополита Мануила) к Алексею Николаевичу Норцову, известному краеведу, председателю Тамбовской ученой архивной комиссии, спириту и оккультисту, члену парижского теософического общества «Гермес» и венского «Теософического союза», активному участнику конгресса спиритуалистов в Париже (1889).

Норцов, человек во всех отношениях одаренный, был специалистом по генеалогии, писал стихи, прозу, увлекался военной историей, но все эти занятия, как говорится, были только его «хобби». Основное, что захватывало всю его поэтическую натуру, лежало в области оккультных наук, в коих Алексей Николаевич считался большим знатоком. Он не раз бывал за границей, выступал на оккультных съездах и конгрессах спиритов. Его книги по оккультной мистике: «Символ чаши», «Две главы о чудесном», «Путь солнца» пользовались популярностью и считались хрестоматийными. Именно к Алексею Николаевичу Норцову обратился осенью 1907 года студент Санкт-Петербургского университета Виктор Викторович Лемешевский (будущий митрополит Мануил).

Почему у молодого человека, родившегося в православной империи и воспитанного в вере, возник интерес к такой теме, как спиритизм и оккультизм? Исследователь той эпохи, когда бурно развивались указанные негативные явления, пишет следующее: «Девятнадцатый век был шумным промышленным веком, веком грязи, дыма, зловонных стоков, закопченных ламповых стекол – и столетием железных дорог, каналов, исследований, натурального мяса и доброго пива, всемирных выставок в Париже и Лондоне, Хрустального дворца Англии Диккенса и Коббетта, Франции Флобера и Мопассана. Этот век был, пожалуй, самым энергичным веком в истории человечества. И во всем этом безумии стяжательства и возникновения империй 95% рода человеческого оказались припертыми к стене.

Отсюда и возрождение интереса к магии, которое по сути своей не что иное, как бунт против жестокой действительности» [4, с. 430–431].

Это естественный процесс, когда ослабела вера и на смену ей пришли разные богопротивные учения, охватившие и Россию, где еще в 1850-х годах высшие слои общества, интеллигенция и даже духовенство увлеклись вызыванием духов, спиритизмом: «Увлечение спиритизмом охватило не только Петербург и Москву. В 1853 году спиритические сеансы устраивались уже в Харькове, Уфе, Воронеже, Херсоне и других городах. Несколько позже эпидемия столоверчения проникла и в глубинку. В шестидесятых годах девятнадцатого века спиритизм превратился в своего рода движение, как бы подспудно и незаметно проникавшее во все слои общества. И лишь традиционно сильные позиции Православной Церкви и самобытный менталитет русского народа предохранили Россию от преобразования этого необычного движения в новую религию, как это случилось во многих странах мира» [1, с. 75]. Против увлечения богопротивными учениями выступали многие святые, в числе которых святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, преподобный Амвросий Оптинский и многие другие. Но, несмотря ни на что, через искус оккультизма и спиритизма прошло немало представителей просвещенного сословия.

Так и Лемешевский, будучи вполне официально секретарем библиографического кружка, просил Норцова выслать для библиотеки кружка по одному экземпляру его сочинений, «представляющих библиографическую ценность». Письмо было написано на бланке со штампом Библиографического кружка при Санкт-Петербургском университете. Датировалось оно 23 октября 1907 года. В конце письма содержалась приписка, раскрывающая истинную причину его написания: «Для меня, интересующегося и изучающего мистицизм и сродственные ему области знаний, полное собрание Ваших сочинений представило бы двойной интерес» [2, л. 2].

Начало было положено. Как правило, Норцов отвечал всем своим корреспондентам, даже если он их не знал лично. И на этот раз Алексей Николаевич ответил очень быстро, правда, не сразу выслал просимые сочинения, но проявил интерес к практическим за-

нятиям молодого человека спиритизмом и предложил писать обо всех его опытах по вызыванию духов. Виктор в письме от 19 декабря 1907 года пообещал: «После 20 декабря я буду свободен (от экзаменов) и тогда постараюсь сообщить Вам даже немало интересного из области практического оккультизма» [1, л. 3–4].

Переписка внезапно была прервана почти на два месяца. Лемешевский в письме от 19 января 1908 года сообщил, что был нездоров, и это основная причина задержки его ответа. В письме от 19 января Виктор Лемешевский делился с Норцовым своими сокровенными мыслями о будущности оккультизма. Соглашаясь с Алексеем Николаевичем в необходимости открытия Института оккультных наук, Лемешевский считает более целесообразным открытие «Школы просвещенных». По его мнению, она должна «воспитывать истинных оккультистов, не ставить пределов образованию и воспитанию учащихся, не гнаться за увеличением денежных средств путем высокой платы за учение, иметь при себе хорошую библиотеку по вопросам богословия, религии, оккультизму, другим сопредельным наукам» [1, л. 9–14].

Виктор сетовал, что из-за незнания иностранных языков широкому кругу людей недоступна литература по оккультизму. Кроме того, так как еще не выработалась научная терминология оккультизма, Лемешевский ставил пред собой цель издать «Словарь оккультных наук», к составлению которого он уже приступил, привлекая к работе и своего младшего брата. Как думал молодой Лемешевский, в «Школе посвященных» должны изучаться следующие предметы: 1. Общий оккультизм. 2. Алхимия. 3. Астрология. 4. Магия. 5. Психургия. 6. Теургия. 7. Теософия. 8. История. 9. Философия. 10. Языки.

Из этого же письма известно, что сочинения Норцова, высланные им два месяца назад, Виктором получены. Один из братьев Лемешевских зачитывается мистическими стихами Норцова, а сам Виктор решил к одному из стихотворений Алексея Николаевича написать музыку. Название стихотворения «Сатана». «Я ее уже начал было составлять, и выходило очень хорошо, по мнению окружающих... – писал Виктор и сообщал далее: Но вот спросил своего духа-покровителя, и он решительно отверг эту работу» [1, л. 12].

Сам Норцов весьма настороженно относился к спиритическим опытам своего молодого корреспондента. Вообще из всей переписки Алексея Николаевича не видно, чтобы он сам занимался подобного рода опытами, его больше привлекал теоретический оккультизм. А Лемешевский, как видно, активно практиковал спиритические сеансы. Как бы предупреждая замечания Норцова по этому поводу, Виктор писал: «Вы может быть будете поражены такой доверчивостью с моей стороны к ответам духов, но я имею на это особые основания, разглашать которые до времени считаю невозможным» [1, л. 11]. Биограф владыки свидетельствовал о том, насколько опасны были такие сеансы по вызыванию духов: «Однажды произошло что-то страшное. Едва только друзья уселись за круглый стол, не имевший в себе ни единого металлического гвоздя, и вызвали духа, как стол на виду у всех собравшихся отделился от пола и, подерживаемый какою-то невиданною силою, понесся по воздуху. Друзья от страха бросились бежать. Бежал и Виктор. Но стол нагонял его, а голос вызванного духа яростно кричал: „Убью тебя, убью монаха, епископа!“» [3, с. 13]

Последнее письмо Виктора Лемешевского датировано 19 сентября 1908 года. Отметим такой факт: все пять писем написаны 19-го числа. Скорее всего, в это вкладывался какой-то особый смысл. В последнем письме Виктор Лемешевский сообщал, что он наконец ознакомился со всеми мистическими сочинениями Норцова, и из них ему более всего понравились «Модная сказка» и «Сатана». Он также просил сообщить, стоит ли ему подписаться на какой-нибудь оккультный журнал и порекомендовать ему в Санкт-Петербурге кого-либо из теоретиков-оккультистов, «которые могли бы мне разъяснить, при надобности, и давать указания в изучении оккультных наук» [1, л. 10].

В дальнейшем переписка обрывается и можно только предположить, что причиной тому могли послужить те духовные искания, которые тогда овладели будущим архиереем и которые, в конце концов, привели его в лоно Церкви. В этот период, учась на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, Виктор Лемешевский написал два оккультных романа: «На пути к иному миру» (1908) и «Их было четыре» (1909). Это было время

духовного перелома и выбора дальнейшего пути. Будущий митрополит посещал двух известных в Санкт-Петербурге ясновидящих и после разговора с ними «ему стало ясно, что оккультизм таит в себе большую опасность для души и что он, как не имеющий в себе подлинной истины, не может удовлетворить насущной потребности человеческого духа. Истина в Православной Церкви, и только там мятущийся дух человека найдет себе покой. Виктор разрывает путы оккультизма и идет к СВЕТУ ХРИСТОВУ. Теперь уже постоянным местом его пребывания становятся святые места, где душа его согревалась молитвою и подготавливалась к высшему служению Церкви» [3, с. 16].

Это событие относится к тому моменту, когда переписка Виктора Лемешевского с Норцовым оборвалась. Словно подводя итог этому периоду жизни, Лемешевский писал в последнем письме: «Время – наилучший целитель и критик, и я, надеюсь, оно и над моим проектом произнесет свой приговор» [1, л. 9]. Прошло еще два года духовных исканий, пока Виктор Лемешевский решился стать монахом и поступил в 1910 году в Нило-Столпенский монастырь Тверской епархии.

Слова владыки оправдались: время, действительно, все расставило по своим местам и вынесло приговор не только «проектам» самого митрополита, но и его современникам. Увлечение оккультизмом и темной мистикой для многих представителей русской интеллигенции начала XX века стало большим искушением. Возможно, расплатой за эти увлечения стали те испытания, которые выпали на долю интеллигенции в прошлом веке.

Список литературы

1. *Винокуров, В.* Духи и медиумы / В. Винокуров. – Москва : Астрель. – 2005. – 492 с.
2. ГАТО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 221.
3. *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский) : биограф. очерк / митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1993. – 289 с.
4. *Уилсон, К.* Оккультное / Уилсон, К. – Москва : Эксмо. – 2006. – 798 с.

UDC 2-335

**FROM CORRESPONDENCE BETWEEN
SPIRITUALIST AND OCCULTIST A.N.
NORTSOV AND V.V. LEMESHEVSKY****Oleg Yu. Levin**

Master of Religious Studies

Senior Lecturer

Tambov Theological Seminary

E-mail: eshten@gmail.com

For citation: *Levin, O.Yu.* From correspondence between spiritualist and occultist. A.N. Nortsov and V.V. Lemeshevsky // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 104–110. (in Russian)

Abstract

The Article is devoted to one of the outstanding figures of the Russian Orthodox Church of the 20th century, Metropolitan Manuil (Lemeshevsky), the author of the work «Russian Orthodox hierarchs of the period between 1893 and 1965» in 6 volumes, the spiritual father of Metropolitan John (Snychev) of Leningrad. It is also devoted to the second Chairman of the Tambov Scientific Archive Commission, Alexey Nikolaevich Nortsov, who was also a world famous occultist.

Keywords: Tambov; occultism; spiritualism; Metropolitan Manuel (Lemeshevsky); correspondence.

References

1. *Vinokurov, V. Dukhi i medium [Spirits and mediums]. / V. Vinokurov. – Moscow: Astrel. – 2005. 492 p. (in Russian)*
2. GATO. F. 153. Op. 1. D. 221. [The State Archives of Tambov Region. Fund 153 Series 1. File 221] (in Russian)
3. *Ioann (Snychev), metropolitan. Mitropolit Manuil (Lemeshevsky): biogr. ocherk [Metropolitan Manuel (Lemeshevsky): biographical essay]. / Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga Ioann. – St. Petersburg: [s.n.], 1993. – 289 p. (in Russian)*
4. *Wilson, C. Okkul'tnoe [The Occult]. / Wilson C. – Moscow: Eksmo. 2006, 798 p. (in Russian)*

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИКА
И АНТРОПОЛОГИЯ**

УДК 37.018.74

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР
(БОГОЯВЛЕНСКИЙ)
О РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОМ
ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ**

**Епископ Мичуринский
и Моршанский Гермоген
(Серый Владимир Иванович)
E-mail: mich-eparhia@mail.ru**

Для цитирования: *Гермоген (Серый), еп.* Священномученик Владимир (Богоявленский) о религиозно-нравственном воспитании детей // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 112–119.

Аннотация

Статья посвящена проблемам религиозно-нравственного воспитания детей, изложенным в педагогических трудах священномученика Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского и Галицкого. Автор последовательно останавливается на роли отца и матери в духовном возрастании ребенка, а также формулирует концепцию митрополита Владимира по воспитанию у детей важнейших христианских добродетелей. В заключение подчеркивается актуальность данных наставлений для возрождения традиций семейного воспитания.

Ключевые слова: священномученик Владимир (Богоявленский); педагогическое наследие; религиозно-нравственное воспитание; христианские добродетели.

Литературная деятельность была одной из форм служения митрополита Владимира (Богоявленского). Пользуясь ею, он получал возможность говорить с широкими кругами верующих, откликаясь на вызовы времени. Произведения святителя делятся на несколько групп. Это проповеди, беседы, статьи – сочинения на духовно-нравственные темы. Ряд прекрасных по изложению и глубоко назидательных сочинений владыка Владимир посвятил

исключительно вопросам религиозного воспитания детей: «Архипастырское поучение детям о святой Библии», «Пастырские беседы с детьми», «Юношам», «Евангелие детства» [2, с. 438–439]. Важное место среди педагогического наследия святителя занимает работа «Беседы о православном воспитании детей», основные положения которой звучат современно и в наши дни. В этом сочинении митрополит Владимир проявил себя как выдающийся педагог, систематизировавший различные аспекты святоотеческого учения о воспитании детей.

Святитель был твердо убежден, что за воспитание детей несут ответственность прежде всего родители, которые не должны эту ответственность перекладывать ни на Бога, ни на учителей, ни на дух времени: «Родители главным образом ответственны за воспитание своих детей и вину за дурное воспитание их никому не могут приписывать, кроме себя» [1, с. 5].

Рассуждая о необходимости духовно-нравственного воспитания детей, митрополит Владимир подвергал анализу и критике возникшую во Франции XVIII века теорию «свободного» воспитания Руссо. Несмотря на давность, теория эта и ныне популярна на Западе. Согласно Руссо, дитя появляется на свет совершенно добрым и ничуть не испорченным. Поэтому надо предоставить ребенка самому себе, ибо воспитание служит проводником всех дурных склонностей и страстей в невинную и неиспорченную натуру ребенка. Возражая этому тезису, митрополит Владимир напоминает, что в соответствии с учением Божественного Откровения дитя появляется на свет не с совсем доброй и неповрежденной природой, но с испорченной и предрасположенной ко злу: «А отсюда следует, что дитя не должно оставаться без воспитания; напротив, оно непременно должно подвергаться доброму воздействию на него со стороны воспитателей» [1, с. 6]. Если ребенок будет предоставлен самому себе, в нем станет развиваться не доброе, более слабое начало, но более сильное – злое, подобно тому, как в природе быстрее, чем пшеница, произрастают плевелы, тернии и волчцы.

Сердце ребенка – это сад, а родители – садовники, поставленные от Бога, и сад сердец своих детей они должны с самого раннего их возраста очищать от плевел и сорной травы.

Особенно важно, считал святитель, приучать детей с младенчества к благоговению перед Богом и молитве, к послушанию и

аккуратности, к справедливости и откровенности, к терпению и самоотвержению. Подчеркивая необходимость воспитания детей с малых лет, не дожидаясь школьного возраста, владыка Владимир убеждает родителей словами святителя Иоанна Златоуста: «Неоспоримо то, что воспитание детей нужно начинать с самого раннего их возраста – с появления дитяти на свет, даже более – с жизнью его должно начинаться и его воспитание» [1, с. 7]. Дети, совершая добро сначала бессознательно, впоследствии, в зрелом возрасте, будут уже сознательно продолжать то, в чем упражнялись в детстве. Таким образом, считает святитель Владимир, ссылаясь на Священное Писание, следует учить детей упражняться в добрых делах: «Если юноша избрал путь свой, то он не уклонится от него и во дни старости (см.: Сир. 25, 5), то есть если человек еще во дни своей юности вступил на путь добродетели, то он твердо будет стоять на нем и в старости» [1, с. 8].

Митрополит Владимир неустанно говорил, что основание благочестия закладывается в сердце ребенка с младенчества. Обращаясь к матерям, святитель призывал учить детей молитве и основным истинам веры Православной прежде, чем они поступят в школу: «Религиозные наставления и впечатления, которые дитя получает от своей матери в самом нежном возрасте, остаются обыкновенно на целую жизнь» [1, с. 9]. Говоря о важности раннего научения детей молитве, владыка Владимир приводил наставление святителя Иоанна Златоуста матерям: «Учите вы, матери, ваших малюток изображать рукою крестное знамение <...>, напечатлевайте это знамение на челе их вашими собственными руками» [1, с. 9].

Митрополит Владимир был убежден, что родители не должны прекращать религиозно-нравственное воспитание своих детей-школьников, ибо религиозное воздействие и наставление в духе христианского благочестия только тогда может увенчаться успехом, когда родители идут рука об руку с Церковью и школой, когда они поддерживают пастырей и учителей: «Воспитывайте ваших детей в вере, благочестии и страхе Божиим, и вы вправе тогда надеяться увидеть в них радость. Ибо, если ваши дети будут благочестивы и богобоязненны, тогда они будут кротки, послушны и благодарны вам» [1, с. 11].

Святитель взывает к отцам словами апостола Павла: «Отцы, воспитывайте чад ваших в наказании и учении Господнем»

(Еф. 6, 4). «Наставляйте детей ваших в истинах нашей Православной веры, приучайте их к благочестию, к прилежной молитве, к ревностному и неопустительному посещению церковных богослужений» [1, с. 12].

В «Беседах о православном воспитании детей» владыка Владимир отводит важное место тому, какие именно свойства и качества следует развивать в ребенке. Главной христианской добродетелью он считал послушание, которое необходимо возвращать в детях. Надо внушать детям, пояснял святитель, что Бог Сам заповедует почитать родителей и повиноваться им, что они, не повинаясь родителям, грешат против Самого Бога, навлекая на себя Его наказание; и, наоборот, оказывая родителям почтение, они привлекают этим к себе Его благоволение. Следует внушать детям, указывал митрополит Владимир, что через послушание своим родителям дети уподобляются отроку Иисусу, о Котором евангелист Лука говорит, что «Он послушен был Своим родителям» (Лк. 2, 51). На Этого Божественного отрока Иисуса нужно всегда указывать детям как на светлый образец, которому они должны подражать [1, с. 16].

По мнению святителя, очень важно воспитывать в детях правдивость или чувство любви к истине и отвращение ко лжи. «Правда – начало и основание почти всех добродетелей, а посему на воспитание и насаждение правдивости в детях должно быть устремлено по преимуществу внимание родителей» [1, с. 19]. Владыка Владимир наставлял родителей учить детей любить правду из любви к Богу. Дети должны избегать лжи не из боязни наказания, но потому, что Бог запретил лгать и каждая ложь – грех пред Богом. По словам митрополита Владимира, родители должны показывать детям собственный пример любви к истине во всех делах и словах своих.

Святитель считал необходимым приучать детей к самоограничению или самоотвержению, подавляя в них неудержимую страсть к удовольствиям и наслаждениям. Родители не должны потворствовать детской лености и праздности, а напротив, «приучать их с самого раннего возраста к труду и прилежанию» [1, с. 24]. Он рекомендовал родителям физически закаливать детей, приучать их к трудолюбию, аккуратности и порядку, к умеренности в пище и питье. «Этим вы убьете в них яд чрезмерного самолюбия и чувственности, сделаете их способными к совершению всяких нравст-

венных подвигов и добродетелей, сильными в борьбе против страстей и порока» [1, с. 25].

В ряду добродетелей, которые должны быть присущи благовоспитанным детям, полагал владыка Владимир, важнейшее место занимает чувство стыда, или стыдливость. По мысли святителя, чувство стыда, так же как и чувство истины, свойственно ребенку от рождения. Задача родителей – не дать погаснуть этому чувству, но воспитать его, развить и укрепить. Праздность, как известно, мать всех пороков. Поэтому митрополит Владимир советует упражнять детей в труде, предохранять их от изнеженности, приучать их переносить жар и холод, нужды и скорби. Святитель считал полезным напоминать детям о всеведении Бога и о святом Ангеле-хранителе, который всегда присутствует при них: «Чтобы дети были поистине чисты и невинны, для этого вы должны научить их любить чистоту и невинность ради Бога и ради же Бога питать отвращение к нечистоте и нецеломудрию. Страх пред вседеприсутствием и всеведением Бога и постоянное памятование об Ангеле-хранителе будут лучшими стражами невинности и целомудрия детей» [1, с. 28].

Взращивая в детях христианские добродетели, необходимо видеть в детях пороки и искоренять их, советовал митрополит Владимир. Зависть, по мнению архипастыря, опасный порок, распространенный между детьми. Наставляя родителей, как научить детей ненавидеть зависть, святитель называл ее «глупым пороком», не приносящим человеку никакой пользы и отравляющим ему жизнь. Дети должны избегать зависти, ибо она грех пред Богом. Сам Дух Святой устами мудрого мужа сказал, что «чрез зависть диавола смерть вошла в мир, и те, которые допускают ее в сердца свои, подражают ему» (Прем. 2, 24) [1, с. 31].

Митрополит Владимир обращал внимание родителей на то, что каждый ребенок имеет какой-нибудь один главный недостаток, одну главную страсть. Одно дитя от природы склонно к гордости, другое – к скупости, третье – к чувственности, четвертое – к зависти. Главную страсть ребенка владыка Владимир уподоблял корню, из которого растут все другие грехи и недостатки. Если исторгнуть из сердца ребенка этот коренной грех, то и другие грехи засохнут и отпадут, давал он совет родителям.

Рассматривая наказание детей как воспитательное средство, святитель Владимир сформировал для него четкий критерий:

«Дитя тогда только заслуживает наказания, когда оно сознательно и самовольно нарушило Закон Божий, когда оно с сознанием и по своей собственной воле сделало что-либо запрещенное заповедью Божиею или Церковью» [1, с. 38]. Главным основанием наказания, полагал владыка Владимир, «должна быть любовь, а единственную целью его – исправление дитяти» [1, с. 41].

Рассуждая о важной миссии по духовно-нравственному воспитанию детей, возложенной на родителей, святитель прибегал к образной символической символике. Родители, по мысли митрополита Владимира, суть Богом поставленные епископы-наблюдатели за своими детьми, и столь же бдительно они должны следить за ними. Спаситель говорил о Себе: «Я есмь пастырь добрый» (Ин. 10, 11). Христианские родители, утверждал владыка Владимир, являются пастырями, которым поручено пасти овец – своих детей. Святитель напоминал родителям первый долг и главное условие пастырской деятельности – бдительность. Родители обязаны помнить, что за своих детей они должны дать отчет Богу, поэтому им следует заботиться о том, чтобы питать души детей своих здоровой, питательной пищей. А такой пищей для детских душ служат христианское учение и Божественная благодать, изливающаяся на них в молитве и Таинствах Православной Церкви.

Сочинение священномученика Владимира (Богоявленского) «Беседы о православном воспитании детей» отличается простотой изложения, благоговейной серьезностью, проникновенным молитвенным духом. В этой работе содержится много важного и полезного, взвешенного разумом и проверенного сердцем, необходимого для правильной постановки православного воспитания детей.

Мудрые наставления митрополита Владимира, глубокие, предельно ясные и четкие указания по духовно-нравственному воспитанию, безусловно, актуальны и в наши дни.

Список литературы

1. *Владимир (Богоявленский), сщ.мч.* Беседы о православном воспитании детей / священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский // PRAVMIR.RU : православ. электрон. б-ка. – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4108> (дата обращения: 30.04.2020).

2. Сазонов, О.В. Жизнеописание и христианский подвиг высокопреосвященного Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского / О.В. Сазонов ; Комиссия по прославлению и канонизации местночтимых святых Мичур. и Моршан. епархии. – Тамбов : ИП Каверин И.С., 2016. – 505, [1] с.

UDC 37.018.74

HIEROMARTYR VLADIMIR (BOGOYAVLENSKY) ON RELIGIOUS AND MORAL EDUCATION OF CHILDREN

Hermogenes (Vladimir I. Sery),
Bishop of Michurinsk and Morshansk
E-mail: mich-eparhia@mail.ru

For citation: *Hermogenes (Sery), bishop.* Hieromartyr Vladimir (Bogoyavlensky) on religious and moral education of children // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 112–119. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the problems of religious and moral education of children, described in the pedagogical works of Hieromartyr Vladimir (Bogoyavlensky), Metropolitan of Kiev and Galicia. The author consistently focuses on the role of the father and mother in the spiritual growth of the child, and also formulates the concept of Metropolitan Vladimir on moulding the most important Christian virtues with children. In conclusion, the relevance of these instructions for the revival of family education traditions is emphasized.

Keywords: hieromartyr Vladimir (Bogoyavlensky); pedagogical heritage; religious and moral education; Christian virtues.

References

1. *Vladimir (Bogoyavlensky), hieromartyr.* Besedy o pravoslavnom vospitanii detei [Conversations about the Orthodox upbringing of children]. / Hieromartyr Vladimir (Bogoyavlensky), Metropolitan of Kiev // PRAVMIR.RU : The Orthodox electronic library. (in Russian)

Available at: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4108>
(Accessed: 30.04.2020).

2. *Sazonov, O.V. Zhizneopisanie i khristianskii podvig vysokopreosvyashchennogo Vladimira (Bogoyavlenskogo), mitropolita Kievskogo [The life and Christian feat of the most Reverend Vladimir (Bogoyavlensky), Metropolitan of Kiev]. / O.V. Sazonov ; Commission for the Glorification and Canonization of Locally venerated Saints of Michurinsk and Morshansk diocese. – Tambov: IP Kaverin I. S., 2016. – 505, [1] p. (in Russian)*

УДК 27-75

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В БОГОСЛОВСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО

Колесников Сергей Александрович
проректор по научной работе Белгородской
православной духовной семинарии
(с миссионерской направленностью),
доктор филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России
E-mail: skolesnikov2015@yandex/ru

Для цитирования: Колесников, С.А. Традиции православной педагогики в богословском наследии протоиерея Василия Зеньковского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 119–128.

Аннотация

Статья посвящена вопросу становления православной системы педагогических взглядов в богословском наследии протоиерея Василия Зеньковского. Базисом педагогических воззрений протоиерея Василия Зеньковского становится понимание важности целостности личности ребенка, которую можно сформировать только в рамках системы христианских ценностей.

Интуитивное вживание в атмосферу религиозного мировосприятия, создание педагогических условий для его оптимизации есть одна из важнейших задач православного воспитания. В свете эсхатологических подходов христианская педагогика предстает в совершенно ином свете, в контексте абсолютного звучания таких понятий, как покаяние, смирение, преображение.

Ключевые слова: православная педагогика; педагогические труды протоиерея Василия Зеньковского; христианская система ценностей.

Современная педагогика настаивает на том, что человек представляет собой «единое уникальное существо, а не набор дифференцированных частей» (А. Маслоу) [6, с. 33]. Но подобное целостное восприятие личности человека уже концептуально присутствовало в христианской педагогике и, в частности, в педагогике протоиерея Василия Зеньковского. «Реальность мучительного раздвоения, – писал он, – создает особую потребность внутренней целостности» [3, с. 204]. При этом направленность воспитательно-образовательного процесса на формирование целостной личности ориентирована и на иные сферы учебного процесса, например, в ходе преподавания религиозных дисциплин. «Преподавая Закон Божий, – настаивал о. В. Зеньковский, – необходимо давать целостное раскрытие религиозного материала. Нужно, чтобы предмет не дробился на отдельные части, как это бывало до сих пор: нравоучение преподавалось отдельно от вероучения, догматика отдельно от истории. Это нетерпимо и дидактически, и педагогически. Идея целостного преподавания Закона Божия, даже если она сопряжена с недостаточным усвоением всего материала, более правильна, чем разделение курса Закона Божия на отдельные дисциплины» [2, с. 155]. Поэтому целостность может рассматриваться как многоаспектный основополагающий принцип, в соответствии с которым выстраивается тео-педагогика. Конечно, как говорил С.С. Аверинцев, «в силу несовершенства, неполноты человеческого знания, даже духовного, даже праведно-духовного, всякое мировоззрение реализует лишь воспоминание об императиве целостности» [1, с. 49]. Но христианская педагогика позволяет максимально приблизиться к идеалу целостной личности в императиве «подражания Хри-

сту», предложить максимально эффективные пути к преодолению состояния разорванного сознания.

Однако необходимо отметить важный момент: христианская целостность основана на построении иерархической системы ценностей. Воспитание иерархического мировосприятия концептуально для православной педагогики, «в путях воспитания мы не имеем «линейного» ряда ценностей, но должны и здесь установить иерархический принцип» [3, с. 209]. И здесь на первый план выходит проблема дисциплины и самодисциплины в процессе воспитания. Способность выстроить и принять иерархическую систему ценностей возникает только при максимальном напряжении духа, при культивировании в личности устойчивой дисциплинированности. В рассуждениях о. В. Зеньковского встречается такое утверждение: «Дисциплина ... устанавливает правильное отношение между духовным центром личности и ее активностью, ее «поведением» [3, с. 214]. Именно дисциплина, прививаемая извне, и самодисциплинированность позволяют правильно сориентировать развитие личности. При этом, как отмечал о. В. Зеньковский, «смысл дисциплины не в верности отвлеченным моральным началам, а в регуляции духовной жизни. Дисциплина не имеет ни самодовлеющей ценности, ни значения охранения отвлеченных принципов: она не должна подавлять духовную жизнь, если последняя принимает аритмический характер, ибо нет никакой ценности в том, чтобы торжествовала отвлеченная мораль как таковая» [3, с. 215]. Духовность дисциплины приоритетна для православной педагогики, дисциплина выступает как духовное средство, направленное в свою очередь на развитие духовности.

Конечно, дисциплинированность занимает важное место практически в каждой педагогической теории, однако в христианской педагогике она имеет весьма важную особенность – истоки дисциплины восходят к христианской аскетике. Аскетика как вершинное проявление дисциплины, умерщвление плоти, дисциплинированность телесности – это богатейший опыт дисциплины, направленной именно на духовное совершенствование. Дисциплина христианской аскетики – это не тренировка воли, не улучшение физически-медицинских показателей тела и тому подобное. Христианская аскетика – это прежде всего духовный идеал, достигаемый практически, земными средствами. Примечательным по

этому поводу является высказывание о. В. Зеньковского: «Современной молодежи много помог бы идеал аскезы, – но не просто правила чистой аскезы, а именно идеал аскезы, в который верили бы, который любили бы. Идеализм является силой огромной «биологической» ценности, как на это не раз указывали врачи» [5, с. 44]. Идея аскетизма, духовный формат этой идеи не менее, а то и значительно более действенен для духовного совершенствования личности. Именно идея аскетизма подчеркивает ту вне-рациональность тео-педагогического процесса, когда «методы» в строгом смысле неприложимы к духовной жизни... Духовное воспитание не может быть всецело «технично», не может быть обеспечено никакими «методами» [3, с. 218]. Аскетическое отношение к миру и человеку, а также формируемая в результате ее воплощения дисциплинированность, фиксируют вне-рациональность христианской педагогики, ее интуитивно-метафизическое основание...

В основании тео-педагогики лежит понимание того, что основное предназначение человека есть таинство, потаенно, скрыто для любых попыток, рационально и однозначно маркировать ту или иную личность. «Не только дитя не понимает того, что в нем происходит, но не понимаем и мы, – писал о. В. Зеньковский. – Поистине, мы – слепые вожди слепых! Нередко мы чувствуем, что в душе ребенка происходит какой-то сложный и серьезный процесс, что дитя переживает какую-то внутреннюю „драму“, – но никто – ни само дитя, ни мы, – никто не может понять, что именно совершается в глубине детской души» [4, с. 38]. Поэтому проверенный веками опыт аскетической дисциплины может стать уникальным действенным средством возвращения благодати в детском сознании.

Из аскетической дисциплины намечается кратчайший путь к одному из важнейших результатов религиозной педагогики – к чувству благоговения: «Нужно особенно отметить чрезвычайную педагогическую ценность чувства благоговения: в этом чувстве духовно сливается уважение, преданность, восхищение, тихая серьезность» [3, с. 225]. Спектр перечисленных качеств поражает, если его сравнить с теми качествами, которые предлагалось воспитывать светскими педагогическими системами. Замерить неизмеряемое, т. е. та педагогическая исчисляемость, предлагаемая свет-

ской педагогикой, принципиально неприемлема для педагогики христианской. Как, в какой «валюте» можно измерить благоговение, преданность, «тихую серьезность»? Поэтому о. В. Зеньковский настаивает: «Напрасно было бы измерять сознанием, улавливающим лишь то, что происходит на поверхности души, действие святой Евхаристии на душу» [3, с. 232]. Воспитательное воздействие таких «пед-технологий», как таинства или аскетические «упражнения» на сознание ребенка не может быть вычислено, а потому столь важной для тео-педагогике становится «педагогика религиозного вдохновения» [3, с. 233].

Вдохновение, как явление интуитивного, внерационального порядка, в целом весьма значимо для религиозного мировосприятия. Постановка педагогической задачи в данном аспекте у о. В. Зеньковского звучит так: «Проблема духовного развития может быть сведена к вопросу о том, как может быть вызвано в детской душе религиозное вдохновение» [3, с. 217]. Достижение состояния религиозного вдохновения – еще одна уникальная задача тео-педагогике, которая не встречается ни в каких иных педагогических системах.

Сложность этой задачи в том, что «религиозное вдохновение ... есть чисто благодатное состояние, даруемое свыше, не подлежащее нашей регуляции...» [3, с. 217]. Но вместе с тем «в сознании этого лежит главное обличение недостаточности и неправды всякого педагогического натурализма... свидетельствует о неизбежности искать помощи свыше и не полагаться только на «естественные» методы воспитания» [3, с. 217]. Признание вне-рациональности религиозного вдохновения, с одной стороны, и постановка задачи по его достижению-взрачиванию, с другой, как раз и создают то своеобразие тео-педагогике, на котором акцентировал внимание о. В. Зеньковский. Ведь только через воспитание религиозного вдохновения становится реальной возможностью обретения «живой, свободной и всецелой погруженности души в жизнь Церкви. Участие в литургической жизни Церкви, рост внутренней жизни, чистое искание правды составляют самое сердце религиозного воспитания. Но это развитие духовной жизни невозможно вне вживания религиозного сознания в догматические истины, хранимые Церковью, вне живого приобщения к церковному разуму в его прошлом и настоящем» [3, с. 245]. Именно интуитивное вживание

в атмосферу религиозного мировосприятия, создание педагогических условий для оптимизации подобного вживания есть одна из важнейших задач тео-педагогике. В «Русской педагогике XX в.» присутствует мудрое замечание о. В. Зеньковского: «Наше вмешательство в жизнь ребенка имеет смысл лишь в том, чтобы помочь раскрытию образа Божия в ребенке и устранить все то, что замедляет это раскрытие. Кроме нашей помощи ребенку в нем действует, конечно, и Господь, ибо душа сообразна Богу, Который каждого любит как Отец и о каждом заботится. Раскрытие образа Божия, становление внутреннего человека – это есть то, помочь в чем и должно воспитание» [2, с. 50]. Раскрытие образа Божия не может быть определено рациональными методами педагогике, не может быть вписано в конспект урока или план воспитательной работы, но это задача, выполняемая только при применении сугубо теологических подходов в педагогике.

В спектр этих задач можно включить еще немало моментов, например, национально-патриотическую специфику религиозной педагогике, конфессиональную специфику, отличающую православную педагогике, в частности, от католической, отличия между ветхозаветным и новозаветным аспектами педагогике и многие другие, подробное рассмотрение которых требует более расширенного формата. Однако нельзя не отметить еще одну грань уникальности православной педагогике – ее эсхатологическую направленность.

В свете эсхатологических подходов христианская педагогике предстает в совершенно ином свете, в ином контексте абсолютного звучания таких понятий, как покаяние, смирение, преображение. Так, если остановиться только на покаянии, то в контексте эсхатологической педагогике покаяние соединяется с обучением, и в результате этого соединения человек обучается осознанию своего несовершенства, а, осознав его, стремится к преображению; весь «процесс обучения можно рассматривать как помощь кающемуся, стремящемуся к высотам святости человеку» [7, с. 34]. Только эсхатологическое звучание педагогике способно выполнить «главное в религиозном преподавании вообще – вживание в живой лик Спасителя» [2, с. 162]. И максимально на выполнение этой задачи работает «тема» смерти, педагогике христианского умирания.

Эсхатологический контекст педагогики без обращения к теме смерти не может проявиться в полной мере. Христианская педагогика принадлежит к числу весьма немногочисленных педагогических систем, в которых о смерти разговаривают с детьми. Глубина христианской педагогики и заключается в том, что она способна научить детей не только жить, но и умирать. Именно через тему смерти – тему педагогическую! – появляется возможность привести детское сознание к проблеме вечности, важнейшей проблеме тео-педагогики. В рассуждениях о. В. Зеньковского педагогическое осмысление смерти представлено достаточно развернуто: «Тема смерти настойчивее, чем что-либо другое, ставит проблему отношения к вечности, – и та вера в человека, которая сама освобождает педагога от плена пустякам и мелочам жизни, здесь не получает ли новый смысл? Тайна смерти не может не тревожить педагогическое сознание, требуя такого подхода к детской душе, который не отменял бы смысла в нашей ежедневной работе с детьми. Перед лицом смерти мысль о детях, забота о них, проникновение в глубину того, что в них совершается, ставит вопрос о нахождении внутренней связи между воспитанием к жизни и «воспитанием» к тому, что есть за смертью. Эта тема неустранима для педагогического сознания. Нельзя детей вести так, чтобы тема смерти была чистой бессмыслицей; в нашей педагогической обращенности к ребенку есть глубокое сознание ответственности, есть напряженность заботы о всех ступенях и формах его бытия – и это одно не позволяет выключить тему смерти из педагогических размышлений» [3, с. 52].

Неотрывность темы смерти от педагогических воздействий, органичная связь танатологических и педагогических моментов, при всей парадоксальности этого сопоставления, как раз и составляют специфичность христианского воспитания. При этом при обращении к теме смерти переосмысливается и получает большую «крепость» вся христианская педагогика. Да, «смерть принижает человека, как торжество природы над ним, – и философия смерти как будто оправдывает натуралистический подход к человеку. Но бессмыслица смерти, возможность того, что весь план воспитания детей в один момент теряет всякое значение, не может зачеркнуть все же того более глубокого подхода к человеческой душе, о котором мы говорили выше. Мы сказали, что смерть «принижает» че-

ловека; да, – но и углубляет тайну его бытия, бросая новый свет на смысл жизни, на иерархию задач, разрешаемых жизнью» [З, с. 51]. Тем самым педагогика обучения смерти, развиваемая христианской педагогией, обретает эсхатологическое основание, что дает ей в свою очередь бóльшую глубину и бóльшую педагогическую результативность.

Список литературы

1. *Аверинцев, С.С.* Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Мгарский колокол. – № 55. – 2007. – С. 45–57.

2. *Зеньковский, В.В.* Педагогика / В.В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 223 с.

3. *Зеньковский, В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 271 с.

4. *Зеньковский, В.В.* Психология детства / В.В. Зеньковский. – Москва : Школа-Пресс, 1996. – 334 с.

5. *Зеньковский В., прот.* Русские мыслители и Европа : критика европ. культуры у рус. мыслителей / протоиерей В. Зеньковский. – 2-е изд. – Париж : YMCA-PRESS, 1955. – 271 с.

6. *Маслоу, А.Г.* Мотивация и личность / Абрахам Гарольд Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 1999. – 478 с.

7. *Шестун, Е., свящ.* Православная педагогика : ист. псих.-пед. очерки / священник Евгений Шестун. – Самара : ЗАО «Самар. информ. концерн», 1998. – 575 с.

UDC 27-75

**TRADITIONS OF ORTHODOX PEDAGOGY
IN THE THEOLOGICAL LEGACY
OF ARCHPRIEST VASILY ZENKOVSKY**

Sergey A. Kolesnikov
Doctor of Philology,
Vice-rector for Research
Belgorod Orthodox Theological Seminary,
(missionary orientated), Professor
Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
E-mail: skolesnikov2015@yandex/ru

For citation: *Kolesnikov, S.A.* Traditions of Orthodox pedagogy in the theological legacy of Archpriest Vasily Zenkovsky // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 119–128. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the formation of the Orthodox system of pedagogical views in the theological legacy of Archpriest Vasily Zenkovsky. The basis of Archpriest Vasily Zenkovsky's pedagogical views is the understanding of the importance of the integrity of the child's personality, which can only be formed within the framework of the system of Christian values. The intuitive integration into the atmosphere of religious worldview, the creation of pedagogical conditions for optimizing such integration is one of the most important tasks of Orthodox pedagogy. In the light of eschatological approaches, Christian pedagogy appears in a completely different light, in a different context of the absolute meaning of such concepts as repentance, humility, and transformation.

Keywords: Orthodox pedagogy; pedagogical works of Archpriest Vasily Zenkovsky; Christian value system.

References

1. *Averintsev, S.S.* Brak i sem'ya. Nevoevremennyi opyt khristianskogo vzglyada na veshchi [Marriage and family. Untimely

experience of the Christian view of things]. // Мгарский колокол. No. 55, 2007, pp. 45–57. (in Russian)

2. *Zenkovsky, V.V.* Pedagogika [Pedagogy / V.V. Zenkovsky. – Klin: Foundation «Christian Life», 2002. – 223 p. (in Russian)

3. *Zenkovsky, V.V.* Problemy vospitaniya v svete khristianskoi antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. / V.V. Zenkovsky. – Klin: Foundation «Christian Life», 2002. – 271 p. (in Russian)

4. *Zenkovsky, V.V.* Psikhologiya detstva [Psychology of childhood]. / V.V. Zenkovsky. – Moscow: School-Press, 1996. 334 p. (in Russian)

5. *Zenkovsky, V., archpriest.* Ruskie mysliteli i Evropa : kritika evrop. Kul'tury u rus. myslitelei [Russian thinkers and Europe: criticism of European culture by Russian thinkers]. / archpriest V. Zenkovsky. 2nd ed. – Paris: YMCA-PRESS, 1955. 271 p. (in Russian)

6. *Maslow, A.H.* Motivatsiya i lichnoxt' [Motivation and personality]. / Abraham Harold Maslow. – St. Petersburg: Eurasia, 1999. 478 p. (in Russian)

7. *Shestun, E., Priest.* Pravoslavnaya pedagogika : istoricheskie psikhologo-pedagogicheskie ocherki [Orthodox pedagogy: historical psychological and pedagogical essays]. / priest Evgeny Shestun. – Samara: CJSC Samar. inform. concern», 1998. – 575 p. (in Russian)

УДК 233.5

АНТРОПОЛОГИЯ СПБДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАМКНУТОСТИ «Я»

Диакон Павел Иоаннович Каледа
кандидат физико-математических наук,
выпускник аспирантуры
Богословского факультета ПСТГУ,
E-mail: pkaleda@yandex.ru

Для цитирования: *Каледа, П.И., диак.* Антропология СПБДА конца XIX – начала XX века: преодоление замкнутости «я» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 129–148.

Аннотация

В Санкт-Петербургскую духовную школу интерес к антропологии пришел из Киевской духовной академии через посредство В.Н. Карпова и его непосредственного ученика А.Е. Светилина. Представителями Санкт-Петербургской духовной академии был написан ряд работ, посвященных антропологической тематике и в том числе понятиям: «сознание», «самосознание», «лицо», «личность». В настоящей работе сделана попытка дать обзор антропологических взглядов на эти понятия представителей Санкт-Петербургской духовной академии и выделить аспекты, которые их объединяют.

Ключевые слова: антропология; сознание; самосознание; лицо; личность.

Введение

Первая отечественная философско-богословская антропологическая школа возникла в Киевской духовной академии благодаря святителю Иннокентию Херсонскому и профессору П.С. Авсенёву. Именно оттуда пришел интерес к антропологии в Санкт-Петербургскую духовную школу через посредство В.Н. Карпова, выходца из Киевской духовной академии, и его непосредствен-

ного ученика А.Е. Светилина, который много лет преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии логику и психологию¹. Представителями Санкт-Петербургской духовной академии был написан ряд работ, посвященных антропологической тематике, в том числе понятиям: «сознание», «самосознание», «лицо», «личность».

Возникает вопрос: можно ли говорить о некотором концептуальном единстве в антропологических взглядах этих авторов? И если такового не обнаруживается, то какие общие черты можно выделить в их подходах?

В настоящей работе сделана попытка найти ответ на эти вопросы.

Александр Емельянович Светилин
(1841–1887)

Как уже было замечено исследователями, профессор А.Е. Светилин, преподававший логику и психологию в Санкт-Петербургской духовной академии в 1869–1884 годах, придал определенный импульс ряду богословов Петербургской духовной школы, вдохновив их следующей идеей: «Оснастив философию точным знанием, мы придем к истинам богословия» [12, с. 169]. В нашей статье [6] показано, что среди таких людей находится и протопресвитер Евгений Аквилонов, антропологические взгляды которого ранее не подвергались исследованию.

Профессор не различает понятия «дух» и «душа», пользуясь этими словами как синонимами [6, с. 88]. Душевному явлению Светилин придает три ключевых свойства. Первое – это (пространственная) непротяженность. Второе – непосредственность, т.е. совпадение объективного и субъективного. В связи с этим особую важность принимает проводимое профессором различение ощущения как объективного факта душевной жизни и восприятия как придания качества ощущения соответствующему внешнему предмету, которое подлежит критической оценке. И третье свойство – это свобода. Светилин выделяет в душе три

¹ Еще одним связующим звеном между этими духовными школами является свт. Феофан Затворник, автор первой «христианской психологии». Получив образование в КДА, он преподавал в СПбДА и был некоторое время ее ректором.

рода состояний: чувства, желания и мысли. Свобода состоит в том, что все эти состояния существуют, в том числе потому, что их допускает наша воля [9, с. 6–9]. Воля способна определять направление внимания, контролировать ход представлений и делать между ними выбор, она «первична по отношению к мышлению» [6, с. 89].

Под сознанием Светилин понимает «внутреннее чувство» [9, с. 153]. Сознание в человеке «развивается» до самосознания, «когда готовы представления и о внешних предметах, и о нашем “я”» [9, с. 325]. Воля, по Светилину, «принадлежит только тому, кто обладает самосознанием» [9, с. 606], поскольку отличается от желания отделением «нашего “я” от своих состояний – чувств, желаний, стремлений».

Стоит также отметить светилинскую идею постепенного развития представления о нашей личности: человеческое представление о личности постепенно развивается, начиная с представления о себе как своем теле [9, с. 415–425]. Ученик Светилина епископ Михаил (Грибановский) впоследствии разовьет эту идею, доведя до логического завершения: в его концепции «я» достигает синтеза с бесконечностью в акте любви [4, с. 461].

Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев (1826–1910)

Протопресвитер Иоанн Янышев отличает душу и дух: отдельным актом творения была создана душа [13, с. 194], и в дальнейшем она передается детям от родителей [13, с. 227]. А дух есть «власть над телом и над внешнею природою». Именно в нем о. Иоанн видит образ Божий, а подобие – в «развитии духа, как такой власти» [13, с. 195]. С другой стороны, дух есть «сила самоопределения» [13, с. 184], которая обладает и пользуется своим телом и внешней природой. Она развивается тройко: через развитие знания, развитие «нравственного чувства и сознания нравственного закона» и развитие свободы как «силы самоопределения в управлении своим психофизическим организмом» [13, с. 193].

Слово «сознание» Янышев использует как нечто близкое к «знанию»: «действие призывающей благодати относится <...>

ко всем трем <...> сторонам человеческого духа: к его знанию или сознанию, к чувству и стремлению или возбуждению» [13, 348], (заметим, что протопр. Иоанн приводит классическое трехчастное деление сил души, называя их «сторонами человеческого духа»¹). Все сознаваемое сознается через «психологическую форму» чувства [13, с. 35]. Собственная воля «я» сознается, будучи предметом нравственного чувства [13, с. 37].

В человеке сознание «немыслимо» без самосознания, которое развивается в человеке под влиянием «высшей его, самосознательной же силы». Самосознанию сопутствует сознание нравственного закона, что тоже «невозможно без внешнего авторитета» [13, с. 64]. Самосознание возникает и растет в соответствии с тем, насколько «внешний органический мир и психический усваивается нами» и становится орудием нашего «я» [13, с. 192]. Человеческая природа с участием «высшей Личной, Живой Силы» развивается «до нравственного самосознания», т.е. до сознания своего «я» и нравственного закона [13, с. 64].

Лицом Янышев называет «таинственную энергию самоопределения, неотделимую от самосознания». А личностью он называет «более частное понятие <...> лица, охарактеризованного <...> ему только свойственными, естественными или нажитыми, психическими и физиологическими качествами» [13, с. 147–148]. При этом слова «дух» и «личность» протопресвитер часто использует как синонимы².

Под «я» протопр. Иоанн подразумевает «центр личности» [13, с. 432, 435], «силу или энергию самоопределения в отношении к добру или злу» [13, с. 140], «первопричину», от которой зависят наши действия и намерения [13, с. 143]. Сила самоопределения неотделима от нравственного чувства и связана с сознанием себя «отличным от своих хотений, знаний и чувствований» и способностью делать их объектом для себя [13, с. 157].

¹ См. [10, с. 348]: «действие призывающей благодати относится собственно ко всем трем основным проявлениям или сторонам человеческого духа: к его знанию или сознанию, к чувству и стремлению или возбуждению». См. также [10, с. 357] – здесь Янышев пишет о том, что человеческие силы исчерпываются умом (сознанием), чувством и волей.

² См. [10, с. 187]: «...выясняется и усиливается и нравственная потребность, как потребность саморазвития и самообнаружения духа или личности» (выделение диакона П. Каледы).

Через повторение «актов решимости или самоопределения» наше «я» дает само себе определение, «отождествляет» себя с некоторым «нравственным направлением», созидает в себе определенное настроение воли [13, с. 165], пока не станет «нравственно-определенною личностью» [13, с. 407]. Быть нравственно-добрым означает с формальной стороны «быть сознательною силою самоопределения, в себе самой носящею нравственный закон своей деятельности и сознание ее согласия с этим законом», а с реальной стороны – «быть разумною властью по отношению ко всему безличному или материальному, и любовью и справедливостью по отношению ко всем другим личностям» [13, с. 245]. Личность «достигает самосознания и самоопределения», «сознает себя личностью» через встречу своих потребностей с потребностями других личных существ [13, с. 209], причем влечение «к согласованию» потребностей с потребностями других личностей не зависит от воли человека [13, с. 186]. Именно в установлении «отношений» духовных, психических и органических потребностей друг к другу, к внешнему миру и к другим личностям «зарождается и проявляется энергия духа, как сила самоопределения, как лицо» [13, с. 188].

Янышев не соглашается с идеей совести как голоса Божия: из этой идеи следовало бы, что сознающим субъектом в нашем сознании оказывается «не наше “я”, а другое и притом божественное», что делает наше сознание «не нашим» и уничтожает и разум, и нравственность [13, с. 188]. Однако прот. Иоанн не готов говорить об автономном нравственном сознании, поэтому он предлагает другой способ причастности к Божественному знанию: через «просвещенность божественным Откровением» нравственного сознания человека [13, с. 273–273].

Епископ Михаил (Грибановский)
(1856–1898)

Понятие «самосознание» является ключевым для магистерской диссертации еп. Михаила. Оно состоит в том, что «нам ясно наше собственное действительное бытие» [4, с. 228].

Его можно представить через цепочку операций, когда сознание берет некие частные предметы и их взаимоотношения,

через синтез восходит к первооснове и более общим родам. На вершине этой цепочки стоит самосознание – бытие, «очистившееся от всего частного <...>, высший синтез бытия, абсолютно тождественное с собой» [4, с. 229]. Таким образом, самосознание имеет одинаковую природу с другими душевными силами и отличается от них лишь тем, что «в нем бытие стало прозрачным для себя» [4, с. 233]. Бессознательная сила имеет отношение лишь к иному, а самосознание есть «сила, соотносящаяся с собой» [4, с. 234].

Самосознание абсолютно достоверно как по форме, так и по содержанию, ведь оно есть «совершеннейшее тождество с объективной природой самого себя». Внешние предметы мы знаем через посредство бессознательных сил души, которые могут неправильно отобразить в себе соответствующий предмет. Поэтому возможная ошибка в итоговом результате лежит не на самосознании, которое соотносит данные бессознательных сил души с самим собою, а именно в бессознательных силах [4, с. 235–236].

Самосознание открывает в себе самом три необходимых признака: единство, благо и свободу [4, с. 243–249]. Указанная тройственность, по Грибановскому, тесно связана с «природой» самосознания, которое есть лишь «абсолютный синтез» других психических сил, в котором «они дошли до своего полного единства». В душевной жизни проявляются три несводимые друг ко другу стороны душевной жизни: ум, чувство и воля, и три необходимых признака самосознания являются их отображением в нем [4, с. 249].

Таким образом, самосознание является в некотором смысле фокусом внутренней душевной жизни: «Непосредственно сливаясь с объективной действительностью в ее высшем пункте, самосознание представляет из себя в то же время тот фокус, в котором сосредоточивается вся наша внутренняя сознательная жизнь» [4, с. 251].

Поскольку самосознание есть синтез всех душевных сил, оно «совмещает все моменты душевного развития» [4, с. 259]. И если «бессознательные душевные процессы состоят в накоплении частных изменений под влиянием окружающего мира и в их организации путем постепенного синтеза», то жизнь

самосознания «может состоять лишь в прояснении» этого синтеза, т. е. «в постепенном анализе». «Самосознание, стремясь к прояснению себя, действует на бессознательную природу и в результатах ее деятельности выясняет само себя. Бессознательные душевные силы, стремясь к развитию в самосознании как безусловном синтезе своего бытия, находят на правителя своего развития» [4, с. 273].

Получается, что человек обладает двойственностью условного-безусловного: если мы безусловны в «формально сознательной деятельности», то мы «бесконечно условны в своем реальном душевном содержании». Эту двойственность Грибановский относит в своей магистерской работе к библейскому разделению души и духа, ставя человеческую душу с животными силами на один уровень и рассматривая самосознательный дух как отличительную черту человека [4, с. 277].

Из психологической концепции Грибановского вытекает, в частности, и та мысль, что дух (самосознание) должен преобладать над душою, а человек должен постепенно становиться «все более и более духовным и в этом одухотворении все более и более уподобляться Богу, возрастая в Нем в процессе вечного самосовершенствования и бесконечной жизни с ее блаженством» [4, с. 277].

Если в магистерской диссертации Грибановского акцент сделан на самосознании, то лекции дают нам больше материала касательно личности.

По Грибановскому, «личность есть то, что называется “я”». Оба этих термина описывают единую реальность с разных сторон: объективной (в другом) и субъективной (во мне). Личность предполагает самосознание, поэтому личность обладает свойствами, аналогичными самосознанию: единством, нравственным достоинством и свободой [4, с. 98].

С одной стороны, самосознание, главный признак личности, имеет ту же природу, что и бессознательные душевные силы. С другой стороны, невозможно «проследить процесса возникновения сознательного явления из бессознательного», это «немыслимо для нас» в силу того, что самосознание поставлено в отношении к самому себе [4, с. 129]. Получается, что личность, будучи созерцающим субъектом, «выделяется из нашей природы» и сознает как себя, так и «природу, которая отражается в ней» [4, с. 102].

В своих лекциях еп. Михаил возникновение человеческой личности возводит к особому акту творения Божия: «человеческая личность <...> не так сотворена, как остальная природа. Творению личности предшествует творческий совет Троица Божия; в самом акте творения новую черту представляет то, что Бог в тело человека вдунул дыхание жизни» [4, с. 122].

Приведенную цитату можно прочитать двояко. Можно ее прочитать как творение в человеке особого начала – личности, отличной от «целокупной» человеческой душевно-телесной природы, и тогда возникает противоречие с точкой зрения еп. Михаила, высказанной в его магистерской диссертации. Автор настоящей работы склоняется к другому прочтению: Господь вдохнул в тело человека дыхание жизни, т.е. самосознание (как утверждал владыка в своей магистерской работе), и именно в результате самосознания появился человек-личность. Другими словами, личность возникает как следствие самосознания; если смотреть на «дыхание жизни» как на феофановский дух, как на сообщение одушевленной «глиняной тетерьке» [11, с. 45] возможности самосознания, то это и будет творением тройственной человеческой природы и одновременно – человеческой ипостаси-личности. Эта точка зрения косвенно подтверждается утверждением еп. Михаила в его лекциях, что именно в личном самосознании состоит отличительная черта человека, которая «полагает непроходимую бездну между человеком и животным» [4, с. 123].

Митрополит Антоний (Храповицкий)
(1863–1936)

Митрополит Антоний (Храповицкий) в своей диссертации со ссылкой на Владиславлева¹ определяет сознание как «присвоение себе своих состояний», а самосознание – как «мысль о себе как причине своих состояний». В самосознании мы «различаем “я” от собственных состояний». Значит, «я», бескачественный субъект, оказывается «независимым от переживаемых им состояний». Таким образом, наше самосознание есть «сознание нашей свободы и отождествление ее с нами самими» [3, с. 684].

¹ Владиславлев М.И. (1840–1890), ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, читал лекции в том числе по психологии и философии.

Самосознание играет ключевую роль в душевной деятельности. Так, все душевные состояния содержат мысль о нашем «я»: представление содержит «в себе указание и на стол, и на то, что это указание находится в моей мысли», а чувства и желания представляются непосредственно как «состояния моего “я”». При этом «я» имеет власть над этими своими состояниями, даже «если возникновение их было невольное», ведь «я» может «принять эти состояния, или отвергнуть их», или «хотя бы бороться с ними» [З, с. 687].

Единство и тождество самосознания Храповицкий осмысляет как действие единой независимой воли, которая «усваивает себе состояния, на которые имеет влияние». Именно она, будучи господствующей силой души, и есть «реальный объект сознания единого и самотождественного “я”» [З, с. 712].

Главным моментом в понятии личности, по Храповицкому, является «самосознающее “я”». Поскольку самосознание связывается в первую очередь с волей, то личностью получается «субъект самотворящий» [З, с. 737], хотя митр. Антоний и употребляет иногда выражения типа «все три деятельности души, т. е. вся личность» [З, с. 741]. Личность является не только «творчески-деятельным началом, строящим собственную причинность», но и представляет собой «нравственно-деятельное начало, подлежащее нравственному самоопределению» [З, с. 750].

Категории – априорные формы мышления: субстанция, причинность, изменение, отношение – «по происхождению своему суть факты внутреннего самосознания» [З, с. 689–794]. В частности, категория субстанции формируется в результате «встреч препятствий нашей воле, благодаря которым мы, как причину их, полагаем другое “я”» [З, с. 689]. Между тем это противопоставление «я» – «не-я», по мнению митр. Антония, является результатом грехопадения, и христианин должен освободиться от него [З, с. 10–11] через «сострадающую любовь» [З, с. 52] и «внутреннее самоотжествление» с другим человеком [З, с. 272].

Как уже стало ясно, с точки зрения митр. Антония, воля первична по отношению к другим силам, и именно она определяет ход душевной жизни. Кажется бы, чувство тоже может влиять на волю – почему воля остается первичной? На это митр. Антоний дает двойственный ответ. Во-первых, во власти воли остается

– «принять» чувство или нет. Во-вторых, само чувство возникает «по причине встречи известного представления с существовавшим уже стремлением воли» [3, с. 710]. Митрополит Антоний придерживается учения о существовании «бессознательных или, вернее, досознательных стремлениях воли». Всего имеется пять первоволей – например, стремление воли к благоприятным условиям деятельности или к нравственному благу [3, с. 710]. Воля развивается на основе этих первоначальных врожденных стремлений, и ее конкретное направление развития зависит от свободы, от «я» [3, с. 712].

Что касается прочих душевных сил, то автор отличает разум и рассудок, понимая под первым способность «возбуждаться тем, что должно быть», что предполагает нравственную норму [3, с. 751]. К чувственной силе относится нравственное чувство, причем его особенность состоит в том, что степень его волнения зависит не от степени разумности поступка, а от ясности сознания свободы в данном конкретном акте воли [3, с. 730].

Виталий Степанович Серебrenиков
(1862–1942)

Для реконструкции антропологических взглядов В.С. Серебrenикова мы пользуемся его работой «Учение Локка о природенных началах знания и деятельности» [10], где в разделе «Христианское учение об образе Божиим» автор на основании множества творений святых отцов формулирует соответствующее святоотеческое учение. Во введении к своей работе он также высказывает некоторые свои антропологические взгляды.

Поскольку человеческая душа изначально создана по образу Божию, а затем образ Божий передается от родителей к детям, то черты этого образа «относятся к природенным началам души». Изучая учение святых отцов, Серебrenиков приходит к выводу, что они учат о двух образах Божиих: образ природный и образ деятельный или, в другой терминологии, образ Божий и подобие Божиим [10, с. 321]. Первый из них содержится в душе человека в тех ее «природных принадлежностях», которые «аналогичны свойствам Божиим» [10, с. 321] и «качественно возвышают природу человека над видимым миром вообще и природою животных в частности» [10, с. 330].

Собственно, начала «знания и деятельности» возникают в соответствии с двумя сторонами душевной жизни: познавательной и деятельной [10, с. 335]. На самом деле здесь скрытым образом участвует и чувствующая сторона. Дело в том, что в познавательной деятельности большую роль играет рефлексия. По Локку, если ощущение есть источник идей, относящихся к внешнему миру, то рефлексия является источником идей, относящихся к миру внутреннему, психическому. В этом смысле «рефлексия является как бы шестым чувством, знакомящим нас с психическим миром» [10, с. 338]; в ее отсутствие мы не отличались бы от животных.

Серебrenиков различает сознание, воспринимающее «предметные» истины, и самосознание, которое воспринимает истины, относящиеся к душевным явлениям [10, с. 93]. Он утверждает, что рефлексия есть «способность самосознания». Отсюда следует, что посредством рефлексии «мы воспринимаем не просто явления, а явления, служащие обнаружением сил и законов нашей душевной природы». Значит, при помощи нее мы можем определить силы и законы как нашей познавательной деятельности, так и произвольной, а также «критически оценить ее с точки зрения идеала и свободно привести ее в согласие с последним». Если бы рефлексии у человека не было, он имел бы «только стихийное опытное знание и стихийную произвольную деятельность», и его душевная деятельность шла бы «по роковой необходимости» [10, с. 339].

Рефлексия необходима также, чтобы субъект мог «отделить себя от своих идей». Это требуется и для «произвольной деятельности сравнения, сочетания и отвлечения», и для построения связи между идеей и словом, и для реализации свободы – как через отделение себя от своих мотивов, так и для отделения себя от своих целей» [10, с. 339–342].

Сама по себе рефлексия относится к природному образу Божию у человека, ее нет у животных [10, с. 340, 343]. Реализация деятельного образа Божия состоит в том, что сознающий нравственный закон в качестве «безусловного требования, исполнение которого не составляет необходимости для него», человек возвышается над своею «стихийною природою» и путем своих собственных усилий «создает в себе <...> нечто новое сравнительно со стихийною

природою <...> – нравственный характер» [10, с. 342]. Для этого человеку требуется свобода, которая, как было указано, тоже невозможна без рефлексии.

Таким образом, по Серебренникову, ключевым свойством, выделяющим человека из прочей природы, является способность рефлексии.

*Протопресвитер Евгений Аквилонов
(1861–1911)*

Протопресвитер Евгений Аквилонов был учеником Светилина [8, с. 17–18]. Его докторская диссертация «О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия», защищенная в 1905 году и посвященная психологической теме, оказалась «почти не замеченной в научных кругах» [7, с. 387–388], а ее автор остался более известен работами по экклезиологии. В работе [6] впервые в центр внимания положены антропологические идеи этого автора.

Для Аквилонова человек – это «не материя, а дух»¹, который ассоциируется с разумом, свободной волей и личностью, который пользуется своим телом как орудием и заключен в него, словно в хижину [2, с. 141–142]. Протопресвитер не различает понятия «душа» и «дух», отдавая предпочтение последнему. В синонимичном смысле он использует также термин «сознание» [6, с. 86].

Протопресвитер Евгений строит оригинальную концепцию самосознания, мирознания и богосознания. Мирознание получает свое содержание из внешних чувств и оперирует представлениями из области видимого мира; богосознание оперирует представлениями религиозными и нравственными, имея для этого свой собственный орган – разум. Самосознание «находится между» мирознанием и богосознанием и «усвояет себе каждое из них» [2, 186–189].

Идея Светилина о постепенном развитии человеческого представления о личности находит свой отголосок в идее Аквилонова о расширении «я» от «поверхности тела» человека и «даже до границ всечеловечества» [2, с. 248]. Но Аквилонов это свя-

¹ Слова «дух» и «душа» прот. Евгений обыкновенно использует как синонимы.

зывает с «двойственностью» природы человека: ограниченная его телом («худшая») и та, на которую распространилась его любовь («лучшая»). Человек, любовь которого достигает его ближних, который «их радости и горе чувствует как бы своими», этой любовью «утверждает себя самого и пригвождает ко кресту другого, в нем находящегося, человека» [2, с. 250]. Таким образом, человек имеет двойственную природу: его добродетели сообразны «лучшей» природе, а его пороки – «худшей».

Личность является «основой сущности» человека [2, с. 174] и обуславливается «взаимодействием душевных сил» [2, с. 170], т.е. разумом, чувством и волей [1, с. 61]. Отметим, что чувство, таким образом, «представлено» в личности вполне полноценно. Впрочем, лидирующую роль играет все же воля, что выявляется в отношениях между людьми, и в примате воли над мышлением [6, с. 87].

Исследование логического построения докторской диссертации прот. Евгения показывает, что оно продолжает светилинскую концепцию обоснования богословских истин через синтез философии и точного знания. Кроме этого, в идеях Аквилонова касательно сознания, развития представления о личности и его учении о воле также прослеживается влияние его учителя.

Сергей Михайлович Зарин
(1875–1935)

С.М. Зарин использует в отношении человеческого состава трихотомическую терминологию. Отличительной чертой человека является дух; человеческая душа сама по себе такая же, как у животных [5, с. 227, 229] (хотя она, по сочетанию с духом, и имеет некоторые отличия). Дух (ум) – это сила, которая «обнаруживает себя в виде самосознания и самообладания, служа в этом смысле принципом лично-духовной индивидуальности» [5, с. 229]. К духу Зарин относит понятия «ум» и «воля», рассматривая их как проявление одной способности (ума) «в различных отношениях и проявлениях» [5, с. 80].

Не давая точное определение, Зарин использует слово «сознание» в двух смыслах: как способность отличать себя от не-себя и

как то «место», где содержатся мысли и представления в процессе мышления. Соответственно, самосознание – это более узкое понятие, которое ограничивается внутренним психическим миром человека (способность отличить себя от своих действий и состояний).

Личность, по Зарину, с одной стороны, есть «индивидуализированная в конкретных представителях <...> единая обще-человеческая природа» [5, с. 33]. С другой стороны, личность «в истинном смысле» есть сознание нравственно-религиозной нормы, способность «свободно отнестись к природному несовершенству своей эмпирической жизни» и способность «сознательно самоопределить себя» в отношении проникающему в природу “злому началу”» [5, с. 43]. В этом смысле ключевой силой для личности является воля, обладающая «способностью свободного самоопределения» [5, с. 78–79]. При этом Зарин подчеркивает, что личность не сводится к духу как к «самосознающей и свободной силе», а включает в себя все силы и способности, все стороны существа человека [5, с. 114]. По Зарину, между двумя любящими личностями возможен «психологический обмен», в результате которого «особенности любимого становятся <...> внутренним достоянием любящего» [5, с. 68].

Стоит отметить, что сознание нравственно-религиозной нормы обеспечивается совестью, которая «служит “показателем” вложенного Богом в человеческую природу знания добра и зла» [5, с. 590]. По мере духовного роста человека совесть становится также «органом богопознания» [5, с. 591].

При этом «субъектом личной жизни», по Зарину, является душа, которая «имеет в духе свой высший, богоподобный принцип, а в сердце – свой непосредственный орган, концентрирующий и объединяющий в себе все свойственные ему состояния и деятельности» [5, с. 375]. Именно оно, по Зарину, является «средоточием» личной жизни человека [5, с. 375]. Сердце, в отличие от ума и воли, занимает свое место на «душевно» уровне. Между сердцем как органом души и духом как ее принципом имеется очень тесная связь: «деятельность “духа” происходит по преимуществу в “сердце”», так что часто сердцу приписывается то, что на самом деле относится к духу [5, с. 375].

Человек «сам управляет своею природой» – он может подавлять ее стремления или следовать им [5, с. 80]. Более того, человек

посредством аскетизма может «перерабатывать свою природу, как бы создавать новую» через приобретение навыков, «существенно изменяющих природные свойства человека» [5, с. 82–83].

Заключение

Итак, мы видим большое разнообразие взглядов. Например, даже последователи трихономического взгляда на человека по-разному понимают дух: как власть (Янышев), как самосознание (Грибановский), как высший принцип души (Зарин). Большинство авторов (Светилин, Храповицкий, Аквилон, Зарин) среди душевных сил первое место отдают воле, а Серебренников – рефлексии, понимаемой как «шестое чувство». Под личностью Светилин и Грибановский понимают «я»; Янышев – индивида со своими уникальными качествами; Храповицкий – «субъекта самотворящего»; Аквилон – результат взаимодействия душевных сил; Зарин – общечеловеческую природу, индивидуализированную ипостась, способную к свободно-сознательному самоопределению. Если Зарин и Серебренников субъекта («я») относят к «животному» уровню, то по учению еп. Михаила и прот. Иоанна «я» однозначно соответствует «духовному» уровню, который отличает человека от животного. Под сознанием Светилин понимает внутреннее чувство; митр. Антоний – присвоение себе своих состояний; Серебренников – способность воспринимать предметные истины, Зарин – способность отличать себя от всего остального. Самосознание все авторы связывают так или иначе с отношением «я» к самому себе, т.е. отличием себя от своих состояний и действий, хотя и формулируют это несколько по-разному.

Всех авторов, кроме обучавшегося за границей Серебренникова, объединяет стремление как бы преодолеть замкнутость «я», его отграниченность от «не-я». У Янышева это проявляется в концепции не зависящего от воли влечения к согласованию потребностей с потребностями других личностей; Светилин, Грибановский и Аквилон предлагают схожие между собою концепции «расширяющегося я»; Зарин – идею «психического обмена» между любящими личностями. У митр. Антония этой же цели служит идея сострадающей любви.

Таким образом, за большим разнообразием антропологических взглядов представителей стоит единое стремление преодолеть философскую замкнутость «я».

Список литературы

1. *Аквилонов, Е., свящ.* О Божестве Господа нашего Иисуса Христа и о средствах нашего спасения / священник Е. Аквилонов. – Петроград : тип. А.П. Лопухина, 1901. – 74, II с.

2. *Аквилонов, Е., прот.* О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия / соч. протоиерея Е. Аквилонова. – Санкт-Петербург : Тип. И.В. Леонтьева, 1905. – [5], 5, 434 с.

3. *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды, письма, материалы / митрополит Антоний (Храповицкий). – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 1056 с.

4. *Епископ Михаил (Грибановский) : сочинения, письма, жизнеописание / сост. Н.Н. Лисовой, священник Павел Хондзинский. Письма. Жизнеописание / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. ун-т. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2011. – LXIV, 883 с.*

5. *Зарин, С.М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. 1, кн. 2 / этикобогослов. исслед. Сергея Зарина – Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. – 720 с.

6. *Каледа, П., диак.* Протопресвитер Евгений Аквилонов: психологический аргумент в доказательстве бытия Божия / диакон Павел Каледа // Христианское чтение. – № 1. – 2019. – С. 85–91.

7. *Кнорре, Б.К.* Аквилонов Евгений Петрович / Б.К. Кнорре // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл», 2000. – Т. 1. – С. 387–388.

8. Распределение предметов преподавания в I, II и III курсах СПбДА по трем ее отделениям на 1882–3 учебный год // Журналы заседаний совета С.-Петербургской духовной академии за 1882/3 год. – Санкт-Петербург, 1883.

9. [*Светилин, А.*] Лекции по психологии, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1882–1883 учебных годах профессором А.Е. Светилиным : копия с литогр. материала. Собственность П.П. Курицына, преподавателя Подольской духовной семинарии. – 630 с.

10. *Серебrenиков, В.С.* Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1892. – 368 с.

11. *Феофан Затворник, свт.* Собрание писем. В 5 т., т. 5 / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2012. – 603 с.

12. *Хондзинский, П.* Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А.Е. Светилин и его ученики / протоиерей Павел Хондзинский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (33). – С. 152–174.

13. *Янышев, И., прот.* Православно-христианское учение о нравственности : из лекций по нравственному богословию, читанных студентам С.-Петербург. духов. акад. / протоиерей И. Янышев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1906. – XII, 462 с.

UDC 233.5

**ANTHROPOLOGY OF SAINT
PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY
OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH
CENTURIES: OVERCOMING THE «I»
ASOCIALITY**

Pavel I. Kaleda, Deacon

PhD in Physics and Mathematics

Postgraduate leaver of St. Tikhon's

Orthodox Humanitarian University

E-mail: pkaleda@yandex.ru

For citation: *Kaleda, P.I., deacon.* Anthropology of Saint Petersburg Theological Academy of the late 19th – early 20th centuries: overcoming the «I» asociality // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 129–148. (in Russian)

Abstract

The interest in anthropology came to Saint Petersburg Theological School from Kiev Theological Academy through V.N. Karpov and his direct pupil A. E. Svetilin. Representatives of Saint Petersburg Theological Academy wrote a number of works on anthropological topics, including concepts: «consciousness», «self-consciousness», «face», «personality». In this paper, an attempt is made to give an overview of the anthropological views on these concepts of representatives of St. Petersburg Theological Academy and to highlight the aspects that unite them.

Keywords: anthropology; consciousness; self-consciousness; personality.

References

1. *Akvilonov, E., priest.* O bozhestve Gospoda nashego Iisusa Khrista i o sredstvakh nashego spaseniya [On the Deity of our Lord Jesus Christ and on the means of our salvation]. / priest E. Aquilonov. – Petrograd: A.P. Lopukhin publishing house, 1901 – 74, II p. (in Russian)

2. *Akvilonov, E., archpriest.* O fisiko-teologicheskom dokazatel'stve bytiya Boziya [On the physical and teleological proof of the existence of God]. / writings by Archpriest E. Akvilonov. – St. Petersburg: I.V. Leontiev publishing house, 1905, [5], 5, 434 p. (in Russian)

3. *Anthony (Khrapovitsky), metropolitan.* Izbrannye trudy, pis'ma, materialy [Selected works, letters, materials]. / Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). – Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church, 2007. 1056 p. (in Russian)

4. Episkop Mikhail (Gribanovsky) : sochineniya, pis'ma, zhizneopisanie [Bishop Mikhail (Gribanovsky): compositions, letters, biography]. / compiled by N.N. Lisova, priest Pavel Khondzinsky. Letters. Biography / Orthodox St. Tikhon University of Humanities. – Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church, 2011. – LXIV, 883 p. (in Russian)

5. *Zarin, S.M.* Asketizm po pravoslavno-khristianskomu ucheniyu [Asceticism according to the Orthodox Christian teaching]. Vol. 1, book. 2 / ethical theologian research by Sergei Zarin – St. Petersburg: V.F. Kirshbaum publishing house, 1907. 720 p. (in Russian)

6. *Kaleda, P., deacon.* Prototropresviter Evgenii Akvilonov: psikhologicheskii argument v dokazatel'stve bytiya Bozhiya

[Protopresbyter Evgeny Akvilonov: a psychological argument in the proof of the existence of God]. / Deacon Pavel Kaleda // Christian reading. – No. 1, 2019, pp. 85–91. (in Russian)

7. *Knorre, B.K.* Akvilonov Evgeny Petrovich [Akvilonov Evgeny Petrovich]. / B.K. Knorre // Orthodox Encyclopedia. – Moscow: Church scientific center «Orthodox Encyclopedia», 2000, vol. 1, pp. 387–388. (in Russian)

8. Raspredelenie prdmetov prepodavaniya v 1, 2 i 3 kursakh SPbDA po trem eya otdeleniyam na 1882-3 uchebny god [Distribution of teaching subjects in the 1st, 2nd and 3rd years of study in St. Petersburg Theological Academy in three departments for the 1882–3 academic year]. // Record books of the meetings of the Council of the St. Petersburg Theological Academy for 1882/3. – St. Petersburg, 1883. (in Russian)

9. [*Svetilin, A.*] Lektsii po psikhologii, chitannye studentam Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii v 1882–1883 uchebnykh godakh professorom A.E. Svetlinym [Lectures on psychology delivered to students of the St. Petersburg Theological Academy in the 1882–1883 academic years by Professor A.E. Svetilin]. Copy from lithographic material. Property of P.P. Kuritsyn, teacher of Podolsk Theological Seminary. – 630 p. (in Russian)

10. *Serebrenikov, V.S.* Uchenie Lokka o prirodzhdennykh nachalakh znaniya i deyatel'nosti [Locke's doctrine of the innate principles of knowledge and activity]. – St. Petersburg: [s.n.] 1892. – 368 p. (in Russian)

11. *Saint Theophan the Recluse.* Sobranie pisem [Collection of letters]. In 5 volumes, vol. 5 / Saint Theophan the Recluse. – Moscow: Rule of Faith, 2012. 603 p. (in Russian)

12. *Khondzinsky, P.* Sintez opytnoi psikhologii i metafiziki v dukhovno-akademicheskoi nauke vtoroi poloviny 19 stoletiya: A.E. svetilin i ego ucheniki [Synthesis of experimental psychology and metaphysics in spiritual and academic science of the second half of the 19th century: A.E. Svetilin and his students]. / Archpriest Pavel Khondzinsky // State, religion, church in Russia and abroad. – 2015, no. 4 (33), pp. 152–174. (in Russian)

13. *Yanyshhev, I., archpriest.* Pravoslavno-khristianskoe uchenie o npravstvennosti: iz lektsiipo npravstvennomu bogosloviyu, chitannykh studentam S.-Peterburg. Dukhov. Akad. [Orthodox Christian

teaching on morality: from lectures on moral theology delivered to students in St. Petersburg Theological Academy]. / Archpriest I. Yanyshchev. – 2nd ed. – St. Petersburg: M. Merkushev publishing house, 1906. – XII, 462 p. (in Russian)

УДК 37.013.2

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Никитин Сергей Викторович
магистр педагогического образования
преподаватель церковно-практической
кафедры Тамбовской духовной
семинарии
E-mail: Serz4868@mail.ru

Для цитирования: *Никитин, С.В.* Педагогические аспекты социальной адаптации младших школьников средствами театрализованной деятельности в условиях воскресной школы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 148–158.

Аннотация

В статье рассматривается проблема социальной адаптации младших школьников посредством театрализованной деятельности, соответствующей психологическим особенностям детей этой возрастной группы. Обосновывая эффективность осуществления театрализованной деятельности в условиях воскресной школы, автор приходит к заключению, что она способствует развитию «умных чувств», которые мотивируют младшего школьника на сознательное самостоятельное творчество, развивает коммуникативные навыки, умение строить и выбирать адекватные стратегии поведения, что является залогом успешной социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация; младший школьник; театрализованная деятельность; воскресная школа.

Театрализованная деятельность – это специфический вид художественной деятельности, ориентированный на достижение учебно-воспитательных целей. Художественная деятельность производна от общечеловеческих видов деятельности: быт, труд, сфера познания, досуг. Из перечисленных видов деятельности, художественная, так же как и театральная деятельность, относится к сфере познания и досуга.

Понятие «театрализованная деятельность» не является синонимичным по содержанию такому искусству, как «театр». Театр – это род искусства, который синтетичен по природе, а потому обладает очень сложным и мощным воздействием на человека. Специфические особенности театрального искусства заключаются в том, что его средствами осуществляется художественное отражение действительности через драматические действия (сценическое действие). Художественное отражение (создание новой реальности) предполагает актерскую игру в вымышленных условиях, обязательное использование таких психологических механизмов, как воображение, фантазия, внутреннее перевоплощение, лицедейство, т.е. обман. И здесь складывается ситуация, когда взрослый человек, не говоря уже о младшем школьнике, может «заиграться», поверить в свои человеческие возможности и «выдающиеся» способности, а тем самым противопоставить себя Богу. В этой связи приведем оценку театра, данную святителем Феофаном Затворником в одном из писем: «Играть в карты и ездить в театр не следует. <...> Карты – вещь пустая; театр – вредная. Христианину и то и другое неприлично» [3, с. 175].

Театрализованная деятельность также реализуется через игру. Но эта игра не требует перевоплощения. В условиях общеобразовательной школы она носит в основном дидактический характер. Через театрализацию можно осваивать иностранные языки и практически все школьные предметы. Но через нее можно решать и очень сложные воспитательные задачи духовно-нравственного характера. Младшему школьнику в силу его возраста невозмож-

но овладеть сложными профессиональными театральными приемами. Через театрализованную игру он может осваивать опыт сложившихся в данном обществе (коллективе) норм, социальных навыков поведения, ценностей.

Социализация – это пожизненный процесс приспособления человека к новым условиям. Цель же социальной адаптации именно младшего школьника – это его приспособление к конкретным новым условиям школы, класса, одноклассникам, учителю и т.д. И театрализованная деятельность, таким образом, помогает заложить основы для развития адаптивной способности младшего школьника.

Однако если театр предполагает сценическое глубокое воплощение, вживание в образ того или иного персонажа, то и театрализованная деятельность, реализуемая через игру, также предполагает использование элементов лицедейства. Они могут быть не только внешние (переодевание, изменение внешности и т.п.), но и внутренние, что не всегда безопасно для формирующейся личности школьника.

Опасность получить через театрализованную деятельность негативный опыт человеческой деятельности объясняется в психологии (возрастной психологии) тем, что посредством вовлечения в театрализованную игру у младшего школьника включается механизм эмоционального переживания и в какой-то мере и проживания игровой ситуации. В театрализованной игре младший школьник использует свой личный самый разнообразный и по-разному полученный опыт, который хранится в памяти. Память, согласно учению святителя Феофана Затворника, наряду с воображением и фантазией – это «чернорабочие силы души» [4]. Они не мыслят, но «в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти» [4]. Без них умственная работа невозможна.

Успешность социальной адаптации обеспечивается развитием у младшего школьника добродетелей. Святитель Феофан определяет понятие «добродетель» в трех аспектах:

- 1) как устремленность духа к добру, к Богу (жажда богообщения);
- 2) как укоренение в воле и в сердце человека «добрых расположений»;
- 3) как конкретное «доброе дело».

При этом «жажда Бога» – это «истинно христианская добродетель» [5, с. 116]. Через обладание первой добродетелью у младшего школьника воспитывается правильное христианское мировоззрение, вследствие чего он получает возможность успешной социальной адаптации в школе, классе и т.п. Развивая эту добродетель, ребенок будет легче социализироваться в своей дальнейшей жизни. Безусловно, к этой добродетели должны быть присоединены и другие, но «по цене и весу» менее значимые [5, с. 116].

Театрализованная деятельность, если она изначально ориентирована на воспитание базовой добродетели, «запускает» в работу внутренний психологический механизм интуитивного ее становления. На этой основе создаются четкие представления о том, что такое добро и зло, такие важнейшие качества личности и ценности, как доброта, честность, эмпатия, сострадание, милосердие и др., а также – «способы их проявления, тем самым формируется опыт жизнедеятельности, создавая целостную картину мира» [1].

Святитель Феофан Затворник считает, что прежде всего нужно воспитывать в детском сердце «доброе расположение» к добродетели воздержания [5]. Воздержание должно пониматься ребенком не как подавление его желаний и внутренних влечений. Воздержание – это те личные усилия, которые он затрачивает, когда сталкивается с разными новыми проблемами. Воздержание – это добровольное решение ребенка по выполнению нравственных христианских обязанностей по отношению ко всем, кто его окружает.

При таком подходе к театрализованной деятельности она понимается не как метод передачи определенных знаний. Эта деятельность становится не только дидактическим инструментом для успешного и быстрого усвоения учебного школьного материала, но и средством духовно-нравственного воспитания. Цель этого средства не только способствовать успешной социальной адаптации, но и духовному росту младшего школьника.

Воспитательным институтом здесь является воскресная школа, куда младший школьник приходит добровольно. Здесь одноклассники оценивают его не по критериям – умный, отличник, неудачник и т.п. Хотя в воскресной школе, безуслов-

но, присутствует и знаниевый компонент, требующий заучивания, повторения, контрольных работ и др., основная ее цель – это духовно сплотить детский коллектив на основе христианских ценностей.

Важно, что осуществление театрализованной деятельности в общеобразовательной школе бывает затруднено. Она может использоваться либо во внеурочное время, либо перед подготовкой какого-то планового классного или школьного мероприятия. В воскресную школу младшие школьники приходят в неучебные дни, часто с родителями, дедушками и бабушками, другими родственниками.

В урочное расписание театральная деятельность вводится либо с рекреационной целью (восстановить внимание, снять статическое мышечное напряжение), либо с воспитательной целью. Для этого используются жанры нравоучительной литературы: сказки, рассказы, басни, притчи и т.п. Такой подход к организации воскресных занятий не только интеллектуально развивает младшего школьника, но обогащает его духовно-нравственную сферу. Ведь все литературные тексты анализируются через призму христианской нравственности (например, через рассмотрение действия и поступки библейских персонажей или святых и их последствий). При таком подходе младший школьник усваивает опыт решения различных проблемных ситуаций не прямо, а опосредованно, то есть не через себя (не через лицедейство), а от лица литературного персонажа. Это позволяет развивать «умение отличать мир представлений, воображения действительности от реального мира» [1].

Полученный таким образом опыт эмоционального переживания закладывает основу для правильного развития чувств, что формирует и способность к адекватной самооценке, умению сознательно управлять своим поведением в конфликтных ситуациях и распознавать (понимать) эмоциональные состояния других людей по их поведению. Иначе говоря, «у детей развивается произвольность, особая чуткость и внимание к действиям людей в жизни, умение видеть и понимать значение простейших действий человека, его чувства, взаимоотношения с людьми, природой» [1].

Театрализованная деятельность способствует развитию «умных чувств», которые мотивируют младшего школьника

на сознательное самостоятельное творчество. Творческий человек в коллективе всегда приятен для общения, поскольку индивидуальное творчество становится условием для социальной адаптации конкретного младшего школьника в классе. Оно способствует развитию речи путем корректировки коммуникативных качеств, создает ситуацию успеха, ощущение радости и удовлетворенности от позитивного общения с другими детьми и т.д. Таким образом, театрализованная деятельность в условиях воскресной школы становится мощным педагогическим средством развития адаптивной способности – приспособляемости младшего школьника к новому школьному социуму, причем данная способность развивается на духовно-нравственной основе.

Обучение в воскресной школе имеет свои особенности. Первым существенным фактором является неоднородный возрастной состав младшей группы (класса): от 6 до 9 лет, данная категория именуется в психологии как «младший школьный возраст». Учащиеся должны четко понимать, что в их классе идет полноценный образовательный процесс, а сами они должны проводить соответствующую учебную деятельность, не менее важную, чем в школе. В такой ситуации в освоении необычного для младших школьников учебного материала могут существенно помочь театрализованные игры. Они способны стать мощным педагогическим средством для адаптации разновозрастных младших школьников к новым (не школьным) условиям коллективного взаимодействия, сплоченности класса.

В этой связи педагогу воскресной школы необходимо иметь четкие представления, какие конкретные игровые формы и элементы можно использовать на уроках, чтобы младший школьник воспринимал образовательный процесс не как игру-развлечение. Только серьезное отношение к учебной деятельности обеспечивает высокую адаптивность ребенка.

В театральной педагогике выделяются несколько видов театрализованных игр: игры-драматизации, ролевые игры, инсценировки и др.

Игры-драматизации – один из видов игры как формы реализации театрализованной деятельности. Они строятся на основе готового литературного текста: басня, притча, поучительный рассказ,

сказка, стихотворение и другие жанры нравоучительной литературы. Эти жанры практически всегда полагаются в основу создания школьных мини-спектаклей, сценок, инсценировок, приуроченных к разным праздникам православного календаря. Содержание перечисленных выше нравоучительных литературных жанров часто уже знакомо младшему школьнику. Знакома и сюжетная схема, и логика развития события. Игры-драматизации, основанные на жанрах нравоучительной литературы, позволяют коллективно вносить младшим школьникам в знакомые сюжеты собственные корректировки, вводить в состав сценки новых персонажей, а также раскрывать их образы (характерные психологические, обобщенные черты) с помощью целого комплекса средств театральной выразительности: мимики, интонации, жестов и др. Такой педагогический прием далек от лицедейства и позволяет решать многие воспитательные духовно-нравственные задачи без морализаторства.

Достоинством игр-драматизаций является и то, что в условиях воскресной школы они могут исполняться как без зрителей, так и в сценическом (концертном) исполнении. Например, разыгрывание сюжета какой-то притчи может быть использовано на конкретном уроке для закрепления программного учебного материала. Организовать игру-драматизацию, как правило, сами младшие школьники не могут. Поэтому большую роль здесь играет учитель, в задачу которого входит и привлечение к спектаклю (сценке) родителей.

Близкой по своей сути к игре-драматизации является ролевая игра, их различие заключается в следующем. В игре-драматизации использование импровизации ограничено самим литературным сюжетом, отступление от которого превращает сам сюжет в новое литературное произведение. Импровизация же предполагает коллективное творчество: новый герой или герои вводятся в готовый литературный сюжет по коллективному решению. Поводом здесь является, например, то, что проболевший некоторое время ребенок не смог участвовать в подготовке сценки. Но в условиях воскресной школы он обязательно должен быть включен в спектакль. В ролевой игре импровизационный – личностный – момент превалирует. Дидактическая и воспитательная ценность этой игры заключается в том, что она может «научить»

младшего школьника основам общения в новом коллективе через личное творчество.

Ролевая игра моделирует события или определенные ситуации, происходящие между людьми, поэтому ее участники получают возможность не только разыграть определенную сцену, «проигрывая роли отдельных персонажей, участвующих в ситуации, но и поменяться ролями и предложить свои варианты решения поведения в рамках каждой из них» [2]. Важно, что результатом игры является совместное обсуждение, в ходе которого «определяется адекватность предложенных различными участниками вариантов решений» [2]. Иными словами, ролевая игра помогает просмотреть и сравнить «несколько индивидуальных вариантов проигрывания одной и той же роли в заданной ситуации» [2].

Таким образом, ролевая игра создает условия для понимания не только сущности заданной учителем социально-психологической ситуации, но и содержания тех чувств, мыслей, которые возникли у конкретного младшего школьника по поводу ее решения, формирует умение понимать других людей (эмпатия), их позиции и чувства, а также находить новые формы общения в моделируемых коммуникативных ситуациях.

Театрализованная игра позволяет младшему школьнику относиться к игре как «к ценности человеческой культуры» [2, с. 330], благодаря чему к младшему школьнику приходит понимание того, что игра не только может многому научить, но и помочь стать культурным членом общества. В процессе игры ребенок начинает ощущать себя человеком, которого это общество уважает за доброту, трудолюбие, самостоятельность, ум, творческие способности. Театрализованная деятельность, реализуемая в условиях обучения в воскресной школе через разные виды игр, может способствовать развитию коммуникативных навыков, способности выступать в разных социальных ролях, а значит, умения правильно общаться, строить и выбирать адекватные стратегии поведения, что и является залогом успешной социальной адаптации младшего школьника.

Список литературы

1. *Максимова, С.М.* Театрализованная деятельность – важнейший фактор развития личности дошкольника / С.М. Максимова // Молодой ученый. – 2016. – № 13. – С. 824–826. – URL: <https://moluch.ru/archive/117/32334> (дата обращения: 20.05.2020).

2. *Мухина, В.С.* Возрастная психология : феноменология развития, детство, отрочество : учеб. для студентов вузов / В.С. Марухина. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 1999. – 456 с.

3. *Феофан Затворник, свт.* Письма о христианской жизни. Пouchения : собр. писем / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2007. – 445 с.

4. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? : собр. писем / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2007. – 338 с.

5. *Феофан Затворник, свт.* Начертания христианского нравoучения / епископ Феофан. – 2-е изд. Афон. Рус. Пантелеимонова мон-ря. – Москва : Типо-лит. И. Ефимова, 1895. – 345 с.

UDC 37.013.2

**PEDAGOGICAL ASPECTS OF
SOCIAL ADAPTATION OF YOUNGER
SCHOOLCHILDREN
BY MEANS OF THEATRICAL
ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF A
SUNDAY SCHOOL**

Sergey V. Nikitin

Master of Teacher Education,

Lecturer

Church and Practice Department

Tambov Theological Seminary

E-mil: Serz4868@mail.ru

For citation: *Nikitin, S.V.* Pedagogical aspects of social adaptation of younger schoolchildren by means of theatrical activities in the conditions of a Sunday school // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 148–158. (in Russian)

Abstract

The article considers the problem of social adaptation of primary school students through theatrical activity considering the age characteristics of children of this age category. Justifying the effectiveness of the implementation of theatrical activities in a Sunday school, the author comes to the conclusion that it contributes to the development of «smart feelings» that motivate the younger schoolchild to conscious independent creativity, develops communication skills, the ability to build and choose adequate strategies of behavior, which is the key to a successful social adaptation.

Key words: social adaptation; primary school student; theatrical activities, Sunday school.

References

1. *Maksimova, S.M.* Teatralizovannaya deyatel'nost' – vazhneishii faktor razvitiya lichnosti shkol'nika [Theatrical activity is the most important factor in the development of a preschooler's personality].

/ S.M. Maximova // Young Scientist. – 2016, no. 13, pp. 824–826. (in Russian). Available at: <https://moluch.ru/archive/117/32334> (Accessed: 20.05.2020).

2. *Mukhina, V.S.* Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo : ucheb. Dlya studentov vuzov [Developmental psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence: textbook for university students]. / V.S. Marukhin. – 4th ed., Stereotype. – Moscow: Academy, 1999. 456 p. (in Russian)

3. *Saint Theophan the Recluse.* Pis'ma o khrstianskoi zhizni. Poucheniya : sobr. Pisem [Letters on the Christian Life. Teachings: collection of letters]. / Saint Theophan the Recluse. – Moscow: Rule of Faith, 2007. 445 p. (in Russian)

4. *Saint Theophan the Recluse.* Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya? : sobr. Pisem [What is spiritual life and how to tune in to it? : collection of letters]. / Saint Theophan the Recluse. – Moscow: Rule of Faith, 2007. 338 p. (in Russian)

5. *Saint Theophan the Recluse.* Nachertaniya khristianskogo nravoucheniya [Inscriptions of Christian morality]. / Bishop Theophan. – 2nd ed. Athos. Rus. Panteleimonov Mon-rya. – Moscow: Tipo-lit. I. Efimova, 1895. 345 p. (in Russian)

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-1/-9

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА РОССИИ XVIII – XIX ВЕКОВ

Игумен Пимен
(Семилетов Игорь Александрович)
кандидат богословия, старший
преподаватель Тамбовской духовной
семинарии
E-mail: semilgor@gmail.com

Для цитирования: *Пимен (Семилетов), игум.* Духовная литература России XVIII – XIX веков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 160–170.

Аннотация

Обозревая наиболее видных представителей духовной литературы Синодального времени, автор статьи приходит к выводу, что некоторые традиционные формы, например, богословские трактаты, потеряли свое ведущее значение.

На смену этим формам пришла духовная беллетристика, которая с помощью художественного вымысла и выразительных средств доносила до простого человека христианские истины.

Ключевые слова: русская духовная литература; духовные писатели; художественно-публицистическая проза; духовная беллетристика.

Как отмечает в своем труде «Обзор русской духовной литературы» святитель Филарет (Гумилевский), до Петра Первого было сложно отделить духовную литературу от светской, так как практически вся существующая словесность была, по сути, духовной. Начиная же с Синодального периода, «светская литература отделилась от духовной, избрав себе особые предметы и особый дух» [8, с. 277].

Открывает плеяду духовных писателей Василий Григорьевич Григорович-Барский (1701–1747). Хотя в 1734 году он принял монашество, его все же следует отнести к категории светских авто-

ров, пишущих на духовные темы. Он учился в Киево-Могилянской академии, Львовском иезуитском колледже. С 1724 года началось паломничество Василия по святым местам: он посетил Вену, Венецию, Падую, Бари, Неаполь, Рим, Флоренцию, из Европы двинулся в Грецию, на Афон, затем в Палестину и Египет.

Григорович-Барский посетил все святыни православного мира на Ближнем Востоке, в совершенстве изучил греческий язык, был знаком со всеми восточными Патриархами. Вернулся домой незадолго до своей смерти. Современный исследователь пишет о его литературных трудах: «Главным трудом Григоровича-Барского стали путевые записки, в которых он описал природу, историю, быт и нравы народов Средиземноморья. Работа является одним из важнейших источников по церковной истории этого региона. Особенно подробно составлены описания Стамбула, Св. Земли и афонских монастырей. Он составил первый обзор славянских актов Афона» [9, с. 105]. К сожалению, свои путевые заметки Григорович-Барский опубликовать не успел. Рукопись хранилась у матери писателя, которая предоставляла возможность снимать с нее копии всем желающим. Впервые они были изданы только в 1794 году. До сих пор записки Григоровича-Барского остаются душеполезным чтением.

Следующим по значимости и авторитетности следует назвать протоиерея Петра Алексеевича Алексева (1727–1815), который служил в Архангельском соборе г. Москвы. Он крайне отрицательно относился к монашеству и считал, что епископат должен посвящаться из представителей белого духовенства. Его взгляды стали причиной прещений со стороны митрополита Московского Платона (Левшина), который всячески притеснял вольнодумного протоиерея, но сделать с ним ничего не мог, так как отец Петр имел высоких покровителей при дворе. Протоиерей Петр Алексеев стал автором «Церковного словаря» в трех частях, в котором пересказывал и толковал проповеди святых отцов. Его перу также принадлежит одна из первых историй Русской Церкви под названием «Краткое начертание истории греко-российской церкви» [1, с. 393–402].

Безусловно, одним из самых замечательных и влиятельных духовных писателей Синодального времени был святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908). Отец Иоанн происходил из

старинного священнического рода Сергиевых. Он окончил Архангельское духовное училище и семинарию (1851). Как первый ученик, был направлен за казенный счет учиться в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Окончив академию в 1855 году со степенью кандидата богословия, Иоанн в том же году женился на дочери ключаря Андреевского собора в Кронштадте Елизавете Несвицкой и был рукоположен в сан диакона, а затем иерея. Своей жене он объявил о намерении жить с ней в девстве, чему она на первых порах противилась, а потом смирилась. Вся дальнейшая жизнь священника была связана с Андреевским собором, где он занимал должность ключаря (1876) и настоятеля (с 1894 г.).

С 1883 года воссияла слава отца Иоанна как человека, по молитвам которого люди получают исцеления, и со временем эта слава только росла. Кронштадтский пастырь известен своей широкой общественной, благотворительной и социальной деятельностью. Из его духовных трудов самой большой популярностью пользовалась книга «Моя жизнь во Христе», которая при жизни отца Иоанна выдержала восемь изданий. По форме это дневниковые записи, которые святой вел на протяжении всей своей жизни. Всего было издано 6 томов, однако до сих пор духовное наследие святого праведного Иоанна Кронштадтского полностью не издано [2, с. 353–382].

Из светских писателей, которые занимались сочинением духовных произведений, в XIX – начале XX века можно выделить несколько фигур, которые оказались знаковыми для своей эпохи. Это, прежде всего, Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874). Его можно назвать первым духовным писателем в буквальном смысле этого слова. Муравьев получил домашнее образование высокого качества, не хуже университетского. Служил в Министерстве иностранных дел, а с 1833 года – обер-секретарем в Святейшем Синоде, при дворе был камергером. Стал членом Императорской академии наук. Служил также в Азиатском департаменте и вышел в отставку в чине действительного статского советника.

После отставки Муравьев путешествовал и писал книги на духовные темы. Именно ему принадлежит заслуга создания Андреевского скита на Афоне, населенного русскими монахами. Он был другом митрополита Филарета (Дроздова) и, что не характерно для

человека из высшего света, знатоком богослужения. Лесков записал достоверное предание о последних часах его жизни: «Целую жизнь инспектируя священнодействия, он умер в этих же самых занятиях. Накануне смерти он пожелал особороваться. Таинство это, во главе других лиц, совершал Филарет (Филаретов), бывший викарий Уманский, а после епархиальный архиерей Рижский. Больной во время соборования был уже так слаб, что не подавал голоса. Но когда служба была окончена и архиерей стал разоблачаться, умирающий, ко всеобщему удивлению, совсем неожиданно произнес: – Благодарю: таинство совершено по чину. Таковы были его последние слова на земле» [3]. Этот эпизод очень ярко характеризует эту личность как преданного Церкви человека. Он начинал как обычный светский поэт, но дара особого не имел, и после посещения Святой Земли стал публиковать духовную прозу. Его перу принадлежат такие духовные произведения, как «Путешествия по святым местам русским» (1836), «Русская Фиваида на севере» (1855). Кстати, термин «русская Фиваида» был введен именно им [4, с. 236–242].

За Муравьевым следует назвать Виктора Ипатьевича Аскоченского (1813–1879). Он окончил Воронежскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, был основателем и редактором журнала «Домашняя беседа», который издавался с 1858 до 1877 года. В журнале публиковались труды святителя Феофана Затворника и святителя Игнатия (Брянчанинова). Редактор «Домашней беседы» занимал крайне правые позиции, критикуя всякие проявления либерализма, атеизма, нигилизма и прочих западных тенденций в русском обществе, за что Аскоченский со своим изданием заслужил в «передовом» обществе прозвище обскурантиста.

В.И. Аскоченский – зачинатель того, что мы сейчас называем духовной художественно-публицистической прозой. Ему принадлежит роман «Асмодеи нашего времени», «Нигилисту», «Записки звонаря». Нельзя назвать это исключительно духовными произведениями, но они содержали в себе апологетическое начало, за что автор был гоним со стороны либеральной общественности [5, с. 611].

Кроме того, Аскоченский – один из основателей русской духовной публицистики, основная задача которой состояла в защите православных ценностей. Авторы «Биографического словаря»

так характеризовали его творчество: «С едким сарказмом и подчас не без остроумия, под предлогом защиты идей православия против распространившегося в обществе неверия и консервативных начал, против увлечения либерализмом, Аскоченский высмеивал все западноевропейское и новое в науке, литературе, общественной и государственной жизни» [7, с. 349]. Личность Аскоченского противоречивая, спорная, но он внес значительный вклад в духовную литературу.

На рубеже XIX и XX веков особенно заметное влияние на развитие духовной литературы оказал Евгений Николаевич Погожев (1870–1931), больше известный под псевдонимом Евгений Поселянин. Его отец был врачом, дворянином, а мать, Лидия Николаевна, происходила из аристократической семьи, чьими родственниками были князья Оболенские, Левшины.

Погожев окончил Первую Московскую гимназию (1888), после которой поступил в Московский университет на юридический факультет. Именно в годы студенчества было написано его первое литературное произведение «Перед годовщиной 17 октября в Москве», в память о чудесных событиях спасения царской семьи во время крушения поезда у станции Борки. Об этом литературном опыте с большой похвалой отозвался великий князь Константин Константинович, поэт, подписывавший свои стихи псевдонимом К. Р.

В годы учебы Евгений посетил Оптину пустынь и попал на прием к старцу Амвросию Оптинскому, который благословил молодого человека писать на духовные темы с целью защиты веры и Церкви. После окончания университета Погожев стал чиновником, служил в Санкт-Петербурге сначала в канцелярии второго департамента, потом в комитете по делам печати (1898). В 1904 году он был уже статским советником и служил в канцелярии Российской Императорской Академии наук. В том же году он женился на Наталии Яковлевне Грот. Этот брак не был счастливым и долгим, всего через полгода супруги разошлись. Причиной стали диаметрально противоположные взгляды на жизнь.

В период русско-японской войны Погожев был призван в армию, однако в боевых действиях ему не пришлось участвовать, и вскоре он был уволен в запас в звании прапорщика. С 1913 года он служил чиновником особых поручений Главного управления

(позже министерства) землеустройства и земледелия. Ему было поручено составить описание путешествия императора в 1913 году по местам, связанным с воцарением Михаила Романова.

Все духовное творчество Поселянина пришлось на годы до революции. Оставшись на Родине, он обрек себя на литературное молчание, так как в Советской России духовная проза была под запретом. Он занялся исследованием творчества А.С. Пушкина и даже опубликовал статью о нем. В годы Гражданской войны Поселянин работал в страховом обществе, в отделе охраны и учета памятников искусства и старины. В 1922 году он потерял официальную работу и перебивался частными уроками, а в 1924 году последовал арест с обвинением в принадлежности к контрреволюционной организации. По приговору его выслали на два года в Приангарский район.

После ссылки он вернулся в Ленинград и был снова арестован в 1930 году по делу так называемого кружка Н.М. Рункевич. На самом деле это были бывшие прихожане Преображенского собора, которые после его закрытия собирались на квартире Натальи Михайловны Рункевич, где под руководством бывшего настоятеля собора протоиерея Михаила Тихомирова регулярно совершались богослужения. Всего было арестовано 13 человек, в числе которых оказался и Поселянин. На допросе 29 декабря 1930 года он так обозначил свою позицию: «Касаясь своих политических воззрений, должен заметить: гонения Советской власти не могли меня как верующего человека радовать. Отсюда и то неприязненное отношение к ней, которое я подчас выражал. Не занимаясь разработкой политическо-экономических дисциплин специально, я преломлял свои политические симпатии сквозь призму религиозных чувствований. Должен заметить, что являюсь большим поклонником митрополита Филарета, а последний говорил, что на земле посланником Бога является царь. Пожалуй, этого заявления достаточно, чтобы определить мое политическое credo» [6]. За такие взгляды тройкой ПП ОГПУ Погожев был приговорен к расстрелу – приговор приведен в исполнение 13 февраля 1931 года.

Е. Поселянин – создатель русской духовной беллетристики. В своих произведениях он стремился в простой, доступной форме с элементами художественного вымысла рассказать о святых, подвижниках веры и событиях из истории Русской Церкви. Именно ему принадлежит один из первых очерков о преподобном Амвро-

сии Оптинском («Старец Амвросий», 1892), преподобном Серафиме Саровском («Отец Серафим Саровский», 1896). Он пересказал древнее сказание о святом Иоасафе («Иоасаф Царевич», 1895), составил исчерпывающую справочную книгу «Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее жизни чудотворных икон», 1914). Ему также принадлежит жизнеописание русских подвижников XVIII и XIX веков и многие другие духовные произведения, которые имели своей целью христианское просвещение народа.

Продолжателем дела Поселянина стал Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Он родился в московской дворянской семье, окончил 3-ю Московскую гимназию (1882) и поступил в Московский университет на юридический факультет, который закончил в 1886 году. После окончания университета в течение двух лет занимал различные судебные должности в Симбирске и на Кавказе. Неожиданно ушел в отставку и поселился в своем имении в Золотарево Мценского уезда Орловской губернии. Совершил паломничество в Троице-Сергиеву лавру, где ему было видение; встретился с отцом Иоанном Кронштадтским, по молитвам которого получил исцеление от болезни горла; затем посетил Саров, Дивеево, Оптину пустынь. Сергей Александрович стал обладателем архива Н.А. Мотовилова, который был собеседником преподобного Серафима Саровского.

В 1905 году Нилус возвратился на службу, став чиновником канцелярии по делам дворянства. В 1906 году он женился на Елене Озеровой и поселился в Оптиной пустыни, затем переехал на Валдай. После 1917 года Сергей Нилус подвергался преследованиям советских властей, неоднократно был арестован и, наконец, обрел последнее свое пристанище в с. Крутец Черниговской губернии.

Первое произведение духовной прозы «Великое в малом» вышло из-под пера С.А. Нилуса в 1903 году. Вскоре появились и другие книги: «Сила Божия и немощь человеческая» (1908), «Святыни под спудом» (1911), «На берегу Божьей реки» (1911), «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» (1911), «Близ есть при дверях» (1917).

Особенность духовной беллетристики Нилуса заключалась в том, что в ней прослеживаются явные эсхатологические мотивы, что естественно для предреволюционной эпохи, которая, в некото-

ром смысле, стала концом света, а именно закатом великой православной империи. Автор знал многих подвижников рубежа веков и смог очень ярко в своих книгах запечатлеть их образы. Однако в произведениях Сергея Александровича элемент художественного вымысла носил еще более очевидный характер, чем у Поселянина. Кроме того, если у его предшественника вымысел имел дидактический характер, то у Нилуса граница вымысла и реальности часто была неразличима.

Стоит также отметить еще одного писателя, путь которого в духовную литературу был достаточно сложен, и поэтому на писательском поприще он успел сделать немного. Это священник Владимир Павлович Быков (1872–1936). До принятия священного сана он был лидером русских спиритов рубежа веков, основателем и редактором всех известных русских оккультных журналов: «Спиритуалист», «Голос всеобщей любви», «Оттуда». После посещения в 1912 году Оптиной пустыни и беседы со старцем Нектарием Быков совершенно изменил свою жизнь, отказался от прежних взглядов и в 1918 году принял сан священника. Его книга «Тихие приюты», изданная в 1913 году, стала одним из последних произведений духовной художественной прозы до 1917 года. Это своеобразный дневник, воспоминания о посещении различных русских монастырей.

Таким образом, обозревая труды наиболее видных представителей духовной литературы Синодального периода, мы можем прийти к выводу, что традиционные формы просвещения, например, богословские трактаты, уже не использовались. На смену им пришла духовная проза, которая через художественные образы доносила до простого человека истины христианства. Другими словами, в духовной литературе прослеживается тенденция использования методов обычной беллетристики для изложения текстов духовного содержания с целью проповеди истины.

Список литературы

1. Венгеров, С.А. Алексеев Петр Алексеевич, протоиерей (1727–1801) / С.А. Венгеров // Критико-биографический словарь русских писателей : (от начала рус. образованности до наших дней) : в 6 т. / С. А. Венгеров [и др.]. – Санкт-Петербург : Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1889. – Т. 1., вып. 9. – С. 393–402.

2. Иоанн Кронштадтский // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-науч. центр «Православ. энцикл», 2010. – Т. 24. – С. 353–382.

3. *Лесков, Н.С.* Мелочи архиерейской жизни / Н.С. Лесков // ЛитМир : электрон. б-ка : сайт. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=17264&p=17> (дата обращения: 03.05.2020).

4. *Малышев, В.С.* Муравьев А.Н. – церковный публицист и апологет (1806–1874) / В.С. Малышев // Материалы IX Международной студенческой научно-богословской конференции, 10 мая 2017 / Санкт-Петербург. Православ. духов. акад. – Санкт-Петербург : СПбПДА, 2017. – С. 236–242.

5. *Минаков, А.Ю.* Аскоченский Виктор Ипатьевич / А.Ю. Минаков // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-науч. центр «Православ. энцикл», 2001. – Т. 3. – С. 611.

6. Пути Русской Церкви в век богоборчества. Гл. 5. Ч. 2. Петроград // Архипелаг Святая Русь : сайт. – URL : https://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/terror_protiv_cerkvi/puti_russkoj_cerkvi_v_vek_bogoborchestva_glava_5_chast_2_retograd_2/58-1-0-3507 (дата обращения: 03.05.2020).

7. Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 2. Алексинский – Бестужев-Рюмин / Император. Рус. ист. о-во. – Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1900. – [2], 796 с.

8. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы, 1862–1863 : книги первая и вторая / соч. Филарета (Гумилевского), архиепископа Черниговского. – 3-е изд., с поправками и доп. авт. – Санкт-Петербург : Изд. книгоподавца И.Л. Тузова, 1884. – 511 с.

9. *Чеснокова, Н.П.* Григорович-Барский Василий Григорьевич / Н.П. Чеснокова // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-науч. центр «Православ. энцикл», 2006. – Т. 13. – С. 104–106.

UDC 82-1/-9

RUSSIAN SPIRITUAL LITERATURE IN THE 18TH – 19TH CENTURIES

Pimen (Igor A. Semiletov), Hegumen
PhD in Theology,
Senior Lecturer
Department of Bible, Theology and
Philosophy
Tambov Theological Seminary
E-mail: semilgor@gmail.com

For citation: *Pimen (Semiletov), hegumen*. Russian spiritual literature in the 18th – 19th centuries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 160–170. (in Russian)

Abstract

Reviewing the most prominent representatives of the Synodal spiritual literature, the author comes to the conclusion that some traditional forms, such as theological treatises, have passed into the past or lost their leading significance.

These forms were replaced by spiritual fiction, which, with the help of artistic fiction and expressive means, brought Christian truths to the common man.

Keywords: Russian spiritual literature; spiritual writers; artistic and journalistic prose; spiritual fiction.

References

1. *Vengerov, S.A. Alekseev Petr Alekseevich, protoierei (1727–1801)* [Alekseev Petr Alekseevich, archpriest (1727–1801)]. / S.A. Vengerov // *Critical-biographical dictionary of Russian writers: (from the beginning of Russian education to the present day): in 6 volumes / S. A. Vengerov [and others]. – St. Petersburg: Semyon. typo-lit. (I. Efron), 1889., vol. 1., no. 9, pp. 393–402. (in Russian)*
2. Ioann Kronshtadtsky [John of Kronstadt]. // *Orthodox Encyclopedia. – Moscow: Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2010, vol. 24, pp. 353–382. (in Russian)*

3. *Leskov, N.S.* Melochi arkhireiskoi zhizni [Little things in bishop life]. / N.S. Leskov // LitMir: electronic library: site. (in Russian). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=17264&p=17> (Accessed: 03.05.2020).

4. *Malyshev, V.S.* Murav'ev A.N. – tserkovny publitsist i apologet (1806–1874) [Muravyov A.N. – Church publicist and apologist (1806–1874)]. / V.S. Malyshev // Materials of the IX International Student Scientific Theological Conference, May 10, 2017 / St. Petersburg Orthodox Theological Academy – St. Petersburg: SPbPDA, 2017, pp. 236–242. (in Russian)

5. *Minakov, A.Yu.* Askochensky Viktor Ipat'evich [Askochensky Viktor Ipatievich]. / A.Yu. Minakov // Orthodox Encyclopedia. – Moscow: Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2001, vol. 3, p. 611. (in Russian)

6. Puti Russkoi Tserkvi v vek bogoborchestva [The ways of the Russian Church in the age of theomachy]. Ch. 5. Part 2. Petrograd // Archipelago of Holy Russia: website. (in Russian). Available at: https://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/terror_protiv_cerkvi/puti_russkoj_cerkvi_v_vek_bogoborchestva_glava_5_chast_2_petrograd_2/58-1-0-3507 (Accessed: 03.05.2020).

7. Russky biografichesky slovar' [Russian biographical dictionary]. In 25 volumes. Vol. 2. Aleksinsky – Bestuzhev-Ryumin / The Imperial Russian Historical Society. – St. Petersburg: I.N. Skorokhodov publishing house, 1900. – [2], 796 p. (in Russian)

8. *Filaret (Gumilevsky), archbishop.* Obzor russkoi dukhovnoi literatury, 1862–1863 : knigi pervaya i vtoraya [Review of Russian spiritual literature, 1862–1863: books one and two]. / writings by Filaret (Gumilevsky), Archbishop of Chernigov. – 3rd ed., With amendments and additions of the author – St. Petersburg: Publishing house of the book seller I.L. Tuzov, 1884. 511 p. (in Russian)

9. *Chesnokova, N.P.* Grigorovich-Barsky Vasily Grigorievich [Grigorovich-Barsky Vasily Grigorievich]. / N.P. Chesnokov // Orthodox Encyclopedia. – Moscow: Church Scientific Center «Orthodox Encyclopedia», 2006, vol. 13, pp. 104–106. (in Russian)

УДК 2-762

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

Священник Николай Николаевич Киреев
кандидат экономических наук, научный
сотрудник Тамбовской духовной
семинарии, магистрант направления
подготовки «Теология», профиль
«Русская духовная словесность»
E-mail: okolianka@mail.ru

Для цитирования: Киреев, Н.Н., священник. Лингвокультурологические аспекты миссионерской деятельности святителя Николая Японского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 171–181.

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокультурологических аспектов миссионерского служения архиепископа Николая (Касаткина) за время его пребывания в качестве руководителя Российской духовной миссии в Японии. Переводы текстов Священного Писания на язык обращаемого народа были главной задачей его миссионерского служения. Автор приходит к выводу, что переводы, осуществленные святителем, имеют научно-богословское и церковно-практическое значение.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Российская духовная миссия в Японии; святитель Николай Японский; миссионерская деятельность; перевод Священного Писания.

Одним из мало исследованных аспектов феномена русского православного миссионерства за рубежом является переводческая деятельность богослужения и священных текстов на язык обращаемого народа. Основной проблемой такого перевода является способность миссионера найти в новой культурной среде действенные

филологические средства для органичного усвоения туземцами начал новой веры.

Среди выдающихся переводчиков, чья деятельность связана с русской духовной миссией в Японии, особое место занимает архиепископ Николай (Касаткин), святитель Японский. Более 40 лет своей жизни он посвятил изучению культуры и языка японского народа, а результатом его переводческой деятельности стало создание 30-тысячной православной общины христиан-японцев в более чем 200 приходах. При нем в Японии было построено 182 храма (в том числе 8 соборов), открыта духовная семинария, женские школы, катехизаторское училище, издавалось 4 журнала, создано общество японцев-переводчиков для ознакомления японцев с русской литературой. Святитель Николай любил читать и знакомить свою паству с русской литературой, так как, по его глубокому убеждению, знание русской литературы важно для изучения культуры России. Благодаря трудам святителя Николая японцы открыли для себя мир русской литературы XIX века (А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др.) [1].

Святитель Николай при переводе русских авторов на японский язык применил лингвистические средства для последовательного соединения православного христианского вероучения с самобытной культурой японского народа с целью как можно более полного и скорого переноса догматических основ христианской веры в среду традиционного японского мировосприятия. Такой «культурный перевод» и переводческая деятельность в целом стали основным методом миссионерского служения святителя Николая.

Миссионерский перевод святителя, с лингвистической точки зрения, требовал решения задачи непрерывного и глубокого синтеза абсолютно несовпадающих географически и исторически друг с другом традиций библейско-христианской, национально-русской, национально-японской, конфуцианской и дальневосточной культуры. Такое сочетание религиозных и культурно-исторических смыслов христианской культуры в языковой среде японского народа обрело жизнь, как части их духовной традиции.

Сложностью изучения японского литературного языка и перевода на него является двусоставность: в нем природный японский и китайский языки сочетаются между собой, но не соединяются в одно целое. Разговорный японский включает множество родов,

китайских диалектов и вульгарной речи, в которые вплетаются китайские односложные слова. Разные способы письма, фонетические знаки, грамматические конструкции, совершенно не похожие одна на другую, сочетание форм, знаков, требующих детального и порой инстинктивного погружения в обороты разговорной и письменной речи [2].

Святитель Николай, приступая к изучению японского языка, понимал, что овладеть навыками японской и китайской письменности ему удастся только через детальное изучение и погружение в культуру и историю страны. И на это было потрачено много времени и труда, начиная с изучения азов японского языка в школе вместе с японскими детьми за одной партой. В дальнейшем архипастырь смог самостоятельно читать средневековую буддийскую литературу, недоступную для большинства японцев.

В глубоко самобытной духовной традиции Дальнего Востока святителю Николаю приходилось не только досконально изучать особенности японского и китайского языков, но знакомиться с историческими памятниками конфуцианской, буддийской и японской литературы. Находясь в среде восточной культуры, он понимал, что для верного понимания японского духа недостаточно изучение лишь одних внешних приемов и особенностей – следует уделить внимание изучению духовной литературы в ее историческом развитии. Вот как описывает святитель один из обычных этапов переводческого труда: «Употреблены все меры ясно уразуметь и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все лексиконы – каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом» [3, с. 417]. Это требовало от переводчика-миссионера наличия хорошего богословского и исторического образования и духовной интуиции.

С лингвистической точки зрения, перед миссионером-переводчиком стояла задача ввести в языковую среду новые лексические единицы, которые бы начинали жить своей жизнью в языковой и культурной среде японского народа. Результатом обширной переводческой деятельности, сопряженной с лингвистическими исследованиями, требующими весьма высокого интеллектуального уровня, стало появление новой лингвокультурной среды, которая

обогащала духовный опыт просвещаемого народа. Миссионер-переводчик выступал посредником между различными культурными традициями, объединяя их, чтобы, погружившись в новую для него языковую стихию, познать и прочувствовать мироощущение другого народа.

Благодаря работе русской миссии и ее бессменного руководителя японской культуре эпохи Мэйдзи стал доступен значительный корпус текстов православной традиции, восходящей к древней традиции христианского Востока. Эти тексты (гимнографические, догматические, проповеднические, дидактические) не являются простой суммой различных по происхождению и функциональности сочинений, их вероучительное и культурно-историческое единство обусловило их интертекстуальность, они насквозь пронизаны цитатами и аллюзиями, источником большинства из которых является Священное Писание. Интертекстуальность – один из факторов, влияющих на выбор исходного текста при миссионерском переводе [5] и усложняющих задачи переводчиков. Возникает «проблема корректной репрезентации интертекста» [2]: все тексты должны быть переведены как единый документ («гипертекст»), в противном случае в его бытовании будет утрачено очень важное качество – полнота, то есть утратится представление о единстве Священного Писания и Священного Предания. В случае, когда перевод осуществляется с различных по языку источников (а иногда это неизбежно), возникают серьезные лексические и смысловые несовпадения.

«Натурально желается, чтобы японец всякое слово Священного Писания, вошедшее в богослужение, нашел и собственными глазами видел в Библии; японцы же так охочи до того, и пытливость эта так законна», – отмечал святитель Николай [8, с. 117]. Иными словами, определенные фрагменты Библии, включенные в текст богослужения, переведенный с церковнославянского, не совпадают с теми же фрагментами в тексте Библии, переведенной с английского или русского. Между тем именно опора на библейский текст определяет глубину текста богослужения, его включенность в традицию. Несовпадение текстов приводит к разрыву единого смыслового поля, и технические, казалось бы, сложности перевода вызывают серьезные богословские и культурные («японцы охочи») проблемы.

Неоднократные затруднения при выборе исходного текста ставят миссионера-переводчика перед проблемой перевода богослужебных текстов на русский язык: славянский текст не расшифровывается, неясен. Об этом святитель писал: «Ныне идет 4-ая глава Октоиха; переводится целиком все, что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский или, по крайней мере, – приведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом простоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его...» [8, с. 56]. Проблема перевода Священного Писания и текста богослужения на русский язык не была специфически церковной, она была связана со многими явлениями русской общественной и культурной жизни начала и середины XIX века, и до наших дней является предметом острого обсуждения в церковных и внецерковных кругах [6, 7]. Объективная связь проблематики иноязычных и русских переводов православных текстов в миссионерской практике подтверждается причастностью ряда выдающихся миссионеров к общественной и церковной полемике по вопросу русской Библии.

Существенным филологическим аспектом миссионерской деятельности для святителя Николая был выбор языка перевода текстов Священного Писания. Этим языком для архипастыря и его помощников-миссионеров стал на тот момент официальный письменный литературный язык «бунго». Язык японского дворянства и самураев «бунго» вбирал в себя китайскую лексику и грамматику, что затрудняло понимание его для людей низших сословий. Однако этим святителю Николаю удалось удержать высокую планку языка перевода, дабы всячески избежать вульгарности и какого-либо просторечия. Несмотря на то что в области понимания текстов между образованными сословиями и простонародьем был весьма большой разрыв, в XX веке именно «бунго» стал языком православного богослужения в Японии.

В среде традиционной дальневосточной культуры перед миссионером-переводчиком стоит задача выбора лексики, необходимой для точного выражения богословских понятий, так как ошибочно выбранный словарный состав языка может неверно сориентировать новообращенных и привести к невозможности найти различия между конфуцианскими, буддистскими, синтоистскими и христианскими понятиями. Например, святитель Николай вся-

чески старался избегать таких слов, как: «дао» или «мити» при переводе слова «путь».

Однако если избегать использования уже имеющихся в языке лексем, перед переводчиком встанет непростая задача: либо в тексте прибегать к истолкованию и пояснению различных понятий, что, несомненно, может исказить исходный текст; либо обогащать словарный состав языка неологизмами, для более точной передачи смысла переводимого.

Чтобы достичь высокого качества переводимого текста, архиепископу Николаю приходилось активно привлекать к этой работе наиболее образованных японских переводчиков. Для проведения такой колоссальной работы необходим был сплоченный доверительный коллектив, так как качественный перевод текста требовал нескольких кругов проверки, а наиболее сложные места перевода – неоднократного уточнения и самого придирчивого исследования. Особое внимание уделялось семантическому единообразию переводимого слова в разных местах текста.

Однако несмотря на штат помощников, основная нагрузка по переводу текста ложилась на святителя Николая, так как он, обладая широким кругозором и академическим образованием, владея церковно-славянским, греческим, китайским, японским и основными европейскими языками, мог целостно видеть смысл переводимого текста [4, с. 95].

Результатом такой сложной лексикологической работы над переводом текста стал разработанный святителем Николаем на японском языке «Православный Богословский словарь», имеющий огромное научное, богословское и церковно-практическое значение.

Благодаря работе русской миссии для японцев стали доступны на родном языке гимнографические, догматические, проповеднические, дидактические тексты христианского Востока, пронизанные ссылками и цитатами Священного Писания, которые по своему происхождению и функциональности имеют вероучительное и культурно-историческое значение.

Переводы текстов Священного Писания и богослужебной литературы продолжались практически ежедневно около 40 лет: с 1871 года – официальный год основания Русской духовной миссии в Японии, по 1912 – год кончины архиепископа Николая. За это время на японский язык был полностью переведен Новый За-

вет, часть книг Ветхого Завета, включая Псалтырь и все тексты Ветхого Завета, используемые за богослужением. Из богослужебной литературы были переведены на японский язык Служебник, Требник, Часослов, Октоих, Постная и Цветная Триоди, Общая и Праздничная Минеи, Ирмологий [9].

Высокий уровень перевода Русской духовной миссией священных и богослужебных текстов на японский язык признавался представителями других христианских конфессий, открывших в то время в изобилии свои миссии в Японии. Выход в свет новых публикаций русского перевода с нетерпением ждали представители протестантских и католических церквей. Святитель Николай также проявлял интерес к переводам текстов Священного Писания других конфессий, поддерживая дружеские отношения с переводчиками как в стране восходящего солнца, так и в других странах Дальнего Востока.

За все это время успех Русской духовной миссии в Японии, несмотря на тяжелые условия и малое число помощников, стал возможен благодаря поддержке самих японцев, учеников святителя Николая Японского – проповедников, катехизаторов, учителей и священников. Современники свидетельствовали: «Святитель Николай желал, чтобы японцы сами создали свой духовный мир. <...> Нет сомнения в том, что широкая публика вокруг новоучрежденного им православного присутствия находилась под влиянием его духовности. Это влияние не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всем японском обществе, где оно сохраняется и по сей день» [10, с. 231].

Миссионерские переводы, осуществленные святителем Николаем за время его служения, – бесценный опыт и богатое культурное наследие, оставленное им Японии. Исключительность переводческих трудов святителя Николая обусловлена, с одной стороны, особенностями японской культуры, с другой стороны – свойствами личности миссионера: аскетизмом, чрезвычайной требовательностью к себе, собранностью и невероятной работоспособностью, которые сочетались с высокой образованностью, склонностью к научной деятельности и ярким литературным талантом.

Таким образом, даже краткий лингвокультурологический анализ миссионерских переводов святителя Николая Японского по-

звояет сделать вывод о том, что японскому архипастырю удалось найти необходимые филологические средства для того, чтобы в непростой культурной традиции японского народа посеять семя, которое, по слову Спасителя, «упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13, 8).

Проповедь святителя Николая Японского – уникальный пример успешного миссионерского служения, основанного на созидательной энергии самого японского народа. В поиске новых языковых единиц, в стремлении облечь в новую форму существовавшие прежде в иной культурной традиции смыслы, миссионерский перевод являет себя в качестве творческой, культуросозидающей формы деятельности.

Список литературы

1. *Акимова, А.С.* Святитель Николай Японский и Ф.М. Достоевский: исторические факты и их эпистолярные интерпретации / А.С. Акимова // Филологический журнал. – 2011. – № 1 (18). – С. 4–6.
2. *Вишнякова, О.Д.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах / О.Д. Вишнякова, Ю.А. Панькина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 71–80.
3. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 3 / сост. К. Накамура. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2004. – 896 с.
4. *Карташева, Н.В.* Культурологические аспекты миссионерских переводов святителя Николая Японского / Н.В. Карташева // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 90–103.
5. *Кошелева, Т.И.* Интертекстуальность в религиозном дискурсе / Т.И. Кошелева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – Вып. 47. – С. 75–77.
6. *Кравецкий, А.Г.* История церковнославянского языка в России : конец XIX–XX в. / А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : Языки рус. культуры, 2001. – 398 с.

7. *Лихачев, Д.С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли / Д.С. Лихачев // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви : сборник / сост. Н. Каверин. – Москва : Рус. Хронографъ, 2012. – 288 с.

8. *Николай Японский, свт.* Видна Божия воля просветить Японию : сб. писем / святитель Николай Японский ; ред.-сост. Г.Г. Гуличкина. – Москва : Изд-во Срет. мон-ря, 2009. – 336 с.

9. *Потапов, А.В.* Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского / А.В. Потапов // Духовное наследие равноапостольного Николая Японского : к столетию преставления : сб. тр. науч. конф. – Москва, 2012. – С. 152–160.

10. *Ушимару, П.Я., прот.* Японское православие и культура периода «Мэйдзи» / протоиерей Прокл Ясуо Ушимару // Тысячелетие Крещения Руси : материалы Междунар. церков.-ист. конф. Киев, 21–23 июля 1986 г. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1988. – С. 225–232.

UDC 2-762

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF THE MISSIONARY ACTIVITIES OF SAINT NICHOLAS OF JAPAN

Nikolai N. Kireev, Priest
PhD in Economics,
Research Fellow
Tambov Theological Seminary
Master's degree student
Area of study «Theology»
Major «Russian Spiritual Literature»
E-mail: okolianka@mail.ru

For citation: *Kireev, N.N., priest.* Linguistic and cultural aspects of the missionary activities of Saint Nicholas of Japan // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 171–181. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of linguistic and cultural aspects of the missionary service of Archbishop Nicholas (Kasatkin) during his stay as the Primate of the Russian spiritual mission in Japan. The translation of the texts of the Holy Scriptures into the language of the converted people was for Saint Nicholas the main task of missionary service. The author comes to the conclusion that the translations made by the Saint have scientific and theological and Church-practical significance.

Keywords: Russian Orthodox Church; Russian Spiritual Mission in Japan; Saint Nicholas of Japan; missionary activity; translation of the Holy Scriptures.

References

1. *Akimova, A.S.* Svyatitel' Nikolai Yaponsky i A.M. Dostoevsky: istoricheskie fakty i ikh epistilyarnye interpretatsii [Saint Nicholas of Japan and F. M. Dostoevsky: historical facts and their epistolary interpretations]. // *Philological journal*. 2011, no. 1 (18), pp. 4–6. (in Russian)
2. *Vishnyakova, O.D.*, Intertekstual'nye vklyucheniya v kognitivno-pragmaticheskom i perevodcheskom aspektakh [Intertextual inclusions in cognitive-pragmatic and translation aspects]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. 2014, no. 4, pp. 71–80. (in Russian)
3. *Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo* [Diaries of St. Nicholas of Japan]. in 5 vols., vol. 3. / comp. K. Nakamura. – St. Petersburg. : Hyperion, 2004, vol. 3. – 896 p. (in Russian)
4. *Kartasheva, N.V.* Kul'turologicheskie aspekty missionerskikh perevodov svyatitelya Nikolaya Yaponskogo [Cultural aspects of missionary translations of St. Nicholas of Japan]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. 2017, no. 1, pp. 90–103. (in Russian)
5. *Kosheleva, T.I.* Intertekstual'nost' v religioznom diskurse [Intertextuality in religious discourse]. // *Bulletin of Novgorod State University named after Yaroslav The Wise*, issue 47, 2008, pp. 75–77. (in Russian)
6. *Kravetsky, A.G., Pletneva A.A.* Istoriya tserkovno-slavyanskogo yazyka v Rossii : konets 19 – 20 v. [History of the Church Slavonic

language in Russia : the end of the 19th – 20th centuries]. Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov. Moscow: Languages of Russian culture, 2001. 398 p. (in Russian)

7. *Likhachev, D.S.* Russkii yazyk v bogoslužhenii i v bogoslovskoi mysli [Russian language in the service and in the theological thought]. // Church Slavonic language in the service of the Russian Orthodox Church: Collection / Comp. N. Kaverin. Moscow: Russian Chronograph, 2012. 288 p. (in Russian)

8. *Saint Nicholas of Japan.* Vidna Bozhiya volya prosvyatit' Yaponiyu : sbornik pisem [God's will to enlighten Japan is visible: collection of letters]. / Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2009, 336 p. (in Russian)

9. *Potapov, A.V.* Perevodcheskaya deyatel'nost' svyatogo ravnoapostol'nogo Nikolaya, arkhiepiskopa Yaponskogo [Translation activity of St. Nicholas, Archbishop of Japan]. Spiritual heritage of Nicholas of Japan: the centenary of the repose of: proceedings of the scientific conference. Moscow, 2012, pp. 152–160. (in Russian)

10. *Yasuo Ushimaru, archpriest.* Yaponskoe pravoslavie i kul'tura perioda «Meidzi» [Japanese Orthodoxy and culture of the Meiji period]. // Millennium of the Baptism of Russia. Proceedings of the International Church-historical conference. Kiev. July 21–23, 1986. – Moscow: Moscow Patriarchate Publishing House, 1988, pp. 225–232. (in Russian)

УДК 821.161.1

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ
В СТИХОТВОРЕНИИ
Н.А. НЕКРАСОВА «ДЕТСТВО»:
ДОГМАТИЧЕСКИЙ
И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Священник Дмитрий Николаевич Рожнов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии, направление подготовки
«Теология», профиль «Русская духовная
словесность»
E-mail: reverend@ro.ru

Для цитирования: *Рожнов, Д.Н., священник.* Христианские мотивы в стихотворении Н.А. Некрасова «Детство»: догматический и индивидуально-авторский аспекты // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 182–194.

Аннотация

В статье произведено сопоставление церковно-догматического и культурно-методологических подходов к изучению творчества русских писателей на примере Н.А. Некрасова. Анализируя стихотворение «Детство», автор приходит к выводу, что в этом произведении поэт, используя христианские мотивы и образы, закладывает в них индивидуально-авторское значение, которое не тождественно православному пониманию, вследствие чего в сознании читателей происходит искажение духовного смысла традиционных христианских образов и понятий.

Ключевые слова: Николай Некрасов; стихотворение «Детство»; христианские мотивы; «церковно-догматический» подход; «культурно-догматический» подход.

В последние десятилетия наблюдается устойчивое стремление отечественного литературоведения более глубоко и детально осмыслить взаимоотношения русской литературы и христианства, а точнее, Православия. Многие исследователи подчеркивают, что

евангельские ценности оказали огромное влияние на отечественную литературу, живопись, музыку, что позволяет говорить о русской православной культуре. Более того, русские писатели, художники, композиторы были истинными сынами своего народа. Многие из них, несмотря на внешний налет западной образованности, оставались русскими людьми с национальным менталитетом, что не могло не отразиться на их творчестве.

Данную точку зрения разделяет немало специалистов различных сфер искусства и культуры, в том числе литературоведов. Например, Г.В. Хомулло в своем диссертационном исследовании отмечает, что «перед современной филологией стоит задача продолжить традицию научного постижения текстов, имеющих религиозные корни. Благодаря усилиям литературоведов значительно расширен круг авторов, творчество которых ориентировано на православно-христианские ценности. И хотя у данного направления есть противники <...>, в ряде случаев без использования «библейского инструментария» художественный текст не прочитывается с позиций глубины авторского замысла» [13, с. 3].

В свою очередь, Е.В. Попова пишет, что «русская литература досоветского периода была построена на духе православия, «она вышла из православной купели» (И. Шмелев), христианские ценности являются ее духовным стержнем на протяжении почти тысячелетней истории существования» [10, с. 90]. На это указывал еще великий русский писатель Ф.М. Достоевский, а вслед за ним С.Н. Булгаков отмечал, что «в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности» [2, с. 32]. О том же говорят и многие современные литературоведы, такие как: М.А. Осанкина [9], Н.Н. Мостовская [8], И.А. Есаулов [4], Ю.В. Лебедев [5], С.Н. Макарова [6] и др.

В связи с этим следует выделить два методологических подхода к изучению творчества русских писателей. О.А. Бердникова условно их характеризует как «церковно-догматический», представителями которого она называет М.М. Дунаева и А.М. Любимудрова, и «культурно-догматический», к которому она относит В.Н. Захарова, И.А. Есаулова. Исследователь также сформулировала суть каждого метода. Апологеты церковно-догматической методологии «кладут в основание «критерия православности» явлений культуры «церковность» как явленную в самом художест-

венном тексте «соотнесенность героя и автора с Церковью как путем к спасению» (А. Любомудров)» [1, с. 4.].

Однако многих исследователей не устраивает такой подход, поскольку, по их мнению, он значительно сужает круг «истинно православных произведений и авторов» [1, с. 4.]. Приверженцы культурно-исторического подхода уверены, что «искать догматику в художественных произведениях – ошибочная затея с любых точек зрения» [1, с. 4.]. Например, В.Н. Захаров считает, что «церковность» может проявляться в отношениях писателя и его героев к ближним и дальним, друзьям и врагам, народу и Родине, в его концепции слова, человека, мира – в конечном счете, в отношении к Богу», то есть «православие – это образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа. В этом недогматическом смысле говорят о православной культуре и литературе, о православном человеке, народе, мире» (В. Захаров, 1998, с. 15)» [1, с. 4.].

Такая позиция действительно открывает перед исследователями интересные возможности для более глубокого изучения творчества русских писателей, да и приверженцы «культурно-догматического» методологического подхода приводят в свою пользу немало убедительных аргументов. Однако, на наш взгляд, в этом случае при анализе художественного произведения неизбежно происходит смещение акцентов. С одной стороны, оно может содержать христианские образы и мотивы, оперировать христианскими понятиями и критериями, использовать систему евангельских ценностей, но, с другой – при сохранившейся внешне форме из произведения изгоняется самый дух православия. Такое утверждение тем более справедливо для писателей, чья жизнь и творчество находились в сложных отношениях с «Церковью как путем спасения» (А. Любомудров), в частности, для русского поэта Н.А. Некрасова.

Анализируя его творчество, нельзя не отметить, что создатель поэмы «Кому на Руси жить хорошо» – это мятущаяся душа. Практически все исследователи подчеркивают двойственность натуры Некрасова. Одни видят причину внутреннего конфликта в его происхождении и обстоятельствах жизни, другие – в сочетании в нем двух природ – великорусской и украинской. Например, Н.Н. Скатов указывает, что «один из исследователей поэта написал когда-то работу «Великорусская стихия в личности Некрасова», а само-

го поэта рассматривал как ярчайшее и типичное выражение такой стихии, почти иллюстрацию к сформулированному Ключевским племенному характеру великоросса: предприимчивость, расчетливость, «значительная доля твердости», способность к «исключительному напряжению труда», замкнутость и сдержанность в выражении чувств: «Он (Ключевский) указывает только, что великоросс нередко кажется неискренним, двоедушным человеком, не будучи на самом деле таким: неискренность его и двоедушные чисто наружные» [12].

Однако в изучении творчества Некрасова нам ближе позиция сторонников церковно-догматического методологического подхода, которые считают, что двойственность поэта обусловлена поврежденностью человеческой природы грехом и борьбой со своим ветхим человеком. Некрасов, несомненно, был сильной, незаурядной личностью, на чью долю выпало немало жизненных испытаний и душевных терзаний, о чем свидетельствуют факты его биографии и воспоминания современников. Душе поэта были свойственны благородные порывы, любовь к русскому народу, сострадание к ближним и дальним, скромность и незлобие, однако, как и любого человека, чья природа от начала времен была уязвлена грехом, его обуревали страсти. Как справедливо сформулировал богослов и литературовед М.М. Дунаев, «ни у кого из великих русских поэтов не обнаруживается столь контрастного противоречия: между потребностью, искренней религиозной потребностью обрести душевный покой в обращении к Богу – и неотвязным стремлением побороть зло собственными волевыми революционными усилиями» [3].

Исследователь также отмечает, что подобная восприимчивость поэта к чужому страданию – это дар, который может быть послан только Богом, однако, к сожалению, поврежденная грехом человеческая природа не позволила Некрасову до конца правильно распорядиться своим талантом. Вместо того чтобы употребить его во славу своего Творца, Некрасов часто направлял его для популяризации революционных идей, и происходило это в силу того, что в очередной раз человек, наделенный Богом незаурядными способностями, искал выход из жизненной ситуации не в обращении к Источнику всего сущего, а пытаясь опереться на слабые человеческие силы.

Осознание же собственного бессилия трансформировалось в душе поэта в приступы неизбежной тоски и уныния. Об этом же говорит и М.М. Дунаев: «Быть может, именно страстное, нетерпеливое стремление избыть муку сострадания заставляло Некрасова так жадно искать спасения не в вере, а в разрушительном революционном воздействии на мир. Для веры ведь потребно терпение» [3]. Таким образом, по нашему мнению, именно в этом кроется причина двойственности натуры великого поэта, о котором говорили: «двойственный, но не двуликий», именно отсюда проистекает такая неоднозначность его творчества: смирение соседствует с гордыней, глубокое религиозное народное самосознание – с горячими бунтарскими призывами, а покаянные ноты вплетаются в революционную мелодию.

Вследствие этого представляется довольно сложным однозначно толковать художественные произведения поэта. Это отмечал и М.М. Дунаев: «...Некрасов оставляет возможность различного толкования его образов. Он как будто балансирует между двумя противоположными смыслами, какими можно наполнить его образы – а выбор предоставляет любому толкователю» [3].

Одним из ярких примеров этого может служить стихотворение Н.А. Некрасова «Детство» (1873). Интересный и глубокий анализ этого произведения предлагает исследователь Г.В. Мишина в своей диссертационной работе «Образотворческая триада детство – природа – храм в произведениях Н.А. Некрасова», однако, на наш взгляд, исследователь больше тяготеет к культурно-догматическому методологическому подходу.

Например, в произведении лирический герой, а точнее, героиня, вспоминает о своем детстве и о старой церкви, в которой служил ее отец – сельский священник и которую мы видим ее глазами. Г.В. Мишина отмечает: «В детском сознании еще нет научного строго логического понимания религии, поэтому дети не принимают веру в себя, а живут в ней. Такое мировоззрение или, скорее, мирозерцание, по мысли Некрасова, является преимуществом лишь людей, по-детски наивных, не испорченных сытостью и праздностью» [7, с. 51]. Таким образом, согласно замыслу поэта, восприятие лирической героини можно считать непосредственным и непредвзятым. В интерпретации Мишиной «опустевшая

старая церковь в изображении Некрасова едва ли не более священна, чем новая (о новом храме повествуется во второй части стихотворения). В ней царит особая, намоленная пустота» [7, с. 53], и далее исследователь поясняет: «Православному христианину важны душевные силы, вложенные в вещь. В религиозной культуре есть понятие намоленности, относящееся к святыням. Намоленной называют икону, к которой обращались поколения верующих и которая действительно дарила избавление. Запечатленные лики святых, как и храмы, обладают способностью сублимировать страдание в благодать» [7, с. 53]. С последним утверждением нельзя не согласиться, однако использование церковно-догматического методологического подхода при анализе стихотворения «Детство» приводит нас к другим выводам.

В этом произведении не чувствуется умиротворения, характерного для религиозной лирики, нет также ощущения присутствия в храме высшей животворящей силы. Из контекста стихотворения невозможно до конца понять, для чего поэт обращается к образу старого, разрушающегося храма: либо для того, чтобы подчеркнуть тяжелое положение крестьян, которые ничем не могли помочь церкви, где они отмечали самые значимые события своей жизни: рождение и смерть, Причащение и Венчание; либо в бедственном положении храма отразилось их утилитарное отношение к дому Божию, то есть они видели в нем только место для совершения необходимых обрядов – подобное явление также можно было наблюдать в крестьянской среде в XIX столетии [11]. Как бы то ни было, из стихотворения «Детство» следует: несмотря на то что «угрожает обрушиться старое, ветхое здание», радикальных мер прихожане не предпринимали:

*Часто они совещались,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками
...
Синее небо виднелось
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал...*

Вообще, описывая храм, поэт не скупится на эпитеты с уничижающим значением («убогую», «неровную», «серую», «старое», «ветхое», «бедную»), а также использует соответствующее им сравнение («словно больной, от которого врач отказался, оставлено времени старое здание»), что формирует в читательском восприятии негативную картину, в центре которой запустелый дом Божий.

Лирическая героиня также вспоминает, как проникавший через ветхий купол дождь стекал по иконам святых:

*И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали...*

Г.В. Мишина интерпретирует это воспоминание как «предвосхищение и осуществление чуда. Настенное изображение угодников одушевляется и оживляется в сознании девочки» [7, с. 55]. Девочка испытывает страх при виде того, как перед ней «выступают», то есть визуально приближаются явления горнего мира.

Чувство страха, даже ужаса при столкновении обычного человека с проявлением присутствия Создателя в нашем мире, выраженное в сверхъестественных явлениях, чудесах, – это нередкое явление, но в духовной практике оно обычно также сопровождается благоговением, а в неиспорченных душах – радостью, восторгом, ликованием. Однако в чистой детской душе лирической героини чудо по непонятной причине вызывает совсем другие чувства. Проявившиеся лики святых уподобляются героиней вторжению чужих людей:

*Боялась я, –
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые
С мрачными, строгими лицами...*

Поэт использует эпитеты: «незнакомые», «мрачные», «строгие», – которые несут отрицательный оттенок, при этом усили-

вает негативное впечатление сравнением («словно в семью нашу мирную... вошли...») и антитезой («семья наша мирная» – «люди незнакомые»).

Далее эта антитеза подкрепляется другим противопоставлением:

*И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского, –
Песня сурового пахаря!*

В этих строчках примечательно то, что, хотя «песня сурового пахаря» наполнена «житейским горем», Некрасов подбирает для нее эпитет «звонкая» и динамичную метафору «вторгалася», в то время как для «церковного гимна» поэт находит другое определение «заунывно-печальное», что расставляет акценты и, вероятнее всего, свидетельствует о вполне определенных симпатиях и антипатиях автора. Именно здесь кроется причина негативного восприятия юной лирической героиней образов святых угодников: автор незаметно отклоняется от принципа реалистического изображения, сторонником которого себя позиционировал, и незаметно подменяет взгляд литературного персонажа собственным пристрастным, оценочным взглядом. Будучи увлечен своей «правдой жизни», поэт не замечает явного алогизма: «горе житейское сурового пахаря» несовместимо со «звонкой песней», поскольку эпитет «звонкий» прочно ассоциируется с радостью, молодостью и оптимизмом. А это уже категории той будущей счастливой жизни, которую автор желал бы для своего народа, но уже не связывал с православной верой и храмом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в стихотворении «Детство», как и во многих других произведениях Н.А. Некрасова, социально-политическая проблематика превалирует над духовно-нравственной. Стремление обосновать справедливость революционного пути в решении сложных проблем российской действительности подталкивало автора к намеренной подмене понятий и перемещению смысловых акцентов. Так, поэт активно использует христианские мотивы и образы: мотив чуда, образ храма и образ священника. Однако привнесенное Н.А. Некрасовым

новое их понимание конфликтует с привычным значением, принятым в православной культуре, вследствие чего в сознании читателей происходит искажение духовного смысла традиционных христианских образов и понятий.

Список литературы

1. *Бердникова, О.А.* Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бердникова Ольга Анатольевна. – Воронеж, 2009. – 40 с. – Место защиты : Воронеж. гос. ун-т.

2. *Булгаков, С.Н.* Героизм и подвижничество : (из размышлений о религиоз. природе рус. интеллигенции) / С.Н. Булгаков // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции. – Репр. воспр. изд. 1909 г. – Москва : Новости, 1990. – С. 23–70.

3. *Дунаев, М.М.* Николай Алексеевич Некрасов / Дунаев, М.М. // Азбука веры : православ. энцикл. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (дата обращения: 07.04.2020).

4. *Есаулов, И.А.* Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов ; Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 287, [1] с.

5. *Лебедев, Ю.В.* Мотивы христианской гражданственности в поэзии Н.А. Некрасова / Ю.В. Лебедев // Н.А. Некрасов: современное прочтение : к 180-летию со дня рождения рус. нац. поэта : материалы межвуз. науч. конф., Кострома, 5–6 дек. 2001 г. – Кострома : Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2002. – С. 4–16.

6. *Макарова, С.Н.* Идеал человека в лирике Н.А. Некрасова в свете православной традиции : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Макарова Светлана Николаевна. – Ульяновск : Ульянов. гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2012. – 218 с.

7. *Мишина, Г.В.* Образотворческая триада детство – природа – храм в произведениях Н.А. Некрасова : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мишина Гали-

на Витальевна. – Ижевск, 2007. – 22 с. – Место защиты : Удмурт. гос. ун-т.

8. *Мостовская, Н.Н.* Храм в творчестве Некрасова / Н.Н. Мостовская // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 194–202.

9. *Осанкина, В.А.* Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Осанкина Валентина Алексеевна. – Екатеринбург, 2001. – 34 с. – Место защиты : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького.

10. *Попова, Е.В.* Ценностный подход в изучении литературы / Е.В. Попова // Русская литература. – 1997. – № 7. – С. 90–94.

11. *Розов, А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни / А.Н. Розов. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2003. – 255 с.

12. *Скатов, Н.Н.* Некрасов / Скатов Николай Николаевич // ЛитМир : электрон. б-ка. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=91591&p=1> (дата обращения: 15.04.2020).

13. *Хомулло, Г.В.* Лирика А. Н. Майкова : литературно-художественные аспекты православно-христианских воззрений поэта : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хомулло Галина Викторовна ; Дальневост. гос. ун-т. – Уссурийск, 2009. – 199 с.

UDC 821.161.1

**CHRISTIAN MOTIFS IN
N. A. NEKRASOV'S POEM «CHILDHOOD»:
DOGMATIC AND INDIVIDUAL
AUTHOR'S ASPECTS**

Dmitry N. Rozhnov, Priest
Master's degree student
Tambov Theological Seminary
Area of study «Theology»
Major «Russian Spiritual Literature»
E-mail: reverend@ro.ru

For citation: *Rozhnov, D.N., priest.* Christian motives in N.A. Nekrasov's poem «Childhood»: dogmatic and individual author's aspects // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 182–194. (in Russian)

Abstract

The article compares Church-dogmatic and cultural-dogmatic methodological approaches to the study of the creativity of Russian writers on the example of N. A. Nekrasov. Analyzing the poem «Childhood», the author comes to the conclusion that in this work the poet, using Christian motives and images, lays in them an individual author's meaning, which is not identical to the Orthodox understanding, as a result of which the spiritual meaning of traditional Christian images and concepts is distorted in the minds of readers.

Keywords: Nikolai Nekrasov; poem «Childhood»; Christian motives; «Church-dogmatic» approach; «cultural-dogmatic» approach.

References

1. *Berdnikova, A.A.* Antropologicheskie khudozhestvennyye modeli v russkoi poezii nachala 20 veka v kontekste khristianskoi dukhovnoi traditsii [Anthropological and artistic models in the Russian poetry of the early 20th century in the context of the Christian spiritual tradition]. Extended abstract of the Doctoral (Philology) dissertation. – Voronezh, 2009. – 40 p.

2. *Bulgakov, S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo : (iz razmyshlenii o religioznoi priropde russkoi intelligentsia) [Heroism and asceticism : (from reflections on the religious nature of Russian intelligentsia)]. / S.N. Bulgakov // Milestones: collection of articles about Russian intelligentsia. – Moscow: Novosti, 1990, pp. 23–70. (in Russian)

3. *Dunaev, M.M.* Nikolay Alekseevich Nekrasov [Nikolay Alekseevich Nekrasov]. / Dunaev M. M. // Azbuka Vera: orthodox Encyclopsdia. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (Accessed: 07.04.2020).

4. *Esaulov, I.A.* Kategoriya sobornosti v russkoi literature [Category of sobornost in Russian literature]. / I. A. Esaulov; Petrozavodsk State University. – Petrozavodsk: Publishing house of Petrozavodsk State University. 1995. – 287, [1] p. (in Russian)

5. *Lebedev, Yu.V.* Motivy khristianskoi grazhdanstvennosti v poezii N.A. Nekrasova v svete pravoslavnoi traditsii [Motives of Christian civic consciousness in N.A. Nekrasov's poetry]. / Yu.V. Lebedev // N.A. Nekrasov: modern reading : to the 180th anniversary of the birth of the Russian national poet: proceedings of the Interinstitutional scientific conference, Kostroma, 5–6 Dec. 2001–Kostroma : Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, 2002, pp. 4–16. (in Russian)

6. *Makarova, S.N.* Ideal cheloveka v lirike N.A. Nekrasova v svete pravoslavnoi traditsii [Ideal of a person in the lyrics of N.A. Nekrasov in the light of the Orthodox tradition]. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. / Makarova Svetlana Nikolaevna. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, 2012, 218 p. (in Russian)

7. *Mishina, G.V.* Obrazotvorcheskaya triada detstvo – priroda – khram v proizvedeniyakh N.A. Nekrasova [The image-making triad childhood-nature-temple in the works of N. A. Nekrasov]. Extended abstract of the Cand. Sci. (Philology) Dissertation / Mishina Galina Vitalievna. – Izhevsk, 2007. – 22 p. (in Russian)

8. *Mostovskaya, N.N.* Khram v tvorchestve Nekrasova [The temple in the works by Nekrasov]. / N.N. Mostovskaya // Russian Literature. – 1995, no. 1, pp. 194–202. (in Russian)

9. *Osankina, V.A.* Bibleisko-evangel'skaya traditsiya v estetike i poezii russkogo romantizma [Biblical and Evangelical tradition in the

aesthetics and poetry of Russian romanticism]. Extended abstract of the Doctoral (Philology) Dissertation. / Osinkina Valentina. – Yekaterinburg, 2001. – 34 p. (in Russian)

10. *Popova, E.V.* Tsennostnyi podkhod v izuchenii literatury [Value approach in the study of literature]. / E. V. Popova // Russian Literature. – 1997, no. 7, pp. 90–94. (in Russian)

11. *Rozov, A.N.* Svyashchennik v dukhovnoi zhizni russkoi derevni [Priest in the spiritual life of the Russian village]. / A.N. Rozov. Saint Petersburg: Alteya, 2003. 255 p. (in Russian)

12. *Skatov, N.N.* Nekrasov [Nekrasov]. / Skatov Nikolay Nikolaevich // Litmir: electronic library. (in Russian). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=91591&p=1> (Accessed: 15.04.2020).

13. *Khomullo, G.V.* Lirika A.N. Maikova : literaturno-khudozhestvennye aspekty pravoslavno-khristianskikh vozzrenii poeta [A.N. Maykov's lyrics: literary and artistic aspects of Orthodox Christian views of the poet]. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. / Khomullo Galina Viktorovna; Far Eastern State University. -Ussuriysk, 2009. – 199 p. (in Russian)

УДК 808.1

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕДАГОГА И ОРАТОРА РАННЕЙ ВИЗАНТИИ – ЛИБАНИЯ

Алленова Инна Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,

проректор по учебной работе

Тамбовской духовной семинарии

E-mail: all-inna@yandex.ru

Для цитирования: Алленова, И.В. Литературное наследие педагога и оратора ранней Византии – Либания // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 194–206.

Аннотация

Статья посвящена анализу литературного наследия оратора и преподавателя ранней Византии Либания, которое представляет собой большой кор-

пус материалов: речи, учебные риторические декламации, школьные сочинения и письма. Сохранность письменных источников создает уникальную возможность изучать разнообразные стороны жизни восточно-римского общества, его идеологию и культуру. Автор делает вывод, что труды оратора, в которых соединяются общественная злободневность и субъективность, помогают разобраться в сложных процессах перехода общества от языческого мировоззрения к христианскому.

Ключевые слова: оратор; Либаний; ранняя Византия; письма; речи; литературное наследие.

Либаний – известный оратор и учитель эпохи поздней античности и ранней Византии. В ранневизантийскую эпоху он стал «последним ритором языческой античности», учителем красноречия для многих последующих поколений [8, с. 55]. В частности, именно у него учился риторике великий учитель Церкви святитель Иоанн Златоуст, которого Либаний считал своим лучшим учеником.

Он является представителем эпохи возрождения греческой литературы – «Второй Софистики». Термин «вторая софистика» в научный оборот ввел Филострат Афинский – софист рубежа II–III веков. Этим понятием обозначали период греческой культуры с середины первого до середины третьего века, однако многие риторы творили и в более поздние времена, и Л. Перно для четвертого века предложил термин «третья софистика» [15, с. 9]. Но новый термин не получил достаточной известности в исследовательской литературе, и Либания и других авторов IV века продолжают причислять к «софистам второй волны».

Жизнь Либания была насыщена событиями: взлетами и падениями, завистью и покровительством влиятельных друзей. Одно время он даже имел должность официального оратора Константинополя, однако истинной любовью для него стала риторика и большую часть своей жизни он работал преподавателем в Антиохии в Сирии. Наиболее подробно биография Либания изложена в работе Дж. Винтгеса [16]. Либаний прославился как учитель, влюбленный в риторику. В одном из писем, рассуждая об искусстве красноречия, он сравнивает профессию оратора с другими профессиями своего времени и приходит к выводу, что лучше должности ритора профессии не найти, вследствие этого молодые люди должны не

ленился, а изучать риторику. Либаний писал: «Как творить великодушные над молодыми людьми и совершенствовать риторику и идти по различным жизненным путям! А как насчет почестей, получаемых от них и их отцов, от граждан и иностранцев? Учителей риторики уважают все правители, маленькие и великие, и даже императоры» (23) [4]. Безусловно, высшее образование имело ценность и в античном обществе. Интересное замечание о высшем образовании в Римской империи делает О. Гордиевич. Он пишет, что преподаватели риторики, которым государство выплачивало жалование, получали звание «Профессор», а студенты, которые прослушали курс риторики, становились людьми с законченным высшим образованием [2, с. 19]. К тому же, в поздней Римской империи нивелируются понятия «софист» – учитель мудрости, и «ритор» – учитель красноречия [10]. Таким образом, мы можем говорить о важности или даже о необходимости получения риторического образования юношами для успешного карьерного роста.

Оратор Либаний оставил огромное литературное наследие, большая часть из которого сохранилась. До нашего времени дошли 64 речи, учебные риторические декламации (прогимназмы), в число которых входит коллекция школьных сочинений и декламации на вымышленные темы – всего 144, написанная в зрелые годы автобиография «Моя жизнь, или О моей судьбе», и 1544 письма. Как справедливо считает Г.Л. Курбатов, сохранность этого литературного наследия позволяет нам создать «целостный комплекс сведений о многих сторонах жизни восточно-римского общества, его идеологии и культуры» [8, с. 56]. Однако, большой корпус наследия оратора долго не находил своих исследователей, и в научный оборот труды Либания были введены достаточно поздно. Первым исследователем, сделавшим перевод речей этого выдающегося ритора, был С. Шестаков [4]. Следующее обращение исследователей к творчеству Либания произошло только через полвека: в 60-е годы фрагменты автобиографии оратора перевел М. Грабарь-Пассек [3].

Однако уже С. Шестаков обоснованно предполагал, что, несмотря на обширное наследие и заслуги Либания для ранневизантийского периода, к его творчеству обращаться будут нечасто: для историков в сочинениях ритора слишком много ненужной информации, а для филологов препятствием станет искусственность стиля, запутанные фразы и вычурные высказывания [4, с. 2]. Ис-

следователь оказался прав, историки обратились к наследию лишь в 60-е годы XX века, тогда труды Либания начали изучать только с позиции социально-экономического развития общества и общественно-политической мысли позднеантичного периода [5, 6, 10]. В XXI веке наследие ритора привлекло внимание исследователей с точки зрения педагогического опыта. А.М. Болгова в своей монографии, посвященной ранневизантийской высшей школе, затрагивает опыт работы Либания в качестве преподавателя. В монографии собран богатейший материал о деятельности преподавателей ранневизантийской эпохи, об особенностях работы высшей школы, о проблемах набора абитуриентов, о разнице в методах обучения на разных уровнях образования, о воспитательном процессе, а также о личной жизни преподавательского состава и взаимоотношениях между ними и студентами [1].

Возвращаясь к литературному наследию, хочется остановиться отдельно на каждом жанре, использованном Либанием.

Конечно, основной пласт наследия составляют публичные речи оратора. Они отражают реакцию Либания на происходящие вокруг события. Во многих речах он обращался к императорам. Девять речей (с 12 по 18, 24 и 37) обращены к Юлиану Отступнику, в них оратор поддерживает изменения религиозной политики императора, рассуждает об ответственности власти за судьбы простых людей. В 30-й речи, адресованной императору Феодосию, оратор выступает против разрушения языческих храмов, а в 59-й речи хвалит императоров Констанция II и Констанца за терпимость в отношении язычников. Ряд речей написаны, как говорится, на злобу дня, в частности, 19–23 речи посвящены восстанию антиохийцев в 387 году, 60-я речь описывает последствия пожара в храме Аполлона в Дафне, 61-я – ужасы землетрясения в 358 году в городе Никомедия. Были у Либания и речи-диалоги: например, «Защита Сократа» является своеобразным ответом на другую речь «Обвинение Сократа», написанную софистом Поликратом. Вообще публицистические речи Либания пользовались большой популярностью, на информацию, содержащуюся в них, откликались, и даже были случаи, когда упомянутые в речах чиновники, заподозренные в злоупотреблениях, лишались своих постов.

Большой корпус наследия относится к жанру учебных риторических декламаций (прогимнастов): это упражнения для

школьников, в которых оттачивались разные литературные фигуры речи, они писались на злободневные темы, включали в себя анекдоты, рассказы, описания и сравнения. Либаний с почтением относился к ораторам прошлого. Он изучал труды Демосфена, устанавливал авторскую аутентичность сохранившихся трудов древнего оратора, написал биографию Демосфена и даже создал переложение его речей.

Обособленно стоит автобиография оратора, которую он писал в глубокой старости. Ретроспективный взгляд оратора позволяет исследовать не только событийную сторону жизненного пути Либания, но и его мировоззрение и переживания.

Наименьшего внимания удостоились письма ритора. Эпистолярное наследие оказалось в стороне от пристальных взглядов исследователей, хотя оно показывает более личное отношение к происходящим событиям. Только в XXI веке несколько исследователей обратились к его письмам. Вместе с тем письма Либания представляют собой не только важный исторический источник, но и интересны с филологической точки зрения. Возможно, игнорирование исследователями этого пласта литературного наследия оратора связано с неудачным их изданием. Впервые 1544 письма были опубликованы в 1738 году Дж. К. Вольфом, но тексты не пользовались популярностью. В 1903 году в издании Фёрстера письма были изданы вновь, правда, на этот раз был использован более удачный шрифт, что позволило исследователям активнее обращаться к этому корпусу литературного наследия Либания. В том же издании на французский язык были переведены 100 писем, касающихся образования. Переводы отдельных писем мы встречаем в работах разных исследователей, согласно тематике их трудов.

Эпистолярное наследие Либания очень важно для получения представления о его личности, оно более широко раскрывает внутренний мир оратора, чем речи. Важная особенность этих писем заключается в том, что они не носят личного характера и не направлены только адресату. Наоборот, оратор явно планировал публикацию писем или же хотел их использовать при написании автобиографии, однако подозревать Либания в манипулировании реальностью, как об этом пишет Р. Кривиоре, на наш взгляд, неправомерно. Во избежание субъективности Р. Кривиоре предлагает интерпретировать письма (когда это возможно) в сочетании

с другими работами автора, хотя отмечает, что найти согласованность в произведениях Либания сложно [12].

Действительно, расположить письма в сопоставлении с другими текстами, чтобы понять смысл, который им придает автор, не представляется возможным. Затруднительно определить значимость, которую они имели для своих получателей (непосредственных адресатов), для их знакомых, которым эти письма могли быть показаны как произведения искусства, или из-за любви к риторике, или из желания похвастаться знакомством и даже перепиской с известным ритором, а также для последующих читателей, у которых могла оказаться коллекция писем Либания после его смерти.

Кроме того, необходимо учитывать, что литературные письма – это не только письменный диалог между автором и адресатом, в этом процессе мог участвовать посыльный, которому автор мог поручить уточнять или дополнять содержание письма «на словах». Сам Либаний понимал и никогда не скрывал, что его письма носят публичный характер, а значит, мы должны учитывать значение писем для отдаленной аудитории, которая не посвящена в подтекст письма. Поэтому, несмотря на то, что в наших силах восстановить текст письма, время его написания, выяснить, что повлияло (или кто повлиял) на литературные или философские идеи, высказанные в нем, понять истинный замысел автора мы сможем лишь частично. Для понимания имеют значение всевозможные нюансы, например, смысл, который древние вкладывали в какую-нибудь пословицу, или современное для их времени разговорное выражение, или даже личную шутку, имеющую хождение только между автором письма и адресатом, и понимаемую только ими. Все это не позволяет нам до конца постичь смысл посланий.

Современному читателю необходимо понимать, что литературное письмо соединяет в себе два начала: с одной стороны, это пересказ событий реальной жизни, который несет в себе определенное функциональное значение, даже документальность, а с другой стороны, письмо есть результат литературного творчества, произведение искусства. Это довольно тонкий баланс, который необходимо соблюдать при изучении такого наследия. В добавок, письма Либания представляют собой еще и симбиоз публичной и частной переписки, поэтому важна реакция на эти письма адресатов, кото-

рые часто обнародовали письма и говорили о неспособности ответить автору на таком высоком уровне. Сам оратор явно гордился своим творчеством, но до сих пор неизвестно, опубликовал ли он свои письма или нет. Более глубоко вопрос об издании коллекции писем Либания изучали О. Сик, Дж. Винтьеса [14, 16]. С другой стороны, в письмах явно присутствует личный взгляд на окружающую действительность, причем, в отличие от речей, письма содержат более непосредственную реакцию на события.

При изучении эпистолярного творчества Либания возникает вопрос о самом методе написания писем. Вполне вероятно, что автор диктовал большинство своих писем секретарю, а не писал собственноручно. Римский ритор IV века Юлий Виктор подмечает, что, как правило, древние писали своими руками только тем адресатам, кого лично знали и были душевно привязаны к ним, в отношении остальных просто добавляли приписку. Традиционно считается, что Цицерон имел привычку сам писать письма только близким людям, Аммиан Марцеллин (15.1.3) говорит, что Констанций подписывал свои письма словами «вечность моя», а себя называл «владыка всего круга земного», но непонятно, писал ли он своей рукой только подписи или целые письма.

Либаний тоже подписывал свои письма друзьям, но неизвестно, делал ли он то же самое со всеми корреспондентами. В некоторых письмах встречается обычное «прощание», например, в письме к другу Акасию (Ер. 1223.1), а в одном из писем Либаний даже раскрывает свой процесс приготовления к написанию писем. Он говорит, что собирается писать ручкой на папирусе, который перед ним (Ер. 1456). Однако соответствует ли это реальности или является просто красивой метафорой, выяснить невозможно.

В его письмах есть традиционные для таких посланий вещи (просьбы, выражение настроения), а есть особенные, которые в обычных письмах встречаются очень редко (элегантные, продуманные автором концовки). С другой стороны, некоторые традиционные эпистолярные темы в его переписке появляются редко, например, обычное пожелание здоровья возникает только тогда, когда автор знает о реальном состоянии здоровья получателя, и часто эта тема превращается в рассказ о состоянии здоровья самого Либания. Другой постоянной темой является жалоба на отсутствие новостей. Причин тому несколько: во-первых, нежелание

адресатов отвечать оратору, это могло быть по разным причинам, например, когда оратор искал спонсоров для своих учеников, многие адресаты игнорировали его письма; во-вторых, многие адресаты не имели ни должного образования, ни навыка красивого риторического стиля, что тоже не способствовало переписке; а в-третьих, банальная потеря писем во время транспортировки, вероятно, тоже была обычным делом в древности. Либаний с юмором описывает эти проблемы, например, утрату корреспонденции превращает в удивительные приключения письма (Ер. +865).

Либаний вел обширную переписку с известными лицами: например, с историком Аммианом Марцеллином и оратором Фемистием. Однако большая часть писем была связана с его работой и касалась непосредственно его деятельности: это реклама школы, руководителем которой он был. В них он рассказывал о качестве своего обучения, о формах и методах, применяемых в его школе. Другая часть была направлена на поддержку контактов с семьями своих учеников, как нынешних, так и бывших. Несколько писем адресовано другим учителям.

Основной массив писем все-таки относится к образованию, в них автор размышляет над проблемами педагогики, учителей и студентов, в частности, затрагивает вопросы воспитания и самостоятельности школьного образования. Либаний описывает методику обучения и учебные программы, используемые в его школе, затрагивает вопросы об организации школы, дидактических методах и связи между обучением и будущими профессиями своих учеников [13]. Эти документы являются уникальным явлением древности. Тем не менее сложно разделить письма на четко определенные эпистолярные категории. Чаще всего они выполняют не только одну коммуникативную функцию, а несколько открытых или скрытых функций. Например, в письмах, адресованных родителям какого-нибудь молодого человека, затрагиваются вопросы, касающиеся непосредственно объекта, его родителей или опекунов, а также упоминаются другие родственники или друзья семьи, которые знают ученика. Да и вообще существует постоянная взаимосвязь между Либанием – ритором и Либанием-учителем. В письмах постоянно соприкасаются представитель искусства риторики и преподаватель, отдающий всего себя воспитанию и образованию.

Таким образом, мы можем сказать, что литературные письма Византийского оратора IV века Либания представляют интерес для исследователей. Оратор жил в сложную, переходную эпоху – в эпоху смены парадигм. Он был невольным участником колоссальных государственных изменений: развала Римской империи и формирования Византийского государства. В период его жизни происходила смена религии: язычество отмирало, а христианство набирало популярность среди населения новой империи. Литературные письма оратора, в которых соединяются общественная злободневность и субъективность, публичность и личные чувства, как никакие другие источники, помогают лучше разобраться в процессах сложной, переходной эпохи от языческого мировоззрения к христианскому.

Список литературы

1. *Болгова, А.М.* Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы / А.М. Болгова. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 404 с.
2. *Гордиевич, О.* Высшее образование в Риме во времена императоров : речь, произнес. на торжеств. акте Коллегии Павла Галагана 1 окт. 1893 г. воспитателем и преп. греч. яз. О. Гордиевичем / О. Гордиевич. – Киев : тип. И.И. Чоколова, 1894. – 21 с.
3. Поздняя греческая проза / пер. с древнегреч. под ред. М. Грабарь-Пассе ; сост., вступ. ст. и прим. С. Поляковой. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1960. – 696 с.
4. Либаний. Речи / Либаний ; пер. С.П. Шестакова : в 2 т. – Казань : [б. и.], 1912–1916. – 2 т.
5. *Курбатов, Г.Л.* К вопросу о «хулящих бога» и восстании 387 г. в Антиохии / Г.Л. Курбатов // Древний мир : сб. статей, посвящ. В.В. Струве. – Москва : Изд-во восточ. лит., 1962. – С. 572–578.
6. *Курбатов, Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.) / Г.Л. Курбатов ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. – 284, [2] с.
7. *Курбатов, Г.Л.* Риторика / Г.Л. Курбатов // Культура Византии IV – первой половины VII века. – Москва : Наука, 1984. – С. 334–338.

8. Курбатов, Г.Л. Ранневизантийские портреты : к истории обществ.-полит. мысли / Г.Л. Курбатов. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 274 с.

9. Марцеллин Аммиан. Римская история / Марцеллин Аммиан ; пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Алетея, 1996. – 576 с.

10. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. В 4 вып. Вып. 3 / Фридрих Любкер ; пер. О-ва классических филологии и педагогики ; под ред. А.И. Георгиевского и др. – Санкт-Петербург, 1884. [2], 901–1346 с.

11. Сюзюмов, М.Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. / М.Я. Сюзюмов // Ученые записки Уральского государственного университета. – Свердловск, 1952. – Вып. 11. – С. 84–134.

12. *Cribiore, R.* The school of Libanius in late antique Antioch / R. Cribiore. – Princeton University Press, 2007. – 360 p.

13. *Cribiore, R.* Libanius the Sophist: Rhetoric, Reality, and Religion in the Fourth Century / R. Cribiore. – London, 2013. – 323 p.

14. *Seeck, O.* Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet / O. Seeck. – Repr. 1906. – Hildesheim, 1967. – 506 p.

15. *Pernot, L.* La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain / Laurent Pernot. – Paris : Institut des Études augustiniennes, 1993. – 879 p.

16. *Wintjes, J.* Das Leben des Libanius / J. Wintjes. – Rahden, 2005. – 303 p.

UDC 808.1

LITERARY HERITAGE OF LIBANIUS, THE TEACHER AND ORATOR OF EARLY BYZANTIUM

Inna V. Allenova

PhD in History,

Associate Professor,

Vice-rector for Academic Affairs

Tambov Theological Seminary

E-mail: all-inna@yandex.ru

For citation: *Allenova, I.V.* Literary heritage of Libanius, the teacher and orator of Early Byzantium // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 194–206. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the literary heritage of Libanius, an orator and teacher of Early Byzantium, which is a large body of materials: speeches, educational rhetorical recitations, school essays and letters. The preservation of written sources creates a unique opportunity to study various aspects of the life of Eastern Roman society, its ideology and culture. The author concludes that the speaker's works, which combine social topicality and subjectivity, help to understand the complex processes of society's transition from a pagan worldview to a Christian one.

Keywords: orator; Libanius; Early Byzantium; letters; speeches; literary heritage.

References

1. *Bolgova, A.M.* Rannevizantiiskie portrety: ritory, sofistyy, filosofyy [Early Byzantine portraits: rhetoricians, sophists, philosophers]. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2018. – 404 p. (in Russian)

2. *Gordiyevich, O.* Vysshee obrazovanie v Rime vo vremena imperatorov: rech', proiznesennaya na torzhestvennom akte Kollegii Pavla Galagana 1 oktyabrya 1893 g. vospitatelem i prepodavatelem

grecheskogo yazyka O. Gordievichem [Higher education in Rome during the time of the emperors: speech, delivered for the celebrations act of the Collegium of Pavel Galagan on October 1st 1893 by educator and teacher of the Greek language O. Gordievich]. Kiyev, I.I. Chokolov Publishing house, 1894. – 21 p. (in Russian)

3. Pozdnyaya grecheskaya proza [Late Greek prose]. / translated from Old Greek under editorship of M. Grabar'-Passe, Moscow : State Publishing house Fiction. 1960, 696 p. (in Russian)

4. Libanius Rechi [Speeches]. / translated by S.P. Shestakov: in 2 vols. Kazan', 1912–1916, vol. 2 (in Russian)

5. *Kurbatov, G.L.* K voprosu o «khulyashchikh boga» i vosstanii 387 g. v Antiokhii [To the question of «God blaming» and the uprising of 387 in Antiochia]. // *Amcient world: collection of works dedicated to V.V. Struve.* Moscow, Publishing House eastern Literature, 1962, pp. 572–578. (in Russian)

6. *Kurbatov, G.L.* Rannevizantiyskiy gorod (Antiokhiya v IV v.) [Early Byzantine city (Antiochia in the 4th century) / G.L. Kurbatov; Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. – Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1962. – 284, [2] p. (in Russian)

7. *Kurbatov, G.L.* Ritorika [Rhetoric]. / G.L. Kurbatov // *Culture of Byzantium of the 4th - first half of the 7th centuries.* – Moscow: Nauka, 1984, pp. 334–338. (in Russian)

8. *Kurbatov, G.L.* Rannevizantiyskiye portrety : k istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli [Early Byzantine portraits: to the history of social and political thought]. / G.L. Kurbatov. – Leningrad: Leningrad University Publishing House. 1991. 274 p. (in Russian)

9. Marcellinus, Ammianus Rimskaya istoriya [Roman History]. / Marcellinus Ammianus; translated by Yu.A. Kulakovsky and A.I. Sonny. – 2nd ed. – St. Petersburg: Aletya, 1996. 576 p. (in Russian)

10. Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru [Real dictionary of classical antiquities according to Lubker]. In 4 issues, issue 3 / Friedrich Lubker; translated by the Society of classical philology and pedagogy; ed. A.I. Georgievsky and others – St. Petersburg, 1884. [2], 901–1346 p. (in Russian)

11. *Syuzumov, M.Ya.* Politicheskaya bor'ba vokrug zrelishch v Vostochno-Rimskoy imperii IV v. [Political Struggle Over Spectacles in the Eastern Roman Empire of the 4th Century]. / M. Ya. Syuzumov

// Scientific Notes of the Ural State University. – Sverdlovsk, 1952. – Issue 11, pp. 84–134. (in Russian)

12. *Cribiore, R.* The school of Libanius in late antique Antioch / R. Cribiore. – Princeton University Press, 2007. – 360 p.

13. *Cribiore, R.* Libanius the Sophist: Rhetoric, Reality, and Religion in the Fourth Century / R. Cribiore. – London, 2013. – 323 p.

14. *Seeck, O.* Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet / O. Seeck. – Repr. 1906. – Hildesheim, 1967. – 506 p.

15. *Pernot, L.* La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain / Laurent Pernot. – Paris : Institut des Études augustiniennes, 1993. – 879 p.

16. *Wintjes, J.* Das Leben des Libanius / J. Wintjes. – Rahden, 2005. – 303 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРХИВЫ И ИНСТИТУЦИИ

ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
ГАТО	Государственный архив Тамбовской области
ЖМП	Журнал Московской Патриархии
ИТУАК	Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОГПУ	Особое государственное политическое управление
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРЭСО	Объединение русских эмигрантских студенческих организаций
ОСРК	Основное собрание рукописной книги
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РСХД	Русское студенческое христианское движение
ТЕВ	Тамбовские епархиальные ведомости
ТОКМ	Томский областной краеведческий музей
ЦК РКП(б)	Центральный Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)

Научный журнал

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

№ 2 (11) 2020

Компьютерная верстка – **Т.В. Подковырова**
Корректор – **Л.И. Дудова**

Подписано в печать 00.08.2020 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 500 экз. Заказ № 435

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru

ISSN 2687-072X

9 772687 072007 >

